

В.К.Осипов

ВЛАСТИТЕЛИ
ГЮЛИСТАНА

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Владимир Карлович Осипов

Властители Гюлистана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70098565

SelfPub; 2023

Аннотация

Предлагаемая работа, как явствует из названия, есть генеалогическое исследование, посвященное одной из древних княжеско-меликских фамилий Карабаха – гюлистанскому роду властительных князей Мелик-Бегларянов.

Содержание

От автора	4
Меликства как наследники традиции государственности в Арцахе	7
Гюлистанский гавар: расположение, границы, исторические названия и национальная власть до возникновения меликств	29
Происхождение Мелик-Бегларянов	48
Родословная правителей Гюлистана	87
Исахан.	107
Тамраз.	111
Абов.	114
Мелик Беглар.	161
Мелик Абов.	163
Чужбина, не ставшая родиной	220
Потомки	231
Потомки Беглара.	234
Потомки Абова.	241
Ростом.	243
Есаи (Сая).	244
Манас.	245
Беглар и Абов.	246

Владимир Осипов

Властители Гюлистана

От автора

Предлагаемая работа, как явствует из названия, есть генеалогическое исследование, посвященное одной из древних княжеско-меликских фамилий Карабаха – гюлистанскому роду властительных князей Мелик-Бегларянов. Необходимость появления подобного рода работы назрела давно, ибо среди множества, в том числе и недавно появившихся на свет, безусловно, полезных и заслуживающих внимания работ, так или иначе посвященных карабахской истории XVI-XIX веков нет (по крайней мере, нам неизвестно) ни одной чисто генеалогической.

Акцентируя внимание на карабахской истории, я, разумеется, далек от мысли рассматривать картину жизни этого края Армении вне контекста общеармянской истории.

Все дело в том, что история Карабаха вышеуказанных, а также предыдущих трех-четырёх веков является историей политической и государственной жизни армянского народа в этот период времени. После распада или падения централизованных общеармянских государств карабахские княжества на протяжении пяти веков (XIV-XIX) были единствен-

ными дееспособными армянскими государственными образованиями, а карабахские князья – единственными армянскими правителями этих лет.

Уважающий себя народ должен знать правителей своего прошлого, великих и не очень, мудрых и посредственных, сильных и слабовольных, благочестивых и порочных. Всех. Довести до народа правдивую, полнокровную его историю есть обязанность людей, чьей профессией или призванием является исследование минувших столетий.

К сожалению, история политической и государственной жизни армянского народа XVII-XIX веков освещена не должным образом. Более ранние периоды карабахской истории (а, как мы уже говорили, история Карабаха XIV-XIX веков есть не что иное, как история политической и государственной жизни армянского народа в этот период) описаны довольно подробно и всеобъемлюще, и это во многом благодаря неиссякаемой энергии исследователя Баграта Улубабяна. Широко известны его книги "История Арцаха от начала до наших дней" и "Княжества Хачена X-XV вв.", привлёкшие внимание как специалистов, так и любителей исторических произведений. История Карабаха XVII-XIX веков, так называемого меликского периода, ждет еще своего Улубабяна. Разумеется, мы далеки от мысли претендовать на эту роль. Возможности наши слишком скромнее, да и интересы охватывают пока историю маленькой части Карабаха – Гюлистанского меликства (княжества) или, как принято сей-

час называть эту территорию, Северного Арцаха.

Предлагаемая работа всего лишь скромная попытка заполнить некоторые белые страницы истории княжеских фамилий Карабаха. Насколько она удалась – судить Вам, уважаемый читатель.

Прежде, чем Вы приступите к чтению собственно самой работы, считаем своим долгом довести до вашего внимания также нижеследующее:

1. При работе над этой книгой я пользовался трудами следующих авторов: Раффи, Е. Лалаян, Лео, Б. Улубабян, Т. Х. Акопян, К. Каграманян, Ш. Мкртычан и многих других. (Более полный перечень содержится в библиографии).

2. При разворачивании родового дерева Мелик-Бегларянов, говоря о людях той или иной эпохи, а также при написании первой главы данной работы периодически возникала необходимость в кратких исторических обзорах того или иного периода, которые мы делали, следуя двум столпам, двум гигантам армянской исторической науки XX века – Лео и Б. Улубабяну.

3. В ряде случаев в данной работе я ссылаюсь на работу – Г. А. Акопяна и В. К. Осипова "Гюлистан: страницы истории". Делая ссылки на этих авторов, мы, как правило, говорим о них в третьем лице.

Желаю интересного и увлекательного чтения.

С уважением, автор

Меликства как наследники традиции государственности в Арцахе

В обывательском понимании истории армянского народа давно прослеживается тенденция отождествления распада централизованного государства с потерей государственности и отмиранием политической жизни народа.

Эту тенденцию еще в начале XX века заметил и подверг критике Карапет Тер-Мкртчян. Однако и в последующие годы нижеупомянутый обывательно-примитивный взгляд на армянскую историю продолжал существовать, более того, "перекочевал" в научную среду. Чтобы не показаться голословными, приведем один пример (при желании их можно было бы привести десятки). В энциклопедии "Армянский вопрос" в статье "Республика Армения" (речь идет о первой Армянской республике, образованной 28 мая 1918 г. – авт.) читаем: "Образование РА (Республики Армения – авт.) ознаменовало собой восстановление армянской государственности через пять с половиной веков после падения Киликийского армянского государства (1375 г.)". К месту будет отметить, что "после падения Киликийского армянского государства" армянская государственность продолжала существовать еще четыре с половиной века в го-

рах Карабаха, вплоть до водворения русского владычества в Закавказье (В.А. Потто). Этот немаловажный факт остался почему-то незамеченным историками. Вместо этого была выдвинута ставшая позже официальной версия (энциклопедические словари придерживаются, как правило, официальной версии) о пятивековом периоде безвременья и отсутствия независимости (политической). Баграт Улубабян в своей книге "История Арцаха", не соглашаясь с приверженцами данной версии, пишет: "Внимательное изучение истории Арцаха показывает, что ошибаются авторы этого, давно получившего всеобщее одобрение и официальное признание, мнения. В Арцахе и в послемонгольский период (т.е. в период после нашествий Тамерлана, 1380-е и последующие годы. – авт.) сохраняли и защищали свое существование потомки коренных армянских князей Араншахик, которых сменили новые, возникшие из этого же рода ветви – мелики, без возражений признаваемые крупными армянской государственности, просуществовавшими до начала XIX века".

Падение Киликии, равно как и падение других армянских царств (Аршакидов – 387-428 гг. и Багратидов – 1045 г.), не стало да и не могло стать концом армянской государственности, ибо в периоды между образованием единых централизованных государств, а иногда и параллельно с ними, в различных частях Армении существовали небольшие по размерам, разрозненные территориальные образования со всеми, или почти со всеми атрибутами государства. Эти мелкие княже-

ства и царства, по выражению Раффи, "служили звеньями, которые неразрывным образом сохраняли армянскую независимость до восстановления потерянной короны".

В различные периоды армянской истории такие "звенья независимости" существовали в Тароне, Капане, Лори и в других местах, словно по эстафете передавая огонь независимости друг другу до достижения заветной цели – создания независимого всеармянского государства.

Арцах среди других областей Древней Армении занимает в этом отношении особенное место, ибо никогда не являлся лишь этапом в этой своеобразной эстафете. Государственность здесь не прерывалась никогда. Независимые армянские политические образования в Арцахе возникли почти сразу же после распада царства Аршакидов (428 г.) и существовали вплоть до воцарения на русском троне Александра I и персидской кампании Цицианова (начало XIX столетия). За эти более чем тринадцать веков в Арцахе, сменяя друг друга, на арену выходили несколько армянских государств, различных по территории, по степени независимости и даже по форме правления. Впрочем, фраза "несколько государств" не совсем уместна в данном случае. По сути, это было одно государство, пережившее несколько этапов развития и под воздействием политических реалий того или иного периода истории часто менявшее названия, тип и способы правления, то становясь мощным, сплоченным объединением, то распадаясь на невеликие, но вполне самостоятельные

образования, при этом не менявшее ни этнический состав, ни идейное предназначение и ни правящую фамилию.

Если попробовать выстроить в ряд названия всех армянских государств Арцаха, точнее все названия армянского государства в Арцахе с V по XIX век, то получим примерно следующую картину: царство Араншахидов – княжество Михранидов – княжества Араншахидов Хачен и Дизак – Арцахские меликства – федерация Арцахских меликств Хамса.

"Домеликский" период истории Арцаха выходит за рамки предлагаемой работы. Однако мы не можем обойти данную тему стороной, по той простой причине, что карабахские меликства возникли не по слепому жребию судьбы, в одночасье, "из ничего", а являлись наследниками многовековой традиции, опыта государственности в армянском Арцахе и венцом политических стремлений арцахского армянства, ведомого в течение лихих столетий своими коренными, исконными, если хотите, богоданными князьями, далекими пращурами медиков.

Посему, позволим себе краткое отступление в виде справки об Арцахской государственности и исторической топонимике восточного края Армении до появления на исторической сцене меликств и меликов, следуя, в основном, патриарху современного арцаховедения Баграту Улубабяну.

История армянского народа, подобно истории других народов, знала периоды расцвета и упадка, могущества и бессилия, национального единения и феодальной раздроблен-

ности. Находясь на стыке интересов могущественных соседей, Армения нередко превращалась ими в арену выяснения отношений, при этом угроза, исходящая извне, очень часто подкреплялась внутренней, куда более серьезной угрозой – центробежными стремлениями нахараров. Конец IV века стал одним из трагических периодов в армянской истории. На фоне слабеющей центральной власти усилились междоусобицы. Червь сепаратизма разъедал веками сложившиеся устои государства. Страна неотвратимо двигалась к катастрофе, которая не заставила себя ждать: два монстра, две тирании – Византия и Персия – разделили между собой ослабленную внутренними распрями Великую Армению. Произошло это в 387 году. В Византийской, или Западной, части Армении государственность была ликвидирована почти сразу же. В Персидской же части, охватывающей основную территорию страны, представители армянских Аршакидов сохранили свою власть и право именоваться царями вплоть до 428 года, когда был низложен с трона последний Аршакид – Арташес. Это событие носило во многом формальный характер, ибо реальную независимость Армения потеряла за четыре десятилетия до этого. Захватив страну и ликвидировав царство, персы учредили здесь, а также в сопредельных подконтрольных им странах, в Грузии (Вирк) и в Албании (Алуанк, Агванк, располагалась левее Куры) свои административно-территориальные единицы – Марзпанства. Это принесло Армении новые испытания. Провин-

ции Арцах и Утик были отторжены от основной части страны, составившей Марзпанство Армения, и объединены вместе с левобережьем Куры в другое Марзпанство, получившее название Алуанк (Албания). Еще одно Марзпанство включило в себя Грузию. Таким образом, из вновь учрежденных трех Марзпанств обширного Персидского царства два были моноэтническими объединениями, а третье заселяли кроме армян Арцаха и Утика многочисленные племена собственно Албании. И еще: учреждение Марзпанств стало, по сути, вторым разделом Армении после 387 года. В последующие годы название Алуанк-Агванк распространилось на восточные земли Армении – провинции Арцах и Утик, а после того, как распалось бывшее единство исконной Албании, этого ареала своеобразного конгломерата племен, и различные части левобережья Куры стали именоваться по названиям их населяющих племен, под топонимом "Алуанк" понималось только правобережье Куры – Арцах и Утик. Так, средневековый армянский историк Мовсес Каланкатуаци, описавший историю восточных армянских земель, назвал свой труд "История страны Алуанк".

Наряду с названием "Алуанк" применительно к провинциям Арцах и Утик использовались также названия "Восточная сторона" и "Армянская восточная сторона", то есть восточная окраина страны армян – Армении. В специальной литературе правобережье Куры нередко называется "Армянский Алуанк", в отличие от Алуанка исконного, многоэтни-

ческого образования в левобережье Куры.

Надо сказать, что понимание вышеизложенного пришло в историческую науку не сразу. Топоним "Алуанк" долгое время вводил в заблуждение даже многоопытных, добросовестных ученых в вопросе об этническом составе Арцаха и Утика.

Особо следует подчеркнуть, что с начала 1960-х годов именно непонимание, вернее, нежелание понимать, какой смысл вкладывали армянские летописцы в слово "Алуанк", и стало поводом для развязывания рядом азербайджанских историков (их правильнее было бы назвать сказочниками) псевдонаучной демагогии об этническом составе и культурной среде правобережья Куры.

После ликвидации царства Араншахидов и образования Марзпанств, Персидский Двор пошел еще дальше в деле полного подчинения себе Армении. Дело в том, что фактическими правителями на местах, как в период упадка царства Араншахидов, так и в эпоху персидского владычества, являлись армянские нахарарские фамилии, а роль выразителя общенациональных интересов при отсутствии государственности взяла на себя армянская Церковь. Понятно, что для окончательного установления своего верховенства в Армении персам необходимо было устранить эти два препятствия. Нахарарские роды были значительно ограничены в своих правах. Усилился экономический гнет населения. Однако все эти притеснения были ничтожными, по сравнению

с начавшимися гонениями на армянскую Церковь и Веру.

В подобных ситуациях главное – не перегибать палку, иначе можно получить совершенно обратный эффект. Персам, видимо, не известна была эта истина, и они получили то, чего никак не ожидали. Гонения на Церковь привели в конечном счете к общенациональному единению армянского народа, выразившемуся в двух мощных антиперсидских восстаниях 451 и 480 гг. И хотя восстания не увенчались успехом, не принесли полнейшего избавления от чужеродного ига, однако все же заставили Персидский Двор быть более дипломатичным по отношению к Армении, что выразилось в ослаблении гнета и предоставлении некоторых свобод нахарарам и Церкви.

Воспользовавшись этими свободами, древние нахарарские роды окрепли и взяли фактическую власть в стране в свои руки.

В Арцахе нахарарский род Араншахиков пошел еще дальше своих собратьев и создал в конце V века национальное государство, известное как Алуанское царство, или Царство Восточной стороны. Его основателем явился Вачаган из рода Араншахик, прозванный Благодетелем (Барепашт) за свою богоугодную деятельность и заботу о духовном возрождении вверенного ему народа. В период его царствования небывалый размах приобрела просветительская деятельность, открывались школы и церкви. По свидетельству Каланкатуаци, Вачаган построил церкви по числу дней в году.

Именно в годы царствования Вачагана в местности Агвен Арцаха собором, созванным им самим, был принят свод законов, получивший название "Конституционные каноны" и призванный регламентировать светскую и духовную жизнь армянского Алуанка. Наконец, именно при Вачагане состоялось возрождение христианской веры в Арцахе, притесненной различными сектами и вероучением персидских завоевателей. Особенное внимание благочестивый царь уделял культу святых мучеников.

Царство Вачагана явилось началом государственности в армянском Алуанке после распада централизованного армянского государства и продолжало жить, не взирая ни на какие внешние и внутренние факторы, в течение долгих столетий. Создавшие в Арцахе в последующие века государственные образования бесспорно явились преемниками царства Вачагана в политическом, моральном и этнокультурном отношении.

Подобно государственности, в Арцахе удивительную живучесть показал и нахарарский род Араншахиков.

Потомков этого рода без особого труда можно встретить и сегодня под разными фамилиями: Шахназарян, Бегларян и т. д. Начиная с Вачагана, Араншахики являлись одними из главных, а в определенные периоды чуть ли не единственными действующими лицами армянской политической сцены, исключая период с VII по IX век, когда перебравшийся из Ирана в гавар Гардман Утика род арменизированных

Михряннов (Михранидов) смог временно вытеснить исконных правителей Арцаха. Однако это не поколебало Араншахиков. За все время верховенства Михранидов в армянском Алуанке между ними и Араншахиками шла ожесточенная, кровопролитная борьба, закончившаяся лишь в конце IX века, благодаря женитьбе одного из Араншахиков – Атрнерсеха на представительнице Михранидов – Спрам. Этой свадьбе предшествовало убийство последнего мужского представителя Михранидов – Степаноса.

К концу IX века относится и возрождение рода Араншахик. Две их ветви правили в Арцахе: одна ветвь – в Хачене, другая – в Дизаке. Два великих представителя этих ветвей – Сахл Смбатьян и Есаи-Абу-Мусе прославили свое имя в борьбе с арабскими захватчиками, заполнившими край еще в середине VII века.

Борьба с арабами значительно ослабила Араншахиков, их владения существенно уменьшились в размерах. Возрождение государственности в Арцахе связывается с именем внука Сахла Смбатьяна – Григором, восстановившим власть и вернувшем владения праотцов. При его правлении княжество Хачена значительно расширилось в границах, вобрав в себя также армянонаселенный гавар Камбечан в исконной Албании.

После Григора власть в Хачене перешла к его сыновьям. Именно с этого времени наблюдается тенденция распада Хаченского княжества на несколько частей, которая еще более

усилилась в период сельджукских нашествий на Закавказье (XI-XII века).

К середине XII века Хачен был окончательно расколот на три основные части, где властвовали потомки Араншахиков, ведя ожесточенную борьбу против сельджукских завоевателей. Вопрос о верховенстве того или иного хаченского рода над двумя другими, по-видимому, не был предметом споров и разногласий. Оно (верховенство) зависело от личных качеств того или иного правителя и именно поэтому переходило от одной ветви к другой. Разумеется, переход этот был бессистемным и нерегламентированным явлением. Княжеских ветвей в Хачене было три, по числу удельных княжеств: одна ветвь властвовала в Верхнем Хачене, вторая – в Атерке, третья – в Нижнем Хачене.

В период сельджукских завоеваний Арцах – Хачен подвергся очевидному разорению. Правящие ветви его ослабли, владения армянских правителей были значительно сужены. Возрождение Хаченского княжества началось в конце XII – начале XIII века. Вообще, этот период в армянской истории ознаменовался бурным национальным подъемом и фактическим созданием, общенационального государства в пределах самой Армении (армянское государство за пределами Армении – в Киликии – существовало уже более века, с 1080 года). Общенациональный подъем был обусловлен следующим обстоятельством: на фоне ослабевающего сельджукского владычества соседняя с Арменией Грузия стала мощной

державой. Далеко не последнюю роль в этом укреплении грузинского царства сыграли армянские князья Иване и Закаре Закаряны. Именно под предводительством этих двух братьев объединенные армяно-грузинские войска освободили значительную часть Армении, в том числе столицу Багратидов – Ани. Формально освобожденные армянские территории входили в состав Грузии, однако фактическими правителями страны были Закаряны. Помимо собственных обширных владений Иване и Закаре в вассальной зависимости от них находился ряд других армянских княжеств, как ранее существовавших, так и созданных при их непосредственном участии (наиболее отличившимся своим сподвижником из дворянских фамилий Армении Закаряны дарили обширные владения, сделав их своими вассалами и основоположниками новых княжеских фамилий).

Армения времен Закарянов, таким образом, была разделена на множество мелких княжеств, подконтрольных Иване и Закаре. Разумеется, братья понимали, что преданность подопечных не могла зиждиться лишь на военной мощи попечителей, поэтому действовали старым, веками проверенным способом: устанавливая тесные брачные узы со всеми наиболее значимыми княжескими фамилиями. Наиболее наглядно это проявилось в Хачене. Все три ветви хаченцев породнились с Закарянами. Две сестры Закаре и Иване – Доп и Хоришах – были выданы замуж за представителей соответственно верхнехаченцев – hАсана и нижнехаченцев

– Вахтанга. Еще одна родственница Закарян стала женой владельца Атерка – Вахтанга. Сам факт того, что могущественные Закаряны не берут невесту из Арцаха, а наоборот, выдают за хаченских князей своих представительниц, говорит о высокой степени влияния и самодостаточности Хаченских княжеств. Об этом свидетельствует и то, что ни безусловное могущество Закарян, ни укрепившаяся за ними слава собирателей земель армянских, ни даже родственные узы не способствовали установлению окончательного их верховенства в Арцах-Хачене. Как пишет Б. Улубабян: "Очевидно, что объединенному военному содружеству (идентичнее было бы перевести "соратничеству" – имеется в виду существовавшее де-факто государство Закарян. – авт.) были подчинены в основном князья Верхнего Хачена (Цар, Сотк) и Атерка". Нижнехаченская ветвь сумела, повидимому, отстоять свою самостоятельность от Закарян. И это немаловажный факт.

Обобщая вышесказанное, повторяем, что усилиями Закарян в Арцахе, как и во всей Армении, было свергнуто чужеродное иго сельджуков. И, хотя часть Арцаха попала после этого в зависимость от Грузии, это не воспринималось как большая трагедия, ибо фактическими представителями страны являлись армянские властители. Для более четкого представления роли Закарян в грузинском государстве приведем цитату из статьи "Закаряны" в Армянской Советской Энциклопедии: "В 1203 году Закаре получил от Тама-

ры также должность мандатортухецеса – хранителя государственной печати и начальника охраны царицы (напомним, что перед этим Закаре был главнокомандующим грузинскими войсками – амирспасаларом. – авт.). Иване в 1191 году получил должность великого визиря двора, а после смерти Закаре (1212) стал амирспасаларом и попечителем двора – атабеком (буквально – отец царя)".

Таким образом, ясно, что зависимость Хачена от грузинских царей была более чем номинальной. Закаряны были попечителями не только двух хаченских ветвей Араншахиков, но и Грузинского Двора (читай – Грузии).

В начале XIII века ослабла Атеркская ветвь, и Иване передал владения Атеркцев своим вассалам и сородичам верхнехаченцам. Вспомним, что сестра Иване была замужем за верхнехаченским князем Асаном, после смерти которого сама стала властительницей края. "Можно предположить, – пишет Б, Улубабян, – что супруг Доп – Асан умер рано, и в дальнейшем правительницей княжества стала его жена. Настолько знаменательное событие, по причине которого в дальнейшем и княжество и княжеский род стали называться по ее имени -Домян"

Национальный подъем, вызванный усилением Закарянов, длился недолго. Страну вскоре, в 20-х годах XIII столетия, заполонили монгольские орды. "Монгольские войска в первый раз вторглись в Закавказье в 1220- 1221 гг. Однако, встретив в 1221 году близ города Шамкора (Хунанская бит-

ва) упорное сопротивление, вынуждены были отступить. Через 14 лет после этого, вторгнувшись во второй раз в Северную Армению, в течение 1235-1236 гг. полностью завоевали ее". Б. Улубабян связывает завоевание Армении со смертью Иване Закаряна и отсутствием у его сына – Авага и племянника – Шахншаха, сына Закаре, храбрости предков и трезвого государственного мышления. Так или иначе, спустя почти полтора десятилетия после своих первых походов, монголы сумели овладеть Закавказьем. Первые двадцать лет завоеванные земли Закавказья находились под властью монгольских полководцев, то есть эта обширная территория не представляла собой потомственное владение. С выделением обширного монгольского государства в улусы Закавказья вошло в состав обширнейших владений Хулагу (Удаву), брата великого хана Мангу. "Хулагу и его преемники, которые звались хулагитами, постепенно оторвались от влияния великих ханов и стали самостоятельными правителями. Основанное Хулагу государство было названо Западное Ильханство или Ильханство, Хулагидов. Годом основания Западного Ильханства считается 1256 год". Монгольские нашествия нанесли неопишущий урон стране, ослабили национальные государственные институты. Разрозненные армянские княжества не смогли устоять перед воинственной, дикой сущностью азиатских кочевников. Однако о полной ликвидации государственности в Арцахе не могло быть и речи, ибо правители края какими-то невероятными усилиями и дипло-

матическими ухищрениями сумели сохранить свою власть, пусть даже во многом ограниченную, вассальную, но национальнo и потомственную.

Своим дипломатическим мышлением выделялся владетель Нижнего Хачена hАсан-Джалал-Дола, сумевший отстоять свои владения и даже получить от монгольского Бату-хана свои, некогда завоеванные сельджуками и Закарянами, территории. Однако дружба монголов была непоследовательной, непостоянной, а политика – двуличной. В 1261 году hАсан-Джалал был подвергнут мучительной казни. Власть отца перешла к сыну – Иване, прозванному также Атабеком в честь Ивана Закаряна, родного дяди hАсана-Джалала (hАсан был сыном Хоришах – сестры Ивана Закаряна).

Потомки hАсана-Джалала вошли в историю как княжеский род hАсан-Джалалянов. В указанный период боролась за выживание другая ветвь Араншахигов – Допяны. Этим двум родственным княжеским фамилиям (причем родственным не только потому, что имеют общего прародителя по отцовской линии, но и потому, что являются потомками двух сестер Закарянов) и суждено было донести до новейших времен обугленные остатки армянской независимости, противостоя разношерстным ордам завоевателей, сменявших друг друга с потрясающей быстротой. Монголов сменил Тамерлан, последнего – кочевники Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, потом пришел черед персотурецким войнам, разорившим страну и уничтожившим многих представителей правящих

родов Арцаха. Относительное спокойствие в крае утвердилось с установлением персидского владычества и возникновением новых форм государственной независимости – меликств.

Что же собой представляли меликства? Армянская Советская Энциклопедия дает следующее определение меликств: "Меликства – разновидность феодальных княжеств XVI-XVIII веков в Восточной Армении". Б. Улубабян в уже приведенной нами цитате называет их "крупницами армянской государственности". Т.Х. Акопян также называет их государствеиными образованиями. Мелик означает властитель, князь, царь. Разумеется, в Арцахе это слово приобрело несколько иное, несравнимо скромное значение. Так именовали себя владельцы небольших горных княжеств, обладающих определенной степенью независимости. Эти горные княжества безусловно являлись выжившими крупницами прошлых армянских княжеств, ибо располагались на их исторических территориях, а правители меликств – мелики – в массе своей были потомками древних княжеских родов. Не случайно наиболее значимые армянские меликства находились в Арцахе и Сюнике, то есть там, где в период, возникновению меликств, имелись независимые армянские княжества.

О времени возникновения меликств исследователями высказаны разные суждения. Так, например, М. Бархударян считал, что меликства возникли в первой половине XV ве-

ка, когда на персидском троне восседал Кара-Коюнлу-Джаханшах. Почти то же самое повторяет Т.Х. Акопян, добавляя, что Джаханшах "назначил в них (меликствах. – авт.) правителями меликами выживших представителей армянских княжеских домов предыдущего периода, которые были до этого всего лишь "танутерами". Меликам были даны обширные внутренние права для правления в рамках своих меликств. Лео считал, что меликства возникли в начале XVI века. Раффи, говоря о времени создания меликств, пишет, что они приобрели более узаконенный статус во времена персидского Шах-Аббаса (конец XVI – начало XVII века). Б. Улубабян считает, что в данном вопросе прав Раффи. Однако процесс распада целостных княжеств в Арцахе начался именно во времена Джаханшаха, и, как пишет тот же Улубабян, "Персидский Двор поддерживал этот распад и сам давал расколовшимся привилегии местного правителя. Ему была выгодна раздробленная, несплоченная страна, когда каждый местный правитель был врагом, своего соседа и нуждался в покровительстве чужеродного властителя. Правители этих мелких образований, именовали себя по-разному: "мелик", "князь", "парон" и т.д. О наличии титула "мелик" среди армян во времена Джаханшаха свидетельствует, в частности, следующая надпись, приводимая С. Бархударяном в своей статье "Мелики и танутеры Гехаркуника": "В год 1452 я – мелик Танкркули, сын мелика Гукаса, внук Ахбуха, воздвиг этот крест во спасение души моей". Надпись

эта была переписана С. Бархударяном с одного из хачкаров в Мартунинском районе Армении. Примечательно, что Танкркули называет медиком не только себя, но и своего отца Гукаса, который, по утверждению того же автора, правил 60 лет во вверенном ему меликстве, носившем название Параканк-Паркунис. Таким образом, получается, что титул "мелик" был в обиходе по крайней мере с начала XIV века. Владение мелика Танкркули занимало, по всей видимости, небольшую территорию. Это дает нам основание предполагать, что титул "мелик" в данном случае употреблен в несравнимо более узком значении, нежели то, что подразумевал этот титул в XVII-XVIII веках. Меликства в том значении, в котором сегодня они воспринимаются, возникли, по всей видимости, значительно позже, и, как уже говорилось, исследователи склонны связывать это с именем Шах-Аббаса (1587-1629 гг.). "Именно грамоты Шах-Аббаса узаконили права и обязанности армянских медиков". У Т.Х. Акопяна, однако, на этот счет своеобразное мнение: "Сефевиды, захватив Восточную Армению в XVI веке, первоначально не только недооценили силы армянских княжеств-меликств, но и нанесли последний огромный удар. Однако, начиная со второго десятилетия XVII века, Сефевидские шахи начали вести по отношению к армянским меликствам такую же политику, какую вели в XV веке Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу". Иными словами, получается, что Шах-Аббас, узаконивая статус меликств, не изобретал ничего нового, а лишь вос-

становил упраздненный его предками порядок. Таким образом, по мнению исследователей, именно Шах-Аббасу принадлежит честь основателя, или, по крайней мере, восстановителя (называемый Т.Х. Акоюном период второго десятилетия XVII века приходится именно на царствование Шах-Аббаса) системы прав и обязанностей армянских медиков.

Что же подразумевали эти права и обязанности? В своем внутреннем управлении мелики были единоличными повелителями. Лео пишет: "Мелик был хозяином, повелителем, причем самовольным и самовластным, никто не имел право делить с ним его власть". По сведениям, оставленным Е. Лалаяном, их власть внутри своих владений не ограничивалась только светской сферой. Меликами часто управлялась и духовная жизнь своих подданных. Так, они могли разрешить или расторгнуть брак и даже рукоприлагать священников. В своих владениях мелики имели право собирать налоги, призывать на воинскую службу, вершить суд, охранять порядок. По приказу меликов приводилось в действие решение ими же самими олицетворяемого суда. Бывали случаи, когда мелики применяли смертную казнь. Таким образом, в их руках находилась не только светская и духовная сфера жизни подданных, но и их смерть. Для охраны границ своих владений мелики содержали регулярное войско. Налицо все или почти все атрибуты независимого государства. Зависимость меликов от персидских властителей заключалась в том, что они утверждались шахскими грамотами – ферма-

нами и платили особую дань (шахлух). Как пишет Б. Улубабян, именно последними двумя обстоятельствами мелики отличались от прошлых правителей края. Однако, как увидим в дальнейшем, и эта зависимость от Персиского Двора сводилась на нет, как только появлялись признаки ослабления власти шахов и усиления междоусобной борьбы за персидскую корону. Кроме меликов, национальное управление в меликствах вели также избранные народом и утвержденные меликом сельские старшины – танутеры. Значительную роль в жизни меликства играли также наиболее отличившиеся военачальники, которым мелик жаловал титул "юзбаши", а также братья мелика, которые звались беками. Отметим также, что власть мелика была наследственной и передавалась от отца к старшему сыну, который при жизни отца звался мелик-зада".

Завершая это краткое повествование, отметим следующее: меликства, как новая форма национальной государственности в Восточной Армении пришли на смену армянским княжествам и носили в себе зачатки национальной самостоятельности. Наиболее значительными меликствами в армянской истории были карабахские – арцахские меликства: Гюлистанское, Джарбердское, Хаченское, Варандское и Дизакское. В каждом из них правили зародившиеся вследствие разветвления хаченских правящих фамилий княжеские роды.

Необходимо акцентировать вот какое обстоятельство:

раздробление Хачена на мелкие княжества с последующим перерождением последних в меликства было не концом государственности, а лишь периодом- в ее истории. Этого периода не избежало, пожалуй, ни одно средневековое государство. Имя этому периоду – феодальная раздробленность. Образование мелких княжеств не место единого, сплоченного объединения было ничем иным, как возобладанием местничества над общенациональными интересами. Карабахские меликства долгое время были воплощением именно этого местничества, пока общая угроза и твердая рука мелика Егана не объединила вышеуказанные пять меликств в союзное федеративное государство, вошедшее в историю под названием "Меликства Хамсы".

Гюлистанский гавар: расположение, границы, исторические названия и национальная власть до возникновения меликств

Прежде чем начать говорить собственно о самой теме данной главы, разъясним для русского читателя один широко используемый в армяноязычной литературе термин для обозначения маленьких административно-территориальных единиц. Это термин "гавар". Так назывались территориальные единицы в составе провинций (наангов) Великой Армении. Слово "гавар" можно перевести, как уезд, область, провинция. Традиционно этим словом, правда с несколько измененным смыслом, обозначались армянские территориальные образования и в более позднее время. Если в период существования Армянского царства "гавар" подразумевал собой составную часть более крупных территориальных образований, то в позднейшее время этим термином могли обозначаться также вполне самостоятельные политические образования. Именно второй смысл использовали исследователи, называя карабахские меликства гаварами, а меликов – владельцами этих гаваров. Сами мелики нередко называли

себя властителями того или иного гавара, что, разумеется, вовсе не делало их уездными правителями. Таким образом, мы выяснили, что применительно к периоду существования меликств термин "гавар" значительно изменил свой смысл по сравнению с более ранними временами. Именно по этой причине мы озаглавили данную главу "Гюлистанский гавар", а не, скажем, "уезд", "область" или "провинция". Ни одно из трех определений, по нашему мнению, не может служить полноценным переводом слова "гавар" в контексте нашего повествования. Сделав это, на наш взгляд, принципиальное разъяснение, приступим к самой теме данной главы.

Гюлистан был самым северным из пяти гаваров Карабаха, составивших некогда сплоченное единство и носивших общее название "Меликства Хамсы". Территорию гавара соответственно с севера и юга ограничивали реки Курак и Тартар. На западе естественной границей служил Мравский хребет. Относительно восточных, границ у исследователей отсутствуют четкие, недвусмысленные представления. Раффи, например, восточной границей гавара считал современную ему почтовую дорогу. То же самое повторяет "Словарь топонимов Армении и прилегающих областей". Однако дорога в данном случае может служить скорее ориентиром, чем границей. У других авторов границы гавара описаны еще более расплывчато. Однако, как бы там ни было, куда бы ни распространялся гавар на востоке, ясно, что его территория, в основном, совпадает с территорией историческо-

го гавара Мец-Кохманк провинции Арцах. Возможно, что в период могущества меликов Гюлистан охватывал также некоторые территории сопредельных исторических гаваров, прежде всего гавара Парисос Арцаха и гавара Агве Утика. К последнему рассуждению нас подталкивает то обстоятельство, что границы исторических гаваров еще более неопределенны, чем границы меликств. Один и тот же гавар разными исследователями располагается в разных местах. Так, исследователи М. Бархударян, Б. Улубабян отождествляют Гюлистан с Мец-Кохманком. Другие исследователи, например С. Еремян и Ш. Мкртчян, – с гаваром Агве Утика. Касательно местоположения Мец-Кохманка четкие, недвусмысленные сведения содержатся в "Истории страны Алуанк". Исходя из этих сведений, гавар Мец-Кохманк Арцаха расположен в долине Тартара, иными словами, правы те исследователи, которые отождествляют этот гавар с позднейшим Гюлистаном.

Благодатная долина Тартара известна своими историческими памятниками и селениями, среди которых (на интересующей нас территории) выделяются Урекан с расположенным неподалеку монастырем Глхо, Гютакан, служивший резиденцией Вачагану Барепашту, Бердакур – летняя резиденция католикосов Алуанка".

Возможно, здесь же располагался и знаменитый Агвен, где были приняты "Конституционные каноны". По крайней мере, так утверждает, ссылаясь на Лео, К. Каграманян. М.

Бархударян располагает Агвен за пределами Гюлистанского гавара, в долине Хаченагета. По мнению Б. Улубабяна, Агвен также находился за пределами исследуемого нами гавара. Он располагает Агвен вблизи Гандзасарского монастыря. Исследователями была высказана даже мысль о тождественности Агвена с меликской резиденцией Голистана.

Долина Тартара играла значительную роль в средневековой армянской жизни. Здесь расположен средневековый замок Атерк, служивший резиденцией одноименной ветви Хаченского княжества. Обилие монастырей на обоих берегах Тартара по сей день поражает воображение. Это и упомянутый уже монастырь Глхо, и Хатриванк, и Джрвштик, и построенный значительно позже Ерекманкунк. Естественно, этим перечнем не ограничиваются историко-архитектурные памятники долины Тартара. Здесь приведена лишь часть их. Однако и этот неполный перечень впечатляет и заставляет поклониться строительному гению их создателей.

Значение долины Тартара не ограничивалось лишь наличием в ней множества духовных обителей и княжеских или царских резиденций. В средние века именно здесь пролегал один из путей, соединяющих Арцах и Утик с Центральной Арменией – дорога Партав-Двин.

Территория Мец-Кохманка в период Хаченского княжества входила во владения различных ветвей князей Араншахик. Так, например, по мнению Улубабяна, в период существования Персидского царства, где властвовал один из

сыновей hАмама-Григора – великого князя Хачена, часть Мец-Кохманка входила в его состав. Позднее, с разделом Хаченского княжества на три части, резиденция епископов Мец-Кохманка стала духовным центром Верхнего Хачена, или Цара. Другая часть гавара – от монастыря Джрвштик до hАтерка – принадлежала hАтеркской ветви Араншахигов. Нижнее течение Тартара входило во владения Нижнехаченской ветви.

С течением времени менялись и названия гавара. М. Каланкатуаци наряду с Мец-Кохманком употребляет и названия Мец-Квянк и Мец-Квенк. Есть основание предполагать, что с середины XII века гавар был известен под названием hЭрга. На название hЭрга, как на синоним Мец-Кохманка, впервые обратил внимание К. Каграманян, указывая на памятную запись в одной из армянских рукописей XV века ("из гавара hЭрга, из области Аран, из города Бартава, из села, что зовется Парис"). Парис – деревня в Гюлистанском гаваре (двух мнений здесь быть не может), значит, Гюлистанский гавар к моменту появления этой записи, а датирована она 1417 годом, уже был известен под названием hЭрга. Что же касается упоминания Партава (Бартав) рядом с названием гавара, то оно вполне объяснимо. Такое упоминание свидетельствует о давних взаимосвязях гавара с этим городом. Их отношения уходят в глубь веков. Известно, что Вачаган Барепашт, имевший основную резиденцию в Партаве, избрал в качестве еще одной резиденции Гютакан, и даже судьбонос-

ные для своего царства законы принимал не где-нибудь, а в Агвене. Если вспомним, что алуанкские католикосы, восседавшие в Партаве, избрали летней резиденцией одно из селений Мец-Кохманка – Бердакур, то картина станет полной. Вероятно, на вышеуказанные взаимосвязи повлияли территориальная близость гавара с Картавом, а также удивительные климатические особенности долины Тартара.

Мы не оговорились, сказав чуть выше, что позднейший Гюлистанский гавар назывался hЭрга значительно ранее появления вышеупомянутой записи, а именно в середине XII века. Такое наше суждение основано на приведенном Б. Улубабяном отрывке из средневекового свидетельства, принадлежащего, по мнению исследователя, перу Мхитара Гоша. В этом пересказанном Б. Улубабяном отрывке говорится о том, что в период сельджукских завоеваний один из сельджукских властителей – Тоган, взявший себе резиденцией Чараберд (Джраберд), вместе со своим тестем, армянским князем Григором – владельцем Хоханаберта, ходил покорять одно из туркменских племён в окрестность крепости hЭрга.

Указывая на схожесть названия hЭркан и названия Эрга из вышеуказанной записи, Б. Улубабян делает предположение, что "гавар hЭрга (что находится в окрестностях Партава) и упомянутая Гошем крепость hЭркан (читай Эрган) относятся друг к другу также, как Чараберд и Чарабердский гавар. (Название гавара Чараберд-Джраберд произошло от одноименной крепости – авт.) На мнение Б. Улубабяна относи-

тельно местонахождения гавара hЭрга в окрестностях Партава повлияло, вероятнее всего, упоминание города Партава рядом с названием гавара. Однако, как было уже сказано выше, деревня Парис находилась в Гюлистанском гаваре, а упоминание Партава не что иное, как результат многовековых укоренившихся взаимосвязей гавара и города, и прав К. Каграманян, когда отождествляет гавар hЭрга с позднейшим гаваром Гюлистан. В таком случае, если верно предположение Б. Улубабяна и крепость hЭркан находилась в гаваре hЭрга (позднейший Гюлистан), то велика вероятность тождественности крепости hЭркан с крепостью Гюлистан, служившей в позднейшее время резиденцией гюлистанским меликам. Это предположение подкрепляется некоторыми косвенными фактами. Так, Мхитар Гош упоминает наличие вблизи крепости hЭркан сопки Кайцо-Цар (кайц – искра, цар – дерево) и Дивахор (хор Улубабян объясняет как углубление на вершине горы). В окрестностях крепости Гюлистан существуют сопки Чахмах (чахмах по-армянски огниво), возвышающаяся над ущельем Чхмхадзор и Хзахор на правом берегу реки Инджа. Очевидно, что топонимы Кайцо-Цар и Чахмах близки по смысловому значению (сопка могла быть покрыта лесом, где добывали трут, используемый при высекании огня с помощью огнива), а название Хзахор вполне могло быть видоизменением Дивахора. Трудно объяснить, как произошло такое видоизменение, однако наличие в обоих названиях слова "хор" дает возможность предпо-

лагать, что подобное видоизменение вполне могло бы иметь место.

Исследователями отмечено еще одно название гавара в период существования меликства. В ряде документов конца XVII – начала XVIII века Гюлистан встречается под названием "Страна Партава", или "Страна Парты". О взаимосвязях гавара с Партавом сказано выше, поэтому не будем повторяться, отметим лишь, что для такого названия существовали реальные исторические предпосылки и, как пишет К. Каграманян, "упоминание Партава кажется естественным.

Несколько слов о названии Гюлистан, которое гавар получил от одноименной деревни, служившей его центром. Селение Гюлистан в армянских рукописях XV века встречается под названием Вардут. Как справедливо отмечает К. Каграманян, "Гюлистан" не что иное, как персидский перевод армянского "Вардута". Оба эти названия идентичны по смыслу, и их можно перевести как "урочище роз". В период существования меликства наряду с Гюлистаном" употреблялось также название "Талиш" (от одноименной деревни, также служившей меликской резиденцией). Гюлистанские мелики довольно часто называли себя владыками Талиша. Так, например, в письме гюлистанского мелика Абова, которое последний написал совместно с меликом Джраберда Адамом и которое адресовалось П.С. Потемкину, после датировки (4 марта 1783 года) стоят подписи: "Адам – Мелик-Израелян из страны Джраберд, Абов – Мелик-Овсебян из страны Та-

лиш". В русском переводе этого же письма адресанты названы следующим образом: "1. Мелик – Адам-Челябиртский. 2. Мелик – Осип-Талишинский". В другом документе тот же мелик Абов называет себя "из гавара Талиш". Названия Талиш – Гюлистан использовались параллельно, что вполне объяснимо, учитывая наличие одновременно двух княжеских резиденций в Талише и Гюлистане (имеется в виду селения).

В ряде документов конца XVIII века, авторами которых являются русские военно-политические деятели, наряду с названием "Гюлистан" выступает инородное, тюркское название "Игирмидорт". Так, в одном из документов, приведенном в сборнике "Армяно-русские отношения в XVIII веке", носящем название "Имена и провинции пяти меликов армянских", читаем: "...мелик Абов, сын мелика Иосифа, которого провинция Икирмидиорт и крепость Кюлистан". Трудно сказать, откуда возникло это название. Раффи" отмечает, что гавар был назван так по числу сел, в нем находившихся (игирмидорт по-турецки двадцать четыре). Это простое объяснение можно было бы принять, если бы исторически подтверждалось, что в Гюлистане в указанный период (конец XVIII века) имелось такое количество сел. Однако, к сожалению, мы достоверно не можем сказать, что такое действительно имело место. Согласно одному из документов, собранных Кавказской Археографической Комиссией, потомкам гюлистанских меликов принадлежало двадцать

селений в 1808 году. Это весьма важное сведение дает нам возможность предположить, что сообщенное Раффи сведение относительно количества деревень в Гюлистанском гаваре вполне может претендовать на достоверность, ибо как увидим потом, начало XIX века (а именно к этому периоду относится упомянутый документ) было одним из самых трагических периодов в истории карабахских меликств. То была эпоха разорения и упадка, и если в это смутное время потомки гюлистанских властителей сохраняли в своих руках двадцать селений, унаследованных от своих праотцев, то почему нельзя предположить, что в несравненно более благополучные годы число селений в гаваре могло достичь двадцати четырех. Разумеется, это только предположение, однако, на наш взгляд, весьма правдоподобное и способное внести ясность в вопросе о происхождении названия "Игирмидорт".

Такова, в общем, совокупность названий, под которыми выступал Гюлистанский гавар в различные истории. Этим и ограничим наш экскурс в историческую топонимику края и приступим к рассказу о национальной власти на его территории до возникновения меликств.

Историческая судьба Гюлистанского гавара неразрывно была связана с судьбой всего Восточного края Армении. С момента создания первых независимых национальных государственных образований в Арцахе территория позднейшего Гюлистанского гавара неразрывно входила в их состав, разумеется, кроме отдельных периодов нашествий и пожаров,

когда владения арцахских властителей подвергались жестокому разграблению и расчленению.

Как уже отмечалось, гавар Мец-Кохманк, вернее, та его часть, которая примыкала к долине Тартара, играл значительную роль в жизни государства Вачагана Барепашта. Кроме ранее перечисленных исторических поселений времен благочестивого царя Алуанка, возможно, к тому же периоду относится и возникновение еще одного поселения на территории Гюлистанского гавара – это поселение Закин Наатакэ находящийся на левом берегу реки Инджа, в нескольких километрах от нее. Основанием для такого предположения служит то, что, по свидетельству М. Каланкатуаци очень почитаем был Наатак Закариа (мученик Закариа). Возможно, на месте современных руин, называемых в народе-Закин Наатак, во времена Вачагана было построено какое-то культовое сооружение в честь мученика Закариа, хотя не исключается, что такое сооружение могло быть возведено значительно позже.

В дальнейшие столетия национальная власть в Арцахе, как известно, подвергалась жестоким испытаниям. Это и захват верховенства Михранидами в Алуанке и, что имело более катастрофические последствия, арабские нашествия. С каждым новым приходом опустошителей не только разрушалась этнически нетронутая однородность края, но и появлялись чужеродные названия и топонимы. На территории села Карачинар Гюлистанского гавара до последнего времени

существовало место под названием Араб-огли, оставшееся, вероятно, со времен арабских завоеваний. В конце 1980-х годов здесь при ведении строительных работ были обнаружены, следы величественного сооружения. На поверхность земли было поднято огромное количество разбитых глиняных изделий. К сожалению, начавшаяся Карабахская война воспрепятствовала проведению раскопок, которые могли бы дать интересные сведения о периоде арабского владычества в этом крае Армении.

В послеарабский период, с возрождением армянской государственности в Арцахе, территория позднейшего Гюлистанского гавара входила, как уже говорилось, в состав Княжества Хачена, либо других мелких княжеств, образовавшихся в результате разделения Хачена.

Есть основания предполагать, что по крайней мере с середины XIII века на данной территории существовали мелкие образования, правители которых именовали себя амирами, князьями, либо просто владыками. Очевидно, что правители эти были родичами хаченских властителей, сумевшими приобрести некоторую самостоятельность в своих вотчинах. Таким образом, наряду с разветвлением хаченского княжеского рода на три основные ветви наблюдалась тенденция распада владений последних на еще более мелкие образования. И хотя власть во всех этих образованиях находилась в руках представителей одной и той же фамилии, терялось былое единство края, что, конечно же, не могло способствовать

выживанию Арцаха под непосильным игом монголо-татар.

Дошедшие до нас сведения о средневековых удельных правителях Мец-Кохманка довольно сбивчивые, по ним можно составить лишь общее представление, но никак не целостную картину. Сведения эти содержатся в эпиграфических надписях и в памятных записях армянских, рукописей. Так, К. Каграманян в своей работе приводит весьма примечательную строительную надпись церкви, находящейся близ исторического селения Хин-Хрхапор. К этой надписи обращался и Ш. Мкртчян".

По словам К. Каграманяна, надпись "содержит любопытные сведения о политико-административном состоянии Северного Арцаха". В переводе она звучит так: "В году 701 (1252) по воле Господа я – Елот и брат, мой Автар, и сын мой Шнок построили эту церковь в память о нас и усопших наших в патриаршество Нерсеса и во владычество Иване и Вахрамшаха". Приведя эту надпись, К. Каграманян комментирует ее следующим образом: "В 1252 году католикосом Алуанка действительности был Нерсес*, (приведя эти данные, К. Каграманян ссылается на "Историю Армении" Киракоса Гандзакеци), но кто были упомянутые в надписи Иван и Вахрамшах, затрудняемся сказать точно. Известно, что в этот самый период князь Ахбуха из рода Вахрамяна имел сыновей Вахрама, Закаре, Иване*, однако, нет достаточных оснований отождествлять этих старшего и младшего братьев с именами упомянутых в надписи.

Нам кажется, что такое отождествление вполне допустимо, исходя из следующего: как известно Вахрамяны являются одной из ветвей Закарян. Их княжество возникло в период могущества Закарян и явилось вассальным по отношению к ним. Оно включало в себя гавары Тавуш, Гардман и Парисос, т.е. владения Вахрамянов непосредственно граничили с гаваром Мец-Кохманк, и вполне допустимо, что определенная часть Мец-Кохманка была отторжена Закарянами и подчинена Вахрамянам. Такое предположение станет более правдоподобным, если сопоставим его с известным историческим фактом, приведенным Б. Улубабяном на основе сведений средневекового армянского летописца Киракоса Гандзакечи. Сей факт связан с именем владельца Нижнего Хачена и великого князя Хаченского княжества hАсана – Джалала-Дола. Не в силах терпеть самовольства монгольских наместников в Арцахе, hАсан-Джалал отправился за поддержкой к хану Бату в его резиденцию в нижнем течении Волги. "Бату-хан принимает hАсана-Джалала с почестями и возвращает ему "его вотчины Чараберд, Акана и Каркар, которые изначально были отобраны у него нациями турок и грузин". По словам Улубабяна, "Киракос, говоря "грузины", понимал, прежде всего, первого человека Грузинского Двора – Иване Амирспасалара".

Иными словами, получается, что hАсан-Джалал смог получить обратно часть своих владений, которые были растеряны им или его предками в период могущества сельджуков,

а потом и князей Закарянов. В данном случае весьма важно упоминание среди этих владений Чараберда или Джраберда. Эта крепость, давшая, как уже отмечалось, название Джрабердскому гавару, расположена в одном из труднодоступных мест долины Тартара и находится не в столь уж большом отдалении (тем более, если учитывать масштабы завоеваний Закарянов и подконтрольных им территорий) от Гюлистанского гавара. Не правомерно ли положить, что наряду с Джрабердом Закарянами была отторжена и часть сопредельного с ним Гюлистанского гавара, которая после этого перешла в управление их сородичей и вассалов князей Вахрамьянов.

На территории гавара обнаружены еще несколько надписей этого периода, где встречаются имена Вахрам-шах и Иване. Говорить, какое они имели отношение к братьям из вышеприведенной надписи, крайне затруднительно. М. Бархударян в своей книге "Арцах" приводит следующую надпись, найденную им на правом берегу Тартара напротив монастыря Ерекманкунк, кстати, находящегося всего в семи километрах от Джраберда. (Эту надпись, ссылаясь на Бархударяна, приводит также К. Каграманян после вышеупомянутой Хрхапорской надписи.) Вот эта надпись в переводе на русский язык: "В год 709 (1260). По воле Господа я – Хурум (Рипсима) вместе с моим братом Вахрам Шахом построила данную церковь в память о нас и родителях наших в бытность князем Укана и амиром Пахрайдина и в наставниче-

ство Тер Сукиаса".

Вахрам-Шах в данной надписи не именуется правителем, более того, правителями края названы другие люди, однако человек он по-видимому, состоятельный и знатный, раз способен строить церковь. Не исключено, что он один из представителей княжеского рода Арцаха, однако, достаточных оснований утверждать это нет, как нет, впрочем, оснований отождествлять этого Вахрам-Шаха с упомянутым в Хрхапорской надписи Вахрамшахом. Что касается упомянутых Пахрайдина и Укана, то первый, по всей видимости, является монгольским наместником, а второго М. Бархударян, указывая на найденную им же самим надпись близ села Арчадзор, называет внуком hАсана- Джалала. Однако это утверждение никакими другими историческими фактами не подтверждается. Действительно, в переписанной Бархударяном Арчадзорской надписи, рядом с именами hАсана-Джалала и его сына Атабака упоминается некий "Укан – отрок hАсана" (Укан манукн hАсана), однако, утверждать на этом основании, что упомянутый Укан есть внук hАсана-Джалала, было бы неубедительно. Неубедительно также отождествление этих двух Уканов.

Тот же Бархударян в своей книге "Арцах" приводит две строительные надписи из селения Дастакерт, в которых правителем края, наряду с монгольскими, властителями, назван армянский князь Иване. Вот эти надписи в переводе на русский язык: "В год 725 (1276) в Патршахство Апага, в год

правления Иване, в патриаршество Степанноса я – Тер Нерсес из рода Тер Сукиасянц основал эту церковь в память о нас и наших [близких]. <...>

"По воле Господа, в судейство Арзу, в патриаршество Степанноса, в правление Иване и сына Садрадина Пахрадина я – Саркис построил эту часовню.

Хотя вторая надпись не датирована, однако можно предположить, что обе эти надписи не намного разнятся во времени. Упомянутый Степаннос скорее всего является католиком Алуанка. Патршах (Падишах) Апага никто иной, как монгольский хан Апага, сын хана Хулагу, основателя династии и государства Хулагидов. Апага стал ханом после смерти своего отца в 1265 году.

Но кто же упомянутый в обоих надписях армянский правитель Иване? Вряд ли он одно и то же лицо с упомянутым в Хрхапорской надписи князем. Скорее всего это сын Асана Джалала – Иване, прозванный также Атабаком. Приведенные дастакертские надписи при внимательном их прочтении дают нам примечательные сведения. Если в первой из них Иване выступает в качестве единоличного правителя, естественно находившегося в зависимости от монгольского хана, то во второй надписи он делит свою власть с монгольским наместником. К сожалению, как уже говорилось, вторая надпись не датирована, и поэтому мы не можем сказать, что чему предшествовало. Была ли единоличная власть Иване в своем крае ограничена монгольскими ханами или

наоборот, этому правителю удалось заслужить доверие ханов и освободиться от тяжкого бремени деления своей власти с изначально назначенным ханами наместником. Как бы то ни было, ясно одно. Даже в эти смутные времена в Арцахе продолжала существовать, пусть во многом неполноценная, ограниченная, но национальная, исконная, коренная власть.

Примерно в это же время в долине Тартара был известен еще один род армянских властителей. Это род Шираншахян, или Шираншахянц. Сведения об этой княжеской фамилии остались в памятной записи Евангелия, увиденного М. Бархударяном в селе Талиш. Это Евангелие упоминает также Гарегин Овсепян. Вот как он описывает книгу: "Знаменитое своими миниатюрными хоранами евангелие "Бегюнц" села Талиш, гавара Джраберд, восстановленное в 1060 году".

В одной из памятных записей этого Евангелия встречается надпись о том, что в 1266 году оно было привезено из Кесарии hАсаном, сыном Уза, и подарено родовой усыпальнице – в монастырь св. Егише. В записи упоминаются также сыновья hАсана – hАсымбер и Сасна. hАсан и его сыновья названы в записи правителями из рода Шираншахянов.

Трудно сказать, кто эти князья, откуда происходит их род. Однако наличие родовой усыпальницы в монастыре св. Егише ясно указывает на то, что этот род правил в долине Тартара не одно поколение, следовательно, князья Шираншахянц не могли быть нехаченского происхождения, не могли, скажем, получить свои владения в период могущества Закаря-

нов как плату за свою храбрость или заслуги. (Многие хаченские князья получали владения таким образом от Закарян, но это происходило за пределами Хачена.) Имя hАсан часто встречается во всех трех ветвях хаченских князей, поэтому трудно сделать предположение, какой именно ветви хаченцев принадлежат Шираншахянцы. Но это не столь уж важно, главное заключается в том, что в лихие годы монгольского владычества в Арцахе оставались самовольные князья. Мы не зря раз за разом подчеркиваем это обстоятельство, ибо, как увидим потом, незнание или непонимание этого факта послужило причиной неверного истолкования происхождения княжеских домов Арцаха в более поздние времена.

Вот все доступные нам сведения о наличии национальной власти на территории Гюлистанского гавара и прилегающих районов в период до возникновения меликств. Об армянских правителях края более позднего периода, которые несомненно были, история продолжает хранить упорное молчание, вплоть до появления на политическом небосклоне Арцаха меликов.

Происхождение Мелик-Бегларянов

В данной главе будет сделана попытка обобщить все высказанные в историографии суждения относительно места и времени происхождения рода гюлистанских властителей Мелик-Бегларянов. Надо сказать, что вопрос об истоках Мелик-Бегларянов был, пожалуй, одной из самых неоднозначно трактованных проблем истории Арцаха меликского периода. Попытки осветить вопрос происхождения властителей Гюлистана были сделаны Раффи, Е. Лалаяном, М. Бархударяном. В новейшее время этой проблемой занимается К. Каграманян. Косвенно об интересующей нас теме высказывался в своих произведениях Б. Улубабян. Если отбросить все детали, то высказывания историков можно разделить на две группы. Первая – Мелик-Бегларяны являются пришлыми властителями, и их приход к власти в Гюлистане был во многом делом случая. Приверженцами данной точки зрения из перечисленных нами авторов являлись Раффи и Е. Лалаян. Разумеется, были и другие исследователи с аналогичным взглядом на данную проблему, однако первоисточником для них служили именно Раффи и Лалаян. Последователи (если можно так выразиться) Лалаяна и Раффи лишь пересказывали собранные последними сведения, частично соглашаясь или не соглашаясь с ними, но не выдвигая при этом иных версий.

Суть высказываний, условно объединенных нами во вторую группу, вкратце можно сформулировать таким образом: Мелик-Бегларяны являются потомками древних правителей Арцаха, и их воцарение в Гюлистанском гаваре было продиктовано логикой развития исторических процессов. Первым данную точку зрения высказал М. Бархударян, который, по словам Б. Улубабяна, "попытался в меру своих возможностей более обоснованно и аргументировано показать коренной характер княжества Хачена, а в дальнейшем и меликских домов Карабаха".

М. Бархударян считал прародителем Мелик-Бегларянов представителя верхнехаченской ветви арцахских князей Айтина Допяна. О суждениях других историков касательно происхождения Мелик-Бегларянов речь пойдет чуть позже. Пока же поговорим о версии Бархударяна, заслуживающей, по нашему мнению, право быть рассмотренной обстоятельно и подробно. Но начнем мы с краткой справки об Айтине Допяне и его времени. Как уже говорилось, род Допянов получил свое название от имени княгини Доп – сестры Закаре и Иване Закарянов. Зарождение этого рода совпало с началом тяжких испытаний, которым периодически подвергался горный край в течение последующих двух-трех столетий. С 30-х годов XIII века вплоть до конца XIV века владения Допянов, как вся северо-восточная Армения, находились под властью монгольских ханов, на смену которым пришел Тамерлан. Опустошительный поход этого хромого властителя

мира на Хачен был предпринят в 1387 году. В ходе сражений был почти уничтожен род Допянов. В битве с Тамерланом погиб и потомок hАсана и Доп – hАсан III Допян вместе с тремя (или шестью) сыновьями. После этого власть перешла к потомкам hАсана, а род Допянов постепенно распался на три ветви: Улубеканц (потомки сына hАсана III Шаханше), Джханшецвоц (потомки сына hАсана III Джханше) и Айтинцоц (потомки hАсана III Ахбуха).

Первые две ветви и в дальнейшем оставались в своих владениях. Но вот о дальнейшей судьбе рода Айтинцоц история умалчивает. Достоверно известно лишь следующее: единственный известный представитель этого рода – Айтин – был правителем Верхнего Хачена, и в годы его правления владения Допянов были отняты завоевателями. Далее известно, что Айтин целых три года добивался в суде возвращения по праву принадлежавшей ему собственности и, дав огромную взятку, смог достичь своей цели. Сведения эти оставлены католикосом Алуанка Есаи- hАсан-Джалаляном. Их приводят (целиком или частично) в своих трудах М. Бархударян, Карапет-Тер-Мкртчян, Б. Улубабян. Две копии рукописи католикоса Есаи хранятся в Матенадаране. Г.Е. Киракосян, рассказывая о трудах Айтина по возвращению себе владений предков, ссылается не на Есаи, а на одну из рукописных армянских памятных записей (ишатакаран) XVI века, где этот эпизод описан точно так же и чуть ли не теми же словами. Первый вопрос, который возникает при чтении данных све-

дений, это "Когда происходили эти события?" Известно, что Айтин стал править в Верхнем Хачене не раньше 1430 года, так как в известной надписи, именно этого года, приведенной М. Бархударяном, правителем Верхнего Хачена назван сын Шахншаха Сейти. Айтин, судя по всему, стал правителем после Сейти. Г.Е. Киракосян считает годом начала правления Айтина 1440, однако без ссылки на какой-либо источник. По мнению Карапета Тер-Мкртчяна, Двор восседавшего на персидском троне Кара-Коюнлу-Джаханшаха (1437-1467) и есть тот "суд", где Айтин защищал свои права. С ним солидарны и другие исследователи. В таком случае, если даже допустить, что Айтин начал свои старания по возвращению себе отеческих владений в первый же год правления Джаханшаха (1437 г.), и прибавить к этой дате три года (а именно столько времени понадобилось Антину для достижения своей цели), то выяснится, что возвращение владений Айтину произошло не раньше 1440 года. Это максимально ранний срок. Однако возможно, что события эти могли иметь место значительно позже, скажем, в 50-х годах XV столетия.

Второй вопрос, который возникает в данной ситуации, можно сформулировать так: "Куда делись потомки Айтина Допяна?" Вот на этот вопрос исследователями даны противоречащие друг другу ответы, ибо в наши дни не известно ни одно свидетельство касательно них. Мысль о том, что Айтин не оставил потомков, можно отвергнуть сразу же, ибо он яв-

ляется первым представителем рода Айтинцоц. Наличие его имени в названии данного рода само собой предполагает существование потомков, так как Айтин не мог быть последним представителем рода, названного его же именем. Но тогда исследователям ничего другого не остается, как искать потомков Айтина либо среди меликских фамилий позднейшего времени, либо объяснить отсутствие свидетельств о роде Айтинцоц какими-то другими обстоятельствами.

М. Бархударян, например, предлагает такое объяснение: Айтин помимо возвращения себе родовых владений получает от Джаханшаха "титул юзбаши, право содержать отдельное войско и в 1455 г. возвращается на родину. Айтин юзбаши получает в потомственную собственность от шаха селения Ниж и Султан-Нухи и переселяется в Ниж по грамоте шаха". Далее Бархударян перечисляет потомков Айтина, праправнуком которого он называет Абова Юзбаши, который, будучи стесненным волнениями в Персидском государстве, по совету князей Джалалянов в 1600 году возвращается в Арцах и становится основателем Гюлистанского меликства". Забегая вперед, отметим, что народные предания, записанные Раффи в конце прошлого века, также "приводят" Абова в Гюлистан из сел в левобережье Куры. Бархударян, к сожалению, не называет источника приводимых им сведений, чем заметно приуменьшает их значение. Неизвестно, предположение ли это, выдаваемое Бархударяном за действительность (что нередко в его произведениях), или ис-

торический факт, основанный на достоверных источниках, известных М. Бархударяну, но не упомянутых им (такое тоже не редкость у него).

Оставим на время версию Бархударяна и обратимся к высказываниям других исследователей относительно данной проблемы. К. Тер-Мкртчян изложил во многом сходную с мнением М. Бархударяна точку зрения. Судя по его высказываниям, Айтин, освободив родные владения, оставил их потомкам Джаханше и Шаханше, а себе взял долину озера Гегам (Севан) и обосновался там.

Эту точку зрения опровергает Г. Киракосян. С. Бархударян также относится скептически к стремлению К. Тер-Мкртчяна найти верхнехаченский след среди правителей Гехаркуника. Надо сказать, что сам К. Тер-Мкртчян, вероятно, также был не совсем уверен, выдвигая данную версию. На это обращает внимание Б. Улубабян, указывая на еще одно высказывание епископа Карапета, по которому Айтин становится владельцем Атерка. О потомках Допянов высказывался также Г.Е. Киракосян: "Княжеским дом Допянов после смерти Турсуна (отца Аитина – авт.) настолько ослаб, что больше не был замечен в политической жизни страны. Часть его представителей в XV и последующих веках мы видим в лице священника, занимающих должности настоятелей в духовных центрах Допянов". С данной точкой зрения, на наш взгляд, тоже нельзя соглашаться. Часть представителей Допянов, безусловно, избрала для себя путь духовных

настоятелей, однако, это вовсе не означает, что весь род Допянов был вытеснен с политической арены. Достаточно хотя бы вспомнить, что именно потомки Джаханше и Шаханше властвовали в меликствах Цара и Содка. Потомки Ахбуха (деда Айтина Допяна), судя по фамилии Айтинцоц, продолжали играть заметную роль в политической жизни по крайней мере через поколение после Турсуна. Да и трудно представить духовное настоятельство представителей Допянов в Верхнем Хачене без поддержки их сородичей – светских правителей края.

У Б. Улубабяна свое мнение относительно потомков Айтина, и основано оно на не раз упомянутой нами статье С. Бархударяна в "Вестнике Матендарана" за 1967 год.

В 1513 году танутеры и мелики Гехаркуника подписали в монастыре Татев известный документ, по которому приходы вверенных им территорий ставятся в подчинение Сюникскому епископству. На основе этого документа, а также обширного материала (эпитафии, эпиграфические надписи и т.д.), собранного в Гехаркунике, Седрак Бархударян попытался выяснить личности, владения, а также родословную меликов и танутеров, подписавших Татевский документ.

Вторым под этим документом подписался Танкркули – сын мелика Гукаса и внука Пухика. С. Бархударян выяснил, что мелик Танкркули принадлежит к роду Ахбуян-Пухикян, владевших небольшой территориальной единицей под названием Паракунк-Паркунис. Этот род получил свое назва-

ние от имени деда Танкркули Пухика, прозванного также Ахбуха. Указывая на это обстоятельство, а также на то, что деда Айтина Допяна также звали Ахбуха, Улубабян высказал мысль, что основателем этого рода мог быть Айтин Допян, а вышеназванный Пухик-Ахбуха мог быть сыном Айтина, прозванным так в честь деда последнего, иными словами, Пухик-Ахбуха из Паракунка приходится Ахбуху Допяну правнуком.

Однако и эта версия страдает неубедительностью. Как пишет С. Бархударян своей статье, род Ахбухян-Пухикян начал свое существование в конце XIV века. Первым меликом этого рода был Гукас – сын Ахбуха, который, по утверждению Бархударяна, правил 60 лет. В 1451 году меликом был его сын Танкркули, иными словами, правление Гукаса началось самое позднее в 1391 году. Гукас, если принимать точку зрения Улубабяна, был внуком Айтина Допяна. В таком случае переселение Айтина из Хачена должно было бы произойти не раньше, чем в первый год правления Гукаса в Паракунке, то есть в 1391 году, что не соответствует историческим свидетельствам. Айтин, как мы выяснили, как минимум до 1440 года оставался в своих владениях.

Попробуем теперь резюмировать вышесказанное. Четыре исследователя высказали различные мнения относительно дальнейшей судьбы потомков Айтина Допяна. Все эти мнения не более чем гипотезы. Трудно в наши дни найти какой-либо факт, безапелляционно подтверждающий правоту

того или иного автора. Однако, если внимательно посмотреть на вышеприведенные мнения, нетрудно убедиться, что среди них, пожалуй, только мнение М. Бархударяна наиболее неотрицаемо (это вовсе не означает, что оно должно быть принято всеми безоговорочно). Улубабян, говоря о точке зрения М. Бархударяна относительно Айтина и его потомков, отмечает: "Трудно найти хотя бы один источниковедческий факт для утверждения этих перемещений и обусловленных ими историй".

Действительно, отсутствие фактов делает утверждение Бархударяна для нас недоказуемым, но вместе с тем, отсутствие этих фактов, как это ни парадоксально, делает то же утверждение неотрицаемым. Отрицание гипотезы Бархударяна возможно лишь в случае выдвижения новых, исторически более подтверждаемых, гипотез относительно дальнейшей судьбы рода Айтинцоц. Пока же, при отсутствии таковых, право на существование имеют любые версии, в том числе и версия Бархударяна, которая, на наш взгляд, является самой неотрицаемой из всех существующих.

Б. Улубабян на той же упомянутой нами странице своего знаменитого труда "Княжества Хачена" делает еще одно замечание относительно суждений М. Бархударяна о потомках Айтина. "Вероятно, для части перемещений Макара Бархударяна (имеются ввиду описанные Бархударяном перемещения Айтина и его потомков. – авт.) источником служила история об основателе Гюлистанского меликства сотнике Сев

Аbove". (Напомним, что согласно народным преданиям основатель Гюлистанского меликства Сев Абов приехал в Карабах из Нижа.) Улубабян указывает на вероятность использования этой истории при выдвижении Бархударяном своей гипотезы. Безусловно, такая вероятность не исключается, однако, если высказывание Бархударяна не предположение, а достоверно подтверждаемый известными ему историческими сведениями факт, то народные предания в этом случае должны рассматриваться не как источник, из которого Бархударян почерпнул свои сведения, а как косвенное подтверждение его версии.

Так или иначе, вопрос взаимосвязей Айтина Допяна с Мелик-Бегларяном остается открытым и до конца не освещенным. Вместе с тем гипотеза М. Бархударяна вполне может быть принимаемой, пока отсутствует достоверное, подкрепленное фактическим материалом ее опровержение.

Этим, пожалуй, ограничим рассмотрение данного вопроса и обратимся к высказываниям других авторов относительно происхождения рода Мелик-Бегларянов.

В самом начале этой главы мы условно разделили существующие в историографии точки зрения о происхождении Мелик-Бегларянов на две группы и начали свой рассказ с рассмотрения высказываний М. Бархударяна, которые отнесли ко второй группе. Чтобы не прерывать динамику повествования целесообразнее будет ознакомиться и с мнениями других историков, связывающих происхождение власти-

телей Гюлистана с разветвлением древних княжеских фамилий Арцаха.

Надо сказать, что мы немножко погрешили перед истиной, сказав, что М. Бархударян был первым, кто, вопреки сложившемуся мнению исследователей относительно пришлого характера Мелик-Бегларянов, выдвинул диаметрально противоположную версию и в меру своих способностей и возможностей постарался, как можно убедительнее, доказать ее правдивость. Раффи на одной из первых страниц своего труда "Меликства Хамсы", рассказывая о происхождении Мелик-Бегларянов, делает следующее примечание: "Находящаяся в наших руках одна рукописная история выводит происхождение Мелик-Бегларянов от одного из древних царей Алуанка – Арана, который жил задолго до Христа. Это утверждение нуждается в серьезной проверке".

"Меликства Хамсы" вышли на свет в 1882 году, за несколько лет до появления первого труда М. Бархударяна, где рассматривалось происхождение карабахских властителей ("Тайны Карабаха", 1886). Таким образом, упомянутая Раффи рукопись может считаться первой попыткой заявить о коренном характере гюлистанских меликов. К сожалению, Раффи не называет автора, этого труда, неизвестна также дальнейшая судьба рукописи, поэтому говорить что-либо о ее содержании кроме того, что сказал Раффи, нельзя. Но само существование данного произведения в период создания "Меликств Хамсы" – факт весьма примечательный.

Кроме Бархударяна, о возможности родства Допянов и Мелик-Бегларянов высказывался К. Тер-Мкртчян.

Интересное предположение касательно Мелик-Бегларянов сделал К. Каграманян. По его словам, род Мелик-Бегларянов, вопреки сложившемуся мнению, никакого отношения к Севу Абову не имеет, а род Абова и его потомка Беглара, "который, возможно, также был ответвлением Допянов после прихода (или возвращения) в Северный Арцах, оставил очень скромный след". В дальнейшем мы увидим, что назвать основателем рода Мелик-Бегларянов не предполагаемого потомка Абова – Беглара, ошибочно. Однако в данном случае важно, что Каграманян также принимает коренной характер рода Сева Абова и Беглара.

О происхождении Мелик-Бегларянов несколько раз, прямо: или косвенно, высказывался Б. Улубабян, по абсолютному убеждению которого все меликские дома Карабаха являлись потомками древних княжеских фамилий Арцаха. Только происхождение дизакских Мелик-Аванянов вызывало у него некоторые сомнения.

В статье "Гюлистанское меликство" помещенной в АСЭ, Улубабян о происхождении Мелик-Бегларянов выразился более конкретно. По его словам, Гюлистанское меликство – это "удельное княжество рода Мелик-Бегларянов, которое образовалось вследствие ответвления княжества Нижнего Хачена".

О нижнехаченском происхождении Мелик-Бегларянов

говорится также в статье Улубабяна "Асан-Джалалаяны" в 6 томе той же энциклопедии: "В конце века Нижнехаченское княжество Асан-Джалалаянов распалось на меликства Джраберда, Хаченг и Гюлистана, представители которых признавали свою родственную связь". Откровенно говоря, ничего о признании "своей родственной связи" представителями этих фамилий неизвестно. Если такая связь и была, то она не воспринималась слишком уж отчетливо, по крайней мере в последний период истории карабахских меликств. Известно, что в конце XVIII века правящие дома Гюлистана и Джраберда связывали брачные узы (сестра гюлистанского мелика Абова III была женой джрабердского мелика Меджлума), чего не могло быть, если бы кровное родство и память об общем предполагаемом прародителе была свежа в памяти представителей этих родов. Есть основания предполагать, что и в более ранние периоды осознание кровной связи друг с другом правителями меликств Джраберда, Хачена и Гюлистана особенно сильно не проявлялось. Так, известно, что в Хаченском меликстве правили прямые потомки нижнехаченских Асан-Джалалаянов, также носившие эту фамилию. Традиционно им же принадлежало право занимать католикосский престол Алуанка, который, начиная с XIV-XV веков, утвердился в Гандзасарском монастыре, находившемся во владениях Асан-Джалалаянов. В конце XVII века в Карабахе появляется еще один католикосский престол, вернее антипрестол, и не где-нибудь, а на границе меликств Джра-

берда и Гюлистана. Правда, в первое время этот новоявленный престол, размещавшийся в монастыре Ерекманкунк, особенного успеха не имел, более того, его основатель Семеон был осужден и отвергнут большими и малыми правителями края. Однако, начиная с 1705 года, с рукоприложением католикоса Нерсеса этот антипрестол набрал небывалую силу и стал серьезной проблемой для Гандзасара. Противостояние двух престолов нанесло немалый урон обороноспособности края в период освободительных войн 1720-х годов.

События, безусловно, значительные, но обсуждение причин сложившейся ситуации не является нашей задачей. Нас интересует следующий вопрос: мог ли Нерсес рассчитывать на какой-нибудь успех в своем противостоянии с Гандзасаром, настоятели которого пользовались абсолютной поддержкой своих сородичей – меликов Асан-Джалалянов, если бы не опирался, в свою очередь, на правителей двух северных меликств – Джраберда и Полистана? Однозначно нет. Антипрестол в Ерекманкунке выжил и окреп, благодаря поддержке меликов Гюлистана и Джраберда. В таком случае возникает другой вопрос: могли ли представители правящих домов Джраберда и Гюлистана, осознавшие свою кровную связь с Асан-Джалалянами, стать если не основателями, то, по крайней мере, попечителями антипрестола, претендующего и посягающего на права католикосов Гандзасара? И на этот раз ответ однозначно отрицателен. Значит, кровная связь между меликами Хачена, Джраберда и Гюлистана и в

начале XVIII века особенно сильно не просматривалась.

Версия о зарождении рода гюлистанских медиков вследствие разветвления дома hАсан-Джалалянов обусловлена, по-видимому, тем, что Гюлистанский гавар традиционно находился в сфере влияния князей Нижнего Хачена. Это довольно весомый аргумент, но, на наш взгляд, еще недостаточное условие для связывания происхождения Мелик-Бегларянов с hАсан-Джалалянами. История помнит случаи княжения той или иной фамилии на территориях ранее им не принадлежавших. За примерами далеко ходить не надо: это имело место в самом Карабахе в период возникновения меликств. Именно тогда ветвь властителей гаваров Содк и Гехам Мелик-Шахназарянов смогла прийти к власти в меликстве Варанда. Шахназаряны были ветвью Допянов, потомками Шаханше – сына hАсана. III. Если такое удалось им, то почему не могло удалиться другой ветви Допянов, скажем, тем же потомкам Ахбуха и его внука Айтина?

Все эти рассуждения остаются на, уровне предположений, и внести окончательную ясность в этот вопрос не возьмется, пожалуй, никто. Вопрос о том, откуда конкретно (разумеется, имеется в виду, из какой именно части Арцаха) берет свое начало род Мелик-Бегларянов, вероятно и в дальнейшем породит различные версии, либо последователей нынешних версий. Нелишне будет отметить, что вопрос о том, представители какой именно ветви хаченских князей – Допянов или hАсан-Джалалянов – положили начало роду Ме-

лик-Бегларянов, по большому счету не столь уж принципиален, ибо как уже отмечалось, помимо того, что Допяны и hАсан-Джалаляны являются потомками арцахских князей Араншахигов, прародительницами этих родов были родные сестры – Доп и Хоришах. Следовательно, как по отцовской, так и по материнской линии оба эти рода имели общих предков. Иными словами, мнения вышеназванных исследователей, сколь бы они и разнились, едины в следующем: гюлистанские Мелик-Бегларяны были потомками княжеского рода, зародившегося смешением княжеской крови Араншахигов с княжеской или царской кровью Закарянов (Закаряны считали себя потомками армянских Багратуни и нередко именовались в надписях царями Армении).

Таковы в общих чертах суждения историков, утверждающих (и совершенно правильно) о наличии неразрывной потомственной, генеалогической связи между гюлистанскими меликами и предшествовавшими им арцахскими князьями. Однако может возникнуть вопрос: на чем, собственно, основана уверенность вышеназванных исследователей? Не являются ли их суждения конъюнктурным пересмотром истории? Ведь известно: более ранние исследователи генеалогии гюлистанских властителей утверждали совершенно обратное. Чуть ниже мы попытаемся ответить на эти и другие схожие вопросы и, по возможности, сформулировать причины нашего согласия с историками, исповедующими точку зрения о коренном характере гюлистанских меликов.

Как было уже сказано, первопроходцем в изучении истории карабахских меликств был Раффи, который, задавшись целью написать их историю, в 1881 году предпринял путешествие в Карабах, намереваясь собрать материалы, касающиеся данной тематики. Итогом многомесячных стараний великого романиста стал изданный в 1882 году труд "Меликства Хамсы", в котором, опираясь в основном на народные предания, он попытался воссоздать почти полузабытую историю карабахских меликств, попутно изучая происхождение и генеалогию их властителей. Собранные Раффи народные предания стали в дальнейшем своего рода первоисточником для исследователей, прямо или косвенно затрагивающих историю Карабаха меликского периода. С этой точки зрения работу, сделанную Раффи, трудно переоценить. Однако, вместе с тем, нельзя не отметить, что, изучая происхождение карабахских меликов, Раффи совершил роковую ошибку, полностью доверившись историческим легендам. Думается, не скажем ничего нового, отметив, что каким бы добросовестным ни был исследователь, какими бы талантами он ни обладал, одних лишь народных преданий недостаточно для освещения такого щекотливого вопроса, как происхождение и генеалогия той или иной фамилии. Помимо Раффи, народные предания о гюлистанских меликах собирал Е. Лалаян, который тоже повторил концептуальную ошибку Раффи, бесприсловно доверившись преданиям. Лео, спустя много лет, как бы остерегая будущих исследователей от ошибок Раффи

и Е. Лалаяна, в III томе своей "Истории Армении" напишет: "Безусловно, в народных сказаниях много исторических событий, но, несмотря на это, устные предания надо оценивать с точки зрения их подлинного значения, не забывая, что они имеют свои законы: народ всегда приукрашивает, превозносит своих героев в ущерб исторической справедливости, сочиняет наивные причины для объяснения событий".

Трудно не согласиться с историком. Но помимо этого предания о меликах (в данном случае мы говорим о меликах Гюлистана, хотя то же самое можно сказать о правителях других гаваров Карабаха) имеют еще один существенный недостаток. Дело в том, что они охватывают временной отрезок в несколько столетий. Понятно, что история, скажем, не раз упомянутого нами Сева Абова, или Абова I, деятеля первой трети XVII века, не могла дойти до Раффи или Е. Лалаяна в "первозданном" виде. Передаваясь из уст в уста, рассказы о деяниях меликов в течение десятилетий дополнялись зрелищными эпизодами, эмоциональной окраской достоверности. В результате в этих преданиях нередки неточности, нелепости, анахронизмы и т.д. В свете вышесказанного становится понятно, что народные предания не могут служить достоверными свидетельствами той или иной эпохи, и их использование в исторических исследованиях не совсем оправдано. Однако в нашем случае предания являются чуть ли не единственным целостными источниками, ибо, как это ни парадоксально, история Карабаха меликского перио-

да характеризуется отсутствием каких-либо письменных источников о деяниях меликов. Получается двоякая ситуация: с одной стороны, использование преданий при исследовании происхождения и генеалогии меликов не совсем оправдано, ибо это может ввести в заблуждение даже многоопытных исследователей, с другой стороны, отказаться или отмежеваться от преданий также нельзя, ибо отсутствуют другие, более достоверные, целостные источники. Как же поступить, чтобы, не повторяя ошибок Раффи и Лалаяна, не впасть в другую крайность? Единственно верный путь в данной ситуации, на наш взгляд, это критическое рассмотрение преданий и сравнение сообщаемых ими сведений с чудом сохранившимися и доступными исследователям немногочисленными достоверными историческими свидетельствами. Только так мы сможем найти в преданиях исторически подлинное и отбросить легендарное.

Говоря о чудом сохранившихся достоверных свидетельствах, мы прежде всего имеем в виду нижеследующие источники:

1. Эпиграфические надписи на памятниках истории и архитектуры.
2. Могильные плиты с эпитафиями.
3. Отрывки документов эпохи, дошедшие до нас (купчие, письма, обращения и т.д.).
4. Памятные записи в рукописях.
5. Сведения, собранные русскими военными и диплома-

тическими деятелями "в эпоху водворения на Кавказ" (Потто).

Эти источники вкупе с упомянутыми выше преданиями и помогут нам проследить развитие родового древа Мелик-Бегларянов.

Раффи, опираясь на народные предания, утверждает, что предки Мелик-Бегларянов были коренными жителями селения Ниж (левобережье Куры). Их прародитель, "которого турки звали "Кара-Юзбаши" (Черный сотник), а среди армии известен был по имени Сев Абов (Черный Абов. – авт.)" в начале XVII века появился в Карабахе, имел с собой семь семей и обосновался недалеко от села Талиш, у монастыря Орек. Раффи отзывается о Севе Абове как о знатном и богатом человеке, который "на своей родине был правителем". Неизвестно, сообщали ли предания такие сведения или это предположение Раффи, сделанное им из-за наличия титула юзбаши рядом с именем Абова.

Ту же историю о происхождении Мелик-Бегларяиов повторяет Е. Лалаян, называя их прародителя просто Сев Абов и не упоминая о наличии у последнего титула юзбаши. Исследователь выражает также сомнение, был ли Абов коренным жителем Нижа или появился там вследствие нашествий лезгин и персов. Заметим, что последнее рассуждение Лалаяна в чем-то перекликается с мнением М. Бархударяна относительно переселения в XV веке предков Абова из Карабаха в Ниж.

О возможности переселения в прошлом предков Абова из Карабаха в Ниж интересное рассуждение делает К. Каграманян. Ввиду исключительной познавательности этого рассуждения позволим себе процитировать его полностью: "Сохранились материалы, которые подсказывают о наличии определенных взаимосвязей между Северным Арцахом и армянскими районами левобережья Куры. На левом берегу Куры, в районе Нижа, с 1434 года известно армянское селение Сокутлу. Кажется убедительным предположение исследователя Самвела Карапетяна, что это название, которое по-армянски означает Урут (урочище ив, верб. – авт.), просто было переведено с армянского на турецкий. Для тех времен это, как было уже сказано, было привычным явлением. Кара Юзбаша Абов, переселяясь из тех мест, обосновался в окрестностях Орека: Орек, по местному наречию, означает именно ивы (урочище ив), а этот Урут (Орек), как выло уже сказано, [поселение] очень древнее, вероятно с V века (Урекан). Возможно, что по причине неблагоприятных условий могло иметь место переселение отсюда на левый берег Куры, а в конце XVI века, когда вследствие нашествия лезгин жизнь там стала небезопасной, некоторые семьи могли вернуться на родину праотцев".

Таким образом, видно, что утверждение Раффи о том, что предки Мелик-Бегларянов были коренными жителями Нижа, вызывало определенные сомнения у исследователей, причем Лалаян и Каграманян были не единственными, кто

высказывал эти сомнения, Лео об утверждении Раффи касательно пришлого меликов выразился так: "Это выло бы прелюбопытным явлением для истории". В другом месте своей "Истории Армении", наряду с мнением Раффи, приводит также известное утверждение М. Бархударяна относительно верхнехаченских истоков рода Мелик-Бегларянов.

Итак, утверждение Раффи относительно Мелик-Бегларянов либо опровергалось переселения рода последующими исследователями, либо, по крайней мере, подвергалось сомнению.

Дальнейшие действия Абова на новом месте описаны в преданиях с еще более мифической окраской. Обосновавшись на новом месте, Абов со своими подданными жил в шатрах и кормился, главным образом, охотой. Эту идиллию вскоре нарушили разбойники, преследуемые людьми Бардинского хана. Разбойники, напав на Абова, то ли угнали у него скот (Раффи), то ли попытались отнять охотничью добычу (Е. Лалаян). Так или иначе, Абову и его людям удалось обезвредить далеко не миролюбиво настроенных к ним разбойников и на следующий день передать людям хана. Потом, в результате некоторых живописно описуемых в преданиях обстоятельств (люди хана скрывают от своего правителя встречу с Абовом и приписывают его себе, однако приговоренные к смерти разбойники перед казнью сообщают хану всю правду) Абов получил в благодарность от хана село Талиш в окрестностях монастыря Орек. Упомина-

ние Барды (Партава) в данном случае, как нам кажется, не случайность. О взаимоотношениях Гюлистанского гавара с этим городом уже упоминалось, однако говорить точно, какой характер носили эти взаимоотношения в период правления Абова в Гюлистане, крайне затруднительно. Вполне возможно, что упоминание Партава в истории об Абове является анахронизмом, и сказание о дарении властителем Партава деревни местному правителю за ту или иную услугу есть отголоски более ранних эпох, когда в Партаве восседали армянские цари из рода Араншахик.

Однако вернёмся к нашему повествованию. Итак, согласно преданиям, прародитель Мелик-Бегларянов за эту достаточно случайную услугу Бердинскому хану смог не только утвердиться на новом месте, но и стать правителем деревни, ставшей центром одного из мощных меликств Восточной Армении. На наш взгляд, связывать, происхождение рода Мелик-Бегларянов, с пришлыми странниками, забредшими в Карабах по воле судеб, не совсем логично. Человек, имевший всего-навсего семь домов подданных, бывший, к тому же чужестранцем, не мог добиться успеха, в таком крае, как Карабах. В Арцахе, как мы уже говорили, даже в периоды пожарищ и нашествий продолжалась: государственность. Ни новоявленная всемогущая религия арабов, ни бесчисленные орды сельджуков, ни дикий нрав монголов не смогли до конца искоренить национальную власть в крае. Арцах даже в Самые лихие столетия находился в непосредственном управле-

нии своих коренных исконных князей.

Зададимся теперь вопросом: мог ли безвестный странник с несколькими десятками подданных или родственников сделать то – а именно отобрать власть у местного властителя, – чего не смогли сделать многочисленные орды завоевателей? Однозначно Нет. Абов и его потомки не могли добиться успеха в Гюлистане, не имея поддержки со стороны населения и других властителей края. А основанием для такой поддержки могло служить только наследственное право Абова на власть в Гюлистане. То, как чтилось это право в Карабахе, может проиллюстрировать следующий факт: когда сын мелика Варанды Шахназар (XVIII век) попытался взять в свои руки власть в меликстве, не имея на то прав, правители других меликств ополчились против него. Это подтолкнуло край к катастрофе. Однако нас занимает в этом факте другое, а именно: наследственное право чтилось в патриархальном Карабахе свято как правителями, так и народом. "И народ, всегда верный старым традициям, не позволял, чтобы нарушались порядки, касающиеся меликской власти". Лео в данном случае говорит о меликской власти. Однако нет сомнений, что то же самое относилось и к любой другой национальной власти в Арцахе.

Надо сказать, что Раффи называет пришлыми не только Мелик-Бегларянов, но и основателей еще трех меликских домов Арцаха, считая коренными только hАсан Джалалянов – потомков односемянной ветви князей Араншахиков.

На сегодняшний день фактами подтверждается только при-
шость меликского рода Шахназарянов – властителей Варан-
ды, являющихся ветвью Мелик-Шахназарнов гавара Сотк.
То есть в данном случае речь идёт не о переселении основа-
телей княжеского рода Мелик-Шахназарянов из-за пределов
Арцаха, а о распространении власти одного из княжеских
родов Арцаха за пределы своих традиционных потомствен-
ных владений. Мелик-Шахназаряны, как уже отмечалось,
являются потомками Допянов. Следовательно, документаль-
но подтверждается коренной характер по крайней мере двух
из пяти меликских родов Карабаха. Логика развития исто-
рического процесса в Карабахе подсказывает, что три другие
рода карабахских меликов могли быть только коренными.
Такая точка зрения, как уже говорилось, была в свое время
высказана М. Бархударяном, за что последний был раскри-
тикован Раффи. М. Бархударян выразил свою мысль, после-
довательно выпустив сначала книгу "Тайны Карабаха", а по-
том двухтомник "История Алуанка"; "Тайны Карабаха" вы-
звали бурную реакцию со стороны Раффи, обвинившего М.
Бархударяна в плагиате и раскритиковавшего его стремле-
нии показать коренной характер меликских родов Караба-
ха и наличие у всех них единственного истока – древнего
нахарского рода Араншахиков. Б. Улубабян, говоря о взгля-
дах М. Бархударяна и Раффи на проблему возникновений
меликских родов, пишет следующее: "Обидно, что Раффи,
который с правомочной неприемлемостью критиковал бес-

почвенные объявления книги "Тайны Карабаха", сам, показывая происхождение меликских домов Карабаха оставляя обосновываемые историческими источниками данности, отдает предпочтение беспочвенным историям, утверждая, что первые представители упомянутых домов были пришлыми".

Узнать насколько беспочвенны, и, необоснованны эти истории можно, сравнив их с достоверными историческими данными. Даже самое поверхностное сравнение выявляет вопиющие несоответствия сведений, содержащихся в преданиях, с действительно имевшими место историческими фактами. Чуть позже, при рассмотрении родового древа Мелик-Бегларянов, мы будем не раз сталкиваться с этими несоответствиями. Однако сказания о гюлистанских правителях в этом отношении не являются исключением. Необоснованностью страдает, пожалуй, большинство записанных Раффи историй о происхождении карабахских меликов. В качестве иллюстрации позволим себе, сделав некоторое отступление, привести сравнение народных сказаний с историческими фактами на примере властвующей фамилии соседнего с Гюлистаном меликства Джраберд. Данный экскурс в историю продиктован желанием еще убедительней показать порочную недостоверность принятых Раффи за правду народных преданий.

Властители Джраберда носили фамилию Мелик-Исраэлян. Раффи, а вслед за ним другие исследователи, рисуют следующую очередность княжения первых трех представи-

телей этого рода, Основателем меликства и меликского рода был мелик Есаи, сын мелика Исраэла, который, убив главного хана Сюника и опасаясь, возмездия, в 1687, году переселился в Карабах, привезя с собой множество семейств. На новом месте Есаи постепенно подчиняет себе местных жителей и становится их властелином, "После смерти Мелика, Есаи, его заменяют братья, сначала Аллах-Кули-Солтан, потом – мелик Атам" .

Оставим в стороне очевидные параллели этой истории с историей о Мелик-Бегларянах, в конце концов эти параллели могут быть просто совпадениями. Хотя непонятно, как эти странники, вынужденные по тем или иным причинам оставить родину, смогли так стремительно подчинить себе ранее не принадлежавшие территории, опираясь только на свои силы и на поддержку своих подданных, либо родственников.

Историю Мелик-Исраэлянов мы привели по совершенно другой причине. Дело в том, что Раффи брат мелика Есаи, Атам, на самом деле приходится первому ... внуком. В одном из Евангелий села Геташен Макар Бархударян прочел памятную запись, из которой следует, что Евангелие это в 1753 году приобрел на свои средства мелик Джрабрда Атам I и передал в монастырь св. Егише (Джрвшттик). Далее запись просит вспоминать в молитвах мелика Есаи, а также сыновей последнего: Овсепа, Меджлума, Йсраэла и их сыновей: Сейрана, Аллах-Кули, Аллахверди, также мать Атама hЭрикназ и малолетних сыновей его Исраэла и Меджлума, а также всех

усопших.

Сама по себе эта запись никаких неточностей в преданиях не выявляет. Скорее наоборот, при желании ее можно рассматривать как подтверждение преданий. Вспомним, ведь в них так же, как и в записи отца мелика Атама зовут Исраэл. Факт упоминания в памятной записи имени деда Атама – мелика Есаи – также можно истолковать, как подтверждение правильности сведений, содержащихся в преданиях, учитывая, что, согласно этим же преданиям, имя Есаи носил и старший брат Атама, а также то, что нарекать старших детей по именам родителей было укоренившейся традицией в Карабахе. (Исраэл мог назвать своего сына по имени своего отца.)

Однако это кажущееся, на первый взгляд, весьма закономерным, а на самом деле мнимое соответствие народных преданий со сведениями, содержащимися в памятной записи геташенского Евангелия сводится на нет при сопоставлении последней с ещё одной памятной записью, также упомянутой М. Бархударяном. В этой записи датированной 1724 годом и написанной от лица мелика Джраберда Есаи, упомянуты четыре сына последнего: Овсеп, Меджлум, Даниэл и Исраэл. Дед мелика Атама Есаи, как видно из вышеприведенной памятной записи геташенского Евангелия, имел трех сыновей: Овсеп, Меджлума и Исраэла. Если допустить, что Даниэл мог не дожить до 1753 года, чем объяснилось бы отсутствие его имени в памятной записи того же года, то смело

можно отождествлять упомянутого в 1753 году деда мелика Атама I – мелика Есаи с упомянутым в 1724 году меликом Есаи, правителем Джраберда. Иными словами, предполагаемый первый мелик Джраберда (оставивший упомянутую нами запись 1724 года) был не братом мелика Атама I (как об этом говорят предания), а его дедом, что и требовалось доказать.

Еще одно важное сведение, содержащееся в памятной записи геташенского Евангелия, заключается в упоминании имени мелика Исраэла. Как следует из вышесказанного, он является сыном правившего в Джраберде в 1724 году мелика Есаи. Упоминание титула "мелик" рядом с его именем показывает, что он, скорее всего, тоже правил в Джраберде. В таком случае период его правления находится между правлением мелика Есаи (его отца) и мелика Атама (его сына). Однако в преданиях ничего о мелике Исраэле не сообщается. Как известно, согласно преданиям после мелика Есаи и до мелика Атама в Джраберде правил Аллах-Кули-Султан. По сведениям Раффи, этот правитель Джраберда был современником персидского шаха Надира (1736 г.) и именно Надир прозвал его Султаном. Тот же Раффи датой смерти, а следовательно, и концом правления Аллах-Кули считает год 1756. Неизвестно, какими источниками пользовался Раффи, однако упоминание Атама меликом Джраберда делает маловероятным это утверждение. Помимо сведений, оставленных Раффи, имя Аллаха-Кули упоминается в одном из сви-

детельств 1749 года, также приводимом М. Бархударяном. Вот отрывок из этого свидетельства: "... в год наш армянский 1198 настоятелем Мараса (Амараса) являлся Вардапет Гаспар, князем был Аллах-Кули-Султан, который из Чарапerta, то есть нации армянской и храбрец, побеждающий врагов своих. Господь да сохранит долгую жизнь ему [и у бережет] от всяких происшествий, аминь"

Год 1198 по армянскому летоисчислению – это год 1749 от Р.Х. Как видим, фактами подтверждается, что по крайней мере до этого года правителем Джраберда был Аллах-Кули. Сведения Раффи в этом отношении основаны на более или менее достоверных источниках. Но как объяснить неупоминание в источниках, использованных Раффи, имени мелика Исраэла? Нам представляется, что объяснением этому могут служить следующие предположения: либо Исраэл правил ничтожно малое время, не оставив после себя каких-либо значимых дел, вследствие чего был предан забвению последующими поколениями, либо под именами Исраэл и Аллах-Кули скрывается одно и то же лицо. Предположения наши вытекают из следующих соображений: как известно незадолго перед правлением Атама меликом Джраберда был Аллах-Кули (упомянутое нами свидетельство 1749 года). Аллах-Кули считается преемником Есаи. Вместе с тем, оставленное меликом Атамом свидетельство (1753 г.) дает основание предполагать, что до его правления в Джраберде правил его отец Исраэл. Таким образом, получается, что прав-

ление Исфаэла приходится на период с 1749 по 1753 годы. Это в том случае, если принимать, что упоминание имен Аллах-Кули и Атама в названных нами свидетельствах сделаны соответственно в последний (1749 г.) и в первый (1753 г.) годы их правления. Однако для этого нет достаточных оснований: мы не можем безоговорочно констатировать заявить до какого года продолжалось правление Аллах-Кули. Нет также оснований утверждать, что годом начала правления мелика Атама является 1753. Таким образом, Исфаэл если и правил в Джраберде, то очень короткое время, не более четырех лет (возможно, даже значительно меньше).

Что касается нашего второго утверждения относительно того, что мелик Исфаэл одно и то же лицо с Аллах-Кули-Султаном, то оно станет весьма правдоподобным, если довериться картине очередности джрабердских меликов, рисуемой преданиями, и принять утверждение, что власть в руки Атама I перешла сразу после Аллах-Кули и между ними не было иного правителя, то получится, что Аллах-Кули и Исфаэл – одно и то же лицо. В таком случае придется признать еще одно несоответствие преданий с исторической действительностью. Ибо в таком случае Аллах-Кули будет не братом Есаи (как считается в преданиях), а его сыном. Последнее кажется нам вполне вероятным. "Аллах-Кули" мог быть псевдонимом Исфаэла ("Аллах-Кули" по-турецки означает "раб Божий"), полученным от Надира вместе с титулом "Султан". Впоследствии это прозвище могло восприниматься как имя

собственное. Кстати, об этом говорит и тот факт, что в той же памятной записи геташенского Евангелия упомянут один из внуков мелика Есаи, носивший имя Аллахкули (Вряд ли стоит отождествлять этого Аллахкули с меликом Аллах-Кули-Султаном. Первый принадлежал к поколению Атама I и едва ли мог проявить себя в эпоху Надира).

Итак, попробуем резюмировать вышесказанное. Методом сравнения народных преданий о джрабердских меликах с сохранившимися достоверными историческими сведениями выявлено следующее: 1) названный преданиями братом мелика Есаи мелик Атам на самом деле является его внуком; 2) либо названный преданиями братом Есаи Аллах-Кули-Султан на самом деле является его сыном Исраэлом, либо в действительности имела место следующая очередность меликов Джраберда: Есаи – Аллах-Кули-Султан – Исраэл – Атам I, а не Есаи – Аллах-Кули-Султан – Атам I, как гласят предания.

Этим и ограничим наше маленькое отступление в сторону в надежде, что выводы, к которым мы пришли в его конце, покажутся логичными и станут еще одним аргументом в поддержку сделанного нами чуть раньше утверждения о ненадежном, недостоверном характере народных преданий и неправомерности их использования в исторических исследованиях без должного критического анализа.

Разумеется, вышеуказанные несоответствия с исторической действительностью лишь малая часть того, что можно выявить при детальном рассмотрении народных сказа-

ний. При желании таких неточностей можно обнаружить в несколько раз больше, причем во всех преданиях, без исключения (предания о гюлистанских меликах, как было уже сказано, будут рассмотрены и проанализированы поступательно и скрупулезно при изучении родового древа властителей Гюлистана в следующей главе). Однако и упомянутые несоответствия, на наш взгляд, дают ясное представление о степени достоверности народных сказаний. Разумеется, выявленные неточности не опровергают сами по себе тезис о пришлом происхождении меликов, однако заставляют относиться к преданиям с определенной долей скептицизма, как к необъективным источникам. Итак, что же мы имеем? С одной стороны, многовековой опыт национальной государственности и правления в Арцахе коренных властителей, умудрявшихся сохранить свою власть в периоды самых кровавых нашествий, в худшем случае впадавших в вассальную зависимость от покровителей мира, но никогда не терявших свою внутреннюю самостоятельность и самовластность, делает маловероятным зарождение здесь новых правящих фамилий, основанных чужаками-странниками. С другой стороны, народные предания говорят об обратном, однако вопиющие несоответствия этих преданий с дошедшими до нас достоверными историческими документами значительно преуменьшают их ценность. Если прибавить к этому ту удивительную легкость, с которой описан в преданиях приход к власти в карабахских меликствах случайно оказавшихся

здесь странников, то их (преданий) значимость станет и во все сомнительной.

Исходя из этих соображений, можно с абсолютной уверенностью повторить мнения Макара Бархударяна, Карапета Тер-Мкртчяна и Баграта Улубабяна, не признающих изложенные преданиями версии возникновения меликских родов Арцаха и утверждающих коренной характер этих, фамилий.

Основатели меликских домов Карабаха были не случайными путниками, забредшими в край в поисках удачи, а потомками властителей Арцаха, возможно по воле рока оставившими родные очаги и по прошествии времени вернувшимися на родину.

Свое коренное, благородное происхождение не раз подчеркивали и сами мелики. Так, мелик Джраберда Атам I и мелик Гюлистана Беглар II, совместно с настоятелем монастыря св. Егише епископом Согомоном, 2 сентября 1781 года написали сразу два обращения, адресованных А.В. Суворову и императрице Екатерине II, с просьбой оказать военную помощь против магометан. Обращение к Суворову начинается словами: "Мы, нижезванные потомки благородных воинов армянских царей – Карабахские мелики". В письме к императрице Атам и Беглар представляются следующим образом: "Мы, из нации армянской, из царских домов Аршакидов и Алуанка, оставшихся благородных воинов потомки – Карабахские мелики". Из приведенных цитат видно,

что сами мелики не имели совершенно четкого представления о своих истоках. Вряд ли властители Джраберда и Гюлистана имели отношение к армянским Аршакидам. Однако это не повод, чтобы обвинить Атама и Беглара в самозванстве. Для не слишком подкованных в исторических вопросах меликов царские дома Древней Армении были чуть ли не единственными известными им старинными дворянскими фамилиями. Свою власть мелики считали унаследованной от древних правителей – своих предков.

А так как меликам неизвестны были никакие иные древние правители, кроме Аршакидов и царей Алуанка, то они и выводили от них свои фамилии. Сегодня можно с полной уверенностью утверждать, что Атам и Беглар, возможно, и сами того не зная, говорили абсолютную правду причисляя себя к потомкам алуанкских царей.

О принадлежности карабахских меликов к древним царским фамилиям высказывали свое мнение русские военные представители на Кавказе в начале XIX века Цицианов и Коваленский. Причем, если второй принимал это как историческую данность, первый относился к этому крайне отрицательно. Говоря об армянских меликах, Цицианов в докладе Александру I от 30 декабря 1804 года писал: "Из коих иные (из меликов. – авт.), как я думаю, но глупости ведут свои начала от царей древней Армении". Зная об отношении Цицианова к армянам, нетрудно догадаться, чем продиктованы эти слова о меликах. Видимо, князю-армянофобу трудно

было свыкнуться с мыслью, что в каком-то Карабахе могут быть княжеские фамилии не менее знатные и древние, чем фамилия его самого, отпрыска грузинских Цициашвили.

Другой русский чиновник, представитель России при Грузинском Дворе П.И. Коваленский оставил в своих знаменитых "Записках о Грузии" следующее высказывание о карабахских меликах: "... кои (мелики. – авт.) в числе пяти, по разорении царства армянского от древности сохранили независимость своих владений до самых новейших времен".

Лео комментирует вышеприведенное высказывание Ковалевского следующим образом: "Эти сведения русский чиновник получил, несомненно, от самих меликов. И этот источник возникновения меликской власти однозначно соответствует сохраненным историей фактам. Когда касательно Карабаха встает вопрос об армянских царях, надо принимать во внимание, что цари эти не армянские Аршакиды или даже Багратиды непосредственно, в частности те местнические царства, которые выступили в горах Карабаха со времен Багратидов, нося названия Царства Алуанка или Сюника".

Созвучную с мнением Ковалевского точку зрения о природе карабахских меликств высказал русский историк В.А. Потто: "Среди обломков некогда великого армянского государства Карабах, принадлежащий персиянам, один сохранил у себя, как памятники минувшего величия, те родовые уделы армянских меликов, которые занимали собой все пространство от Аракса до реки Курак, верстах в двадцати от Гянджи,

нынешнего Елисаветопля. <...> Среди разрушения и общего погрома армянского царства владельцы этих уделов, мелики, одни сумели сохранить за собой старинные наследственные права и даже удержать в стране почти до начала XIX века тот политический строй, который сложился здесь со времен персидских царей Сефефидов".

В процитированном отрывке содержится, на наш взгляд, два очень важных тезиса.

1. Права меликов Потто, "Нестор Кавказской истории", называет старинными и наследственными.

2. Политический строй во вверенных меликам территориях сложился, согласно его версии, во времена Сефефидов, то есть не ранее 1502 года, когда на персидский трон взошел первый Сефефид – Исмаил. Иными словами, не ранее XVI века в Карабахе установился новый политический строй, который наследники старинных правителей этого края сохранили до начала XIX века.

Еще один русский ученый-историк П.Г. Бутков сделал такое высказывание о карабахских меликствах: "Карабах, есть, страна, лежащая между левым берегом Аракса и правым реки Куры, выше Муганского поля, в горах. Главнейшие обитатели ее – армяне, управляемые пятью своими меликами, или природными князьями, по числу кантонов.

Словосочетание "природные князья" следует понимать, на наш взгляд, как свои собственные, коренные, исконные князья.

Мнения Потто и Буткова основаны скорее всего на сведениях, собранных русскими военными представителями на Кавказе, то есть, в конечном счете, источником для служили высказывания самих меликов о себе. Если отбросить все лишнее в этих высказываниях, то суть их сводится к следующему: карабахские мелики заявляли о себе, как о наследниках и потомках правителей этого края, сумевших отстоять его независимость после распада общеармянского государства.

Подводя итог сказанному в этой главе, отметим главное: народные предания, повествующие о некоренном происхождении карабахских меликов, полны противоречий и не подкреплены никакими историческими фактами. Вследствие этого они являются неблагонадежными источниками. Сами мелики выводили свое происхождение от древнейших правителей Арцаха. Суждения карабахских меликов касательно своего происхождения сохранились как в собственноручно подписанных ими документах, так и в сообщениях русских военно-политических представителей на Кавказе.

Историческая наука об Арцахе давно отвергла предположения о пришлом характере карабахских, в том числе и гюлистанских меликов и выдвинула более аргументированную и логичную версию о зарождении меликских фамилий вследствие разветвления княжеских фамилий Арцаха. Что же касается конкретных истоков гюлистанских Мелик-Бегларянов, то большинство исследователей высказа-

лось в пользу мнения, согласно которому они являются потомками владельцев Верхнего Хачена – Допянов.

Родословная правителей Гюлистана

В предыдущей главе мы, как и обещали в ее начале, попытались обобщить все имеющиеся на сегодняшний день высказывания историков относительно происхождения рода Мелик-Бегларянов. Также мы сделали попытку показать всю необоснованность и беспочвенность народных преданий, связывающих происхождение ряда властвующих фамилий Карабаха с полуавантюрными, приключенческими историями. Историческую необоснованность народных сказаний о меликских династиях Карабаха мы проиллюстрировали на примере истории о зарождении джрабердских Мелик-Исраэлянов с обещанием подробнейшего анализа аналогичных народных сказаний о роде Мелик-Бегларянов (история, которой, собственно, и посвящена данная работа) при рассмотрении родового древа этой фамилии. Что ж, настало время выполнять обещания. И начнем мы, естественно, с истока рода Мелик-Бегларян – полулегендарного Абова Юзбаши. Мы уже подвергли сомнению ту удивительную легкость, с которой описан приход Абова к власти в Талише. Думается, у читателя не осталось сомнений в том, что единственным объяснением воцарения этого правителя является его родовое, потомственное право на эту власть. В сущности, именно от-

рицание данного права Абова и является основной ошибкой Раффи и поддержавших его точку зрения исследователей.

Другой тезис Раффи, утверждающий, что Абов является первооснователем Гюлистанского меликства и рода Мелик-Бегларянов, не нашел возражений у основной массы последователей ученого. С этим мнением Раффи разнятся только утверждение Т.Х. Акопяна о том, что Гюлистанское меликство было утверждено в 1455 году Джаханшахом, и упомянутое уже нами высказывание К. Каграманяна о непричастности Абова и его потомка Беглара к роду Мелик-Бегларян. К высказыванию Каграманяна мы вернемся чуть позже. Что же касается утверждения Т.Х. Акопяна, то основанием для него, по всей вероятности, послужил рассказ Макара Бархударяна о возвращении пращура Абова – Айтина Допяна с титулом “юзбаши” и правом содержать отдельное войско, в 1455 году на родину из Двора Джаханшаха. Если это так, то и Акопян также, правда, косвенно, высказывается о верхнехаченском происхождении Мелик-Бегларянов, а основателем Гюлистанского меликства считает не Сев Абова, прозванного также Кара Юзбаши Абовом, а его предков, что в данном случае не столь уж принципиально. Таким образом, обобщая мнения историков по данному вопросу, можно отметить следующее: в начале XVII века Абов, вернувшись на родину после вынужденных скитаний, будучи потомком одной из княжеских ветвей Карабаха и обладая наследственным правом на власть в крае, утвердился в селе-

нии Талиш, ставшем впоследствии одним из центров Гюлистанского меликства – удельного княжества потомков Абова.

Период правления Абова окутает дымкой таинственности и значительно мифологизирован. В связи с этим велик соблазн усомниться в его действительном существовании. Однако Абов – вполне реальное историческое лицо. Раффи, лично побывавший в родовой усыпальнице Мелик-Бегларянов у монастыря Орек, оставил следующую запись в своей работе “Меликства Хамсы”: “На его могильном камне, что находится вблизи упомянутого монастыря начертана одна лишь строка, из которой следует, что он умер в 1081 году армянского календаря, или в 1632 году от рождества Спасителя”.

Судя по преданиям, которым и следует Раффи, Абова сменил старший сын – Беглар. Раффи считает его фактическим основателем Гюлистанского меликства. То же самое повторяет Лео. Однако Е. Лалаян вносит в эту очередность свои коррективы: “Сев Абова сменяет мелик Яври, имя которого хотя и помнится в народе, однако ничего о его делах не упоминается. Его существование подтверждается и тем фактом, что в памятной записи Евангелия села Талиш сказано, что в 1650 году (когда создавалось Евангелие) в селе Таридж правителем был сын Сев Абоба – мелик Яври”.

Лалаян, к сожалению, не приводит памятную запись о Яври дословно, а лишь пересказывает ее. Неизвестно также, о каком Евангелии говорит выдающийся собиратель и эт-

нограф. По всей видимости, это Евангелие не сохранилось до наших дней. О нем не упоминает даже Мака́р Бархударян, также побывавший в конце прошлого века в Талише и скрупулезно собиравший уцелевшие исторические свидетельства. Поэтому проверить достоверность сообщения Лалаяна, или хотя бы сверить его с сообщениями других современников, не представляется возможным. Следовательно, неизвестно, сообщалось ли в памятной записи о родстве Абова и Яври или их “породнил” Лалаян, исходя из народных преданий, посему место мелика Яври в ряду правителей Гюлистана можно принимать с определенной долей условности.

По Лалаяну, Беглар I, названный Раффи сыном Абова, был в действительности его внуком. В остальном Лалаян повторяет почти все то же, что и Раффи. Если попытаться пересказать народные предания о Бегларе, записанные Раффи и Е. Лалаяном, то получим следующий, наполненный, конечно же, сказочными приукрашиваниями, рассказ: взяв власть отца (или деда, по Лалаяну) в свои руки, Беглар значительно расширил свои владения. В частности, отобрал несколько селений у прежнего владельца этих мест Абрама Юзбаша, как то: Верин-Шен, Неркин-Шен и Эркедж. Рассказывается, что Беглар присвоил себе также крепость Гюлистан и, отремонтировав ее, поселился там. Видимо, это предание послужило источником для создателей “Словаря топонимов Армении и прилегающих областей”, которые в статье “Гюли-

станская крепость" пишут: "В 1632 году мелик Беглар I восстановил крепость". Такая конкретность времени восстановления крепости никакими историческими данными не подкреплена. Дата 1632 год взята, по-видимому, из сообщений Раффи о смерти Абова в том же году и княжения после него Беглара I. Однако в преданиях ведь не говорится, что Беглар присвоил себе крепость сразу после смерти отца. Это – во-первых. Во-вторых, если все-таки прав Е. Лалаян и после Абова власть перешла к Яври, то Беглар мог производить ремонт крепости не ранее 1650 года. Этот маленький эпизод характерно показателен в понимании того, к каким недоразумениям и неточностям при исторических исследованиях может привести беспрекословное доверие к произведениям устного народного творчества.

Однако вернемся к преданию. Упомянутый в них Абрам Юзбаши, или, как звали его турки, – Ибрагим Гяур – историческое лицо, один из видных представителей освободительного движения карабахских армян 1720-х годов (о перипетиях этой борьбы речь пойдет чуть позже). В одной из строительных надписей в селе Полистан он упоминается как "Абрам Спарпет". Вот эта надпись в переводе на русский: "По воле Господа я – Акобос раб Божий, правитель этого села, сын Абрама Спарпета, построил этот дворец в год 1201 (1752)".

К. Каграманян справедливо подвергает сомнению достоверность описанных в преданиях историй о присвоении

Бегларом владений Абрама Юзбаши. Однако делает он это, исходя из, на наш взгляд, не очень убедительных рассуждений:

Первое Абрам Спарпет был очень сильной личностью, его слава распространилась далеко за пределами Гюлистана. На смену ему пришли не менее известные и прославленные потомки. "После него, – пишет Каграманян, – в Гюлстание правил его сын Акобос, сына сменил внук hАтам Юзбаши, сказания о храбрых деяниях которого не угасли до сих пор". Именно указывая на военную славу и влияние Абрама и его потомков, Каграманян делает заключение, что ни Беглар, ни кто либо другой не могли отобрать у него владений.

Второе рассуждение, на которое опирается исследователь, отвергая достоверность преданий о Бегларе и Абраме, сводится к тому, что эти двое – представители разных эпох, и соприкосновение их интересов маловероятно. "Если 1650 году в Талише правителем был Яври, его сменил сын – мелик Беглар, то последний вряд ли бы мог иметь отношение к ставшему знаменитым в 1720-30 гг. Абраму"

Чуть ниже Каграманян делает еще одно высказывание относительно времени активной деятельности Беглара: "Беглар мог выступить лишь после 1730-х годов".

Неубедительность этих рассуждений легко выявляется при внимательном сопоставлении: их с историческими сведениями. Оставим пока в стороне первое рассуждение Каграманяна и попытаемся разобраться, насколько историче-

ски обосновано утверждение о временном несоответствии периодов выступления на арену Абрама и Беглара. О Бегларе осталось ничтожно малое количество сведений. Однако, к счастью, и этого вполне достаточно, чтобы приблизительно очертить период его правления. Так, известно, что в начале века его сын Исахан имел взрослых сыновей. Это становится понятным из текста, приводимой М. Бархударяном купчей, найденной им в селе Талищ. В ней говорится о том, что некие Ахназар и Пахрат продают свой сад сыну мелика Исахана Огану и брату последнего – Беглару. То, что упомянутый Исахан есть сын мелика Беглара, сомневаться не приходится. Одна из цитируемых К. Каграманяном эпитафий сообщает следующее: “Это могила Исай-хан-ага, который был сыном мелика Пеклара, год 1200 (1751)”. В пользу тождественности этого Исайханага с упомянутым Бархударяном меликом Исаханом говорят наличие у последнего титула мелика и сына по имени Беглар. Упоминание Исахана с титулом мелика в 1701 году может подтолкнуть к мысли, что к этому времени Беглар был уже мертв. Однако, как увидим чуть позже, Исахан, как и его брат Тамраз, носили титул мелика еще при жизни своего отца. Это обстоятельство идет вразрез с традицией передачи меликской власти от отца к сыну. Безусловно, упоминание Исахана с титулом мелика при жизни его отца есть некоторое преувеличение и восхваление его возможностей. Однако нас в данной ситуации занимает другое: упоминание сыновей Беглара с титулом ме-

лика при его жизни указывает по крайней мере на то, что к моменту появления этих свидетельств Беглар был правителем в Гюлистане.

То, что во время составления вышеназванной купчей (1701 г.) мелик Беглар еще здравствовал, подтверждает приводимая Е. Лалаяном эпитафия с его могильной плиты: "Это могила мелика Баклара 1169 (1720)".

Итак, Беглар, известный как правитель Гюлистана по крайней мере с 1701 года, оставался таковым вплоть до 1720 года. Иными словами, есть достаточное основание утверждать, что правление Беглара охватывает по меньшей мере двадцатилетие, предшествовавшее времени расцвета воинского таланта Абрама Юзбаша. К началу зарождения своей славы (1720-е годы) Абрам подошел безусловно не юнцом, следовательно, в определенный момент своей сознательной жизни он был современником мелика Беглара. Иными словами, Абрам и Беглар были людьми одной эпохи. И с этой точки зрения соприкосновение их интересов вполне могло иметь место.

Что касается рассуждения Каграманяна относительно невозможности захвата владений Абрама Юзбаша кем бы то ни было из-за безусловного могущества и авторитета первого, то тут надо учитывать следующее: действительно, Абрам был видной личностью, своими действиями сумевшей завоевать себе славу и уважение. Однако все это было добыто им после 1720 года. О наличии у Абрама каких-либо осо-

бых возможностей до этого времени ничего не известно. Таким образом, если столкновение между Абрамом и Бегларом имело место, то было это в период до возникновения могущества Абрама. Как видим, и здесь ничего противоречащего преданиям нет.

Итак, отрицание Каграманяном факта захвата Бегларом владений Абрама, на наш взгляд, весьма уместно, однако доводы, приведенные им, при этом кажутся нам неприемлемыми, что и мы пытались показать выше. На чем же основана наша солидарность с Каграманяном? Несоответствие этой части преданий с исторической действительностью, с нашей точки зрения, проявляется при сопоставлении ее с некоторыми косвенными историческими фактами. Например, как уже было сказано, Абрам Юзбаши прославил свое имя в национально-освободительных войнах 1720-х годов. Именно тогда Абрам вместе с потомками Беглара и в тесном сотрудничестве с ними вел активную борьбу против османских завоевателей, заполонивших Закавказье. Очевидно, что этого не могло бы произойти, будь сведения, содержащиеся в преданиях, соответствующими действительности. Через несколько лет после смерти Беглара Абрам не мог сотрудничать с его сыном – меликом Тамразом— своим кровным врагом, по определению. Другой факт: меликства в указанный период были уже сложившимися институтами и, следовательно, Абрам, будь он действительно правителем края, должен был бы носить титула мелика однако ни Аб-

рам, ни его сын в исторических свидетельствах, в том числе и в уже приведенной нами строительной надписи дворца в Гюлистане, не упоминаются с титулами "мелик" или хотя бы "бек".

Таким образом, захват со стороны Беглара владений Абрама не мог иметь место не потому, что последний был могущественнее Беглара и не потому, что эти личности – принадлежали к разным поколениям, а потому, что Абрам никакими владениями не обладал. Но тогда чем же объяснить упоминание его в преданиях как прежнего правителя ряда деревень? Ответ на этот вопрос, возможно, кроется в следующем: сын Абрама Акобос в той же, упомянутой нами, строительной надписи 1752 года, называет себя правителем села Гюлистан. Однако в указанный период меликами в Гюлистане были Мелик-Бегларяны. Понятно, что назвав себя правителем села, потомок Абрама Юзбаши подчеркивал не свою независимость от Мелик-Бегларянов, а скорее наоборот. Быть правителем села в 1752 году он мог лишь по воле и по милости меликов края, возможно, в награду за свои заслуги, а также за заслуги своих предков. Можно предположить, что Абрам Юзбаши был таким же правителем, как и его сын, а упомянутый в предании захват его владений меликом Бегларом являлся лишь отголоском каких-то действительно имевших место ограничений прав Абрама меликами края, в частности тем же меликом Бегларом.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно отметить сле-

дующую очередность правителей Гюлистана в период с начала XVII века по начало XVIII века: Абов— мелик Яври – мелик Беглар. К. Каграманян добавляет в эту очередность еще одного мелика по имени Шурши, известного в 1691 году. Вот что он пишет, ссылаясь на один из документов, хранящихся в ереванском Матенадаране: “В противовес Гандзасарскому каталикосу Еремии в монастыре Ерицманканц выступил католикос Симеон. Для отвержения и осуждения последнего в 1691 году созывается собор с участием больших к малых правителей края, а также других известных людей. Среди 65 подписей на одном из почетных мест читаем: " Я мелик Турши Парты, дал свое согласие и поставил печать". Примечательно, что наряду с властителем Северного Арцаха на соборе участвовал и таунтер Геташена (“Я Камал-Бек, таунтер Геташена, дал свое согласие”)"

Уже отмечалось, что, по-убедительному мнению Каграманяна, под Партой надо понимать Гюлистан, следовательно, мелик Турши был меликом Гюлистана. Однако ни предания, ни известные исследователям надписи ничего о нем не сообщают. Посему неизвестно, какое имел отношение этот Турши к Мелик-Бегларянам. Однозначно можно отметить следующее: он – современник мелика Беглара и, возможно, его предшественник. В таком случае получается, что Беглар правил в Гюлистане после 1691 года. Примерное время начала правления Беглара, таким образом, лежит между 1691 и 1701 годами.

Поводя итоги, отметим следующее: Беглар — деятель конца XVII начала XVIII века. Беглар однозначно не мог быть сыном Сев Абова. Невелика вероятность и того, что он был его внуком, ибо год смерти Абова (1632 г.) и начало правления Беглара разделяет отрезок времени примерно в 60 лет. Беглар также не мог быть основателем меликства, так как упомянутый мелик Турши по всей видимости, правил до него и называл себя меликом Парты, т.е. Гюлистана.

Исследователи разнятся даже в вопросе о том, сколько сыновей оставил мелик Беглар после себя. Раффи говорит о двух сыновьях мелика Беглара: "Он оставил двух сыновей, старший из которых звался по имени своего деда Абова, а младший — Тамраз (Теймураз)". Лалаян же упоминает трех сыновей Беглара: "Он имел трех сыновей: мелика Абова, который сменил его, мелика Тамраза (умер в 1750) и Исай-Хана-Ага (умер в 1752)"

Отметим сразу, что сведения как Раффи, так и Лалаяна страдают недостоверностью. Однако прежде чем говорить об этом, необходимо, на наш взгляд, хотя бы в общих чертах описать ту историческую реальность, на фоне которой выступили потомки и наследники Беглара. Без этого рассказ о роде Мелик-Бегларянов был бы неполным.

1720-е годы вошли в армянскую историю, как одни из самых трагических, кровавых, но вместе с тем героических и светлых. Все предшествующее двадцатилетие, с небольшими перерывами, вольнолюбивые правители Арцаха и сосед-

него с ним Сюника пытались снискать покровительство тех или иных европейских держав и пользуясь этим покровительством, окончательно избавиться от персидского верховенства над собой. Выразителем чаяний армянских меликов в европейских Дворах был Исраэл Ори, чьи смелые, со значительной долей наивности, граничащей с авантюризмом, проекты по спасению отечества так и не воплотились в реальность. Причиной этому стали как внезапная смерть (либо убийство) Ори в Астрахани в 1711 году, так и несовпадение ожиданий армянских меликов с интересами предполагаемых держав покровителей. В последний период своей деятельности взор Ори был обращен в сторону набирающей мощь России и ее энергичного властителя — Петра I. Однако Петру, занятому "прорубанием окна в Европу" и Северной войной, было не до юга. Смерть Ори отодвинула ожидавшуюся со стороны России помощь на неопределенное время. Вместе с тем, все более агонизирующая Персидская держава и заманчивые перспективы расширения своего владычества на юге заставили Петра держать в арсенале предложения Ори не прекращать политические контакты с армянскими представителями.

Спустя более чем десятилетие после смерти Ори на армянском горизонте снова замаячила возможность военной помощи со стороны России. То было время, когда обширнейшая Персидская держава, доведенная шахом Султаном-Хусейном, по характеристике Лео, "самим жалким и

неспособным из всех Сефифидов до края разорения, рассыпалась на глазах, могучим сопредельным странам – России и Турции в пору было подумать о приобретении этого наследства. Летом 1722 года Петр, годом ранее победоносно закончивший Северную войну, начал Персидский поход. Внешне поход имел вполне благородные цели, а именно: освободить персидскоподданных христиан, прежде всего грузин и армян. На деле же оказалось иначе, и заявление о намерении освободить христиан от ига неверных было не более чем политической уловкой, направленной на то, чтобы возбудить у грузин и армян надежду на грядущее спасение и добиться от них поддержки в ходе предстоящей кампании. Истинной целью похода было завоевание Прикаспийских территорий. Надо сказать, что к этому времени в Карабахе уже сложилась вполне боеспособная армия, призванная защитить край от активизировавшихся вследствие безвластия в Иране, лезгин, подвергших край опустошению.

Персидский поход Петра был с воодушевлением воспринят в Грузии и Карабахе. Именно этот поход явил миру армяно-грузинский военный союз, спустя более чем пять веков после единения Иване и Закаре Закаряннов и царицы Тамары. Отцами-основателями этого нового союза стали грузинский царь Вахтанг VI и католикос Алуанка Есаи-hАсан-Джалаян. По замыслу Петра армянские войска при вступлении его на Персидскую территорию должны были выехать ему навстречу с тем, чтобы, встретившись в Ширване, вместе

продолжить поход. Ранней весной 1722 года грузинские и армянские войска, встретились в окрестностях Гандзака (Гянджа) и стали ждать дальнейших распоряжений русского императора. Однако обстоятельства вскоре заставили Петра прервать кампанию и вернуться в Астрахань. Это обстоятельство разрушило иллюзию грядущего скорейшего освобождения и поставило персидскоподданных христиан в еще более незавидное положение, ибо факт поддержки грузинами и армянами христианского правителя был воспринят соседними магометанами как недружественный, враждебный акт, достойный жестокого покаяния.

Потерпев неудачу в начинании, где главная роль отводилась Петру I, армянские и грузинские войска вернулись в свои владения. Теперь каждому предстояло самостоятельно держать удар и доказывать свое право на существование. Вернувшись в свои горы, карабахское войско укрепились в труднодоступных местах. Места, где сосредоточились войска, стали называться Сыгнахами. В русских документах Сыгнахи именуются "армянскими собраниями".

Задача, которая стояло перед карабахским войском, была не из легких: надо было защитить край одновременно и от персов, и от жаждущей свой кусок Закавказья Османской империи, и от восставших свирепствующих лезгин, и, разумеется, от соседних, далеко не дружелюбно настроенных, магометан. Армянский народ Карабаха вместе со, своими вожаками-властителями с честью справился с этой за-

дачей, вписав еще одну героическую страницу в многовековую летопись истории Армении. Лео так высказывается о событиях того периода: “Получив столь исключительную роль, которую навязывали ему исключительные обстоятельства, армянское воинство становилось верховным повелителем и властителем края, сосредоточивало в себе всю власть, поэтому впредь переговоры и обращения производились не от имени отдельных личностей, от имени Армянских Сягнахов. Это было народное: воинство, которое управлялось советом своих вождей, командиров, где свое место, и влияние имел также католикос Гандзасара. По требованию военного времени мелики делили свою власть с юзбаши на военных советах. Все они – мелики и юзбаши – пользовались равными правами и имели равные обязанности”.

Приобретая абсолютную самовольность и, упорно защищая ее, карабахские властители вместе с тем не теряли надежд, получение помощи со стороны России. Посему параллельно с военными действиями они продолжали слать письма-обращения о помощи России, с точки зрения её стратегических интересов, конечно же, нужен был верноподданически настроенный к ней элемент в Закавказье, каким были карабахские армяне. Вместе с тем, необходимо было решить насущные тактические задачи, главная из которых состояла в приобретении ею прикаспийских территорий, избегая, по возможности, столкновений с Османской Турцией на почве раздела персидского наследства.

Этими двумя обстоятельствами и была обусловлена политика Петра в Закавказье. С одной стороны русские старались всячески подбодрить армян, давая им неопределённые обещания и намекая на возможность военной помощи. С другой стороны, Россия 12 сентября 1723 года подписала договор с Персией, по которому обещала быть верным другом Персии и врагом ее врагов, если та, в свою очередь согласится уступить ей западный и южный берега Каспийского моря. Годом позже, 12 июля 1724 года, Россия и Турция заключили договор о разделе Персии, по которому Россия закреплялась на завоеванных ею территориях Прикаспия, а Турции отходило все Закавказье, в том числе и Карабах. Единственно определенное предложение, сделанное Русским Двором карабахцам, предусматривало переселение их на вновь отошедшие к России берега Каспия. Однако это предложение было решительно отвергнуто карабахскими властями.

Внешнеполитический курс России по отношению к своим единоверцам из Закавказья не претерпел существенных изменений и после смерти Петра. Все те же неопределенные обещания, заверения об озабоченности судьбой христиан и никаких реальных действий. Следствием этой политики явилось то, что предводители карабахского армянства оказались перед необходимостью самим попытаться решить насущные проблемы выживания вверенного им народа, без упования на помощь извне. О том, насколько это им удалось, красноречиво свидетельствует донесение русского резидент

И. Неплюева из Турции от 29 июля 1730 года. В нем в частности говорится: «1730 г. июля 26 дня прислан к резиденту Неплюеву от турецких министров переводчик Порты приказом, который говорил следующее:

1. Известно-де резиденту, что армянский народ, пребывающий в Сагнаках, подлежащий Порте по трактату, не суть пограничны к России, но будучи ситуация оных мест в горах крепкая, потому оные народы к Порте совершенно подданства не показывали...»

Итак, по признанию самих турок, до 1730 года, по крайней мере часть карабахских Сыгнахов остоялись непокорными и непокоренными. Это более чем удивительный факт, если учесть, что турецкой тирании противостоял даже не весь маленький Карабах, а только часть его воинства, ибо со смертью каталикоса Есаи-нАсана-Джалаляна (1728 г.) от былого единства карабахских Сыгнахов не осталось практически ничего, а часть видных военачальников Карабаха русское правительство сумело переманить на свою сторону, и они, соблазнившись, видно, обещанными перспективами, оголили оборонительную линию Карабаха, переселились в Кизляр и поступили на службу в русскую армию. Противостояние турецким войскам продолжалось и в дальнейшие годы. Центром борьбы стала Гюлистанская крепость, откуда Абрам Юзбаши со своими героями наносил периодические сокрушающие удары по туркам. Однако сколь бы значительными ни были ураны, наносимые Абрамом и другими геро-

ями Карабаха турецкому спуту, без могучего союзника карабахские армяне не в силах были добиться окончательной и безоговорочной победы. К счастью для Карабаха, непредсказуемый ход истории вскоре явил ему такого союзника в лице возрожденного Ирана во главе с великим и коварным шахом Надиром. Но это уже другая история.

Освободительная борьба карабахского армянства 1720-х годов явилась прологом к созданию высшей формы их самообороны – независимого государства (меликства. Хамсы). В этой борьбе проявились все лучшие качества, армян Карабаха. Многие выдающиеся его предводители снискали себе славу героев и добрую память последующих поколений. Предводителями Гюлистана в указанный период были мелик Тамраз, его сын Сарухан, предполагаемый брат Тамраза Абов, а также юзбаша Есаи и Абрам. (Вспомним высказывание Лео о том, что деление власти между меликами и юзбаша было продиктовано исключительностью исторического момента). Этим ограничим наше отступление, которое носило ознакомительный, справочный характер и было необходимо для дальнейшего рассмотрения родословной Мелик-Бегларянов, ибо свидетельства о представителях данного рода, относящиеся к этому периоду, сохранились в документах, связанных с освободительной борьбой 20-х годов (в основном, это письма, в которых адресатами или адресантами являются те или иные представители Мелик-Бегларянов).

Мы прервали наш рассказ о родословной Мелик-Бегларянов, упомянув о том, что исследователи, непосредственно собиравшие народные предания – Раффи и Лалаян, разнятся в вопросе о том, сколько сыновей было у Беглара. Мы добавили также, что мнения обоих ученых страдают недостоверностью. Попробуем теперь пояснить нашу мысль и разъяснить, в чем именно, по-нашему, кроется недостоверность сведений Раффи и Лалаяна. Сделаем мы это при помощи метода сравнения сведений, содержащихся в преданиях, с достоверными, не вызывающими сомнений источниковедческими фактами. Для удобства рассмотрения данного вопроса имеет смысл разделить его на три части и отдельно обобщить и сравнить сведения о каждом из трех предполагаемых сыновьях Беглара.

Исахан.

Лалаян упоминает этого, по его мнению, третьего сына Беглара одной строкой, называя его Исай-хан-ага, в скобках сообщая дату смерти – 1752 год. При этом ученый не называет источник, которым он пользовался. Совершенно определенное упоминание даты смерти Исахана дает основание предположить, что источником Лалаяну служили не народные предания. (С трудом верится в то, что спустя более чем, век после смерти Исахана, предания называли бы дату его смерти с такой конкретностью.)

Первое известное нам историческое сведение об Исахане приводит М. Бархударян. Судя по тексту упоминаемой им купчей, найденной в селе Талиш, Исахан в 1701 году носил титул “мелик”. Мы уже говорили, что это скорее всего есть преувеличение его значимости и возможностей, ибо в 1701 году жил и здравствовал его отец – мелик Беглар. Собственно, эти два упоминания об Исахане являются недостаточными для утверждения о том, что Беглар являлся отцом Исахана: Лалаян не подкрепляет свое утверждение никакими фактами; документ, приводимый М. Бархударяном, также не вносит абсолютной ясности в этот вопрос – сообщаемые им сведения в лучшем случае можно рассматривать как косвенное подтверждение мнения Лалаяна. (Хотя в данном случае приводить сведение Бархударяна в качестве подтверждения

мнения Лалаяна было бы не совсем корректно, ибо “Арцах” Бархударяна увидел свет несколько раньше, чем работа Лалаяна “Гандзакский уезд”. Таким образом, приводимый Бархударяном документ следует рассматривать первое доступное исследователям упоминание об Исахане. В примечании к этому документу Бархударян делает предположение о том, что “возможно, Мелик-Исахан из рода Мелик-Бегларянов”. Повторимся, что эта фраза, как и опубликованный Бархударяном документ, вышли в свет за несколько лет до работы Лалаяна. В этой связи логичнее было бы привести суждения Лалаяна в качестве подтверждения предположения Бархударяна, а не наоборот.) Так или иначе, ясно, что при отсутствии более веских аргументов, подтверждающих родство Беглара и Исахана, утверждение Лалаяна было бы необоснованным, а предположение Бархударяна так и оставалось бы предположением. Сведением, отмечающим сомнения в правильности суждений Бархударяна и Лалаяна, безусловно служит найденная К. Каграманяном эпитафия с могильной плиты Исахана, процитировать которую еще раз кажется нам более чем целесообразным: “Это могила Исай-хан-ага, который был сыном мелика Пеклара, год 1200(1751).

Каграманян приводит также полустертую эпитафию с могильной плиты супруги Исахана: “Это могила //Мареаи, которая есть // супруга Иса // Хан ... Мелик//...//...//”

Процитированные эпитафии, на наш взгляд, являются бесспорными доводами в пользу утверждения Лалаяна. У

нас нет сомнений, что упомянутый им сын мелика Беглара Исай-хан-ага – одно и то же лицо с упомянутым Бархударяном меликом Исаханом и упомянутым Каграманяном Исахан-ага, сыном мелика Пеклара. Кстати, как было отмечено нами ранее, одного из сыновей Исахана также звали Беглар, что является дополнительным косвенным аргументом в пользу утверждения Лалаяна (ранее мы подчеркивали, что нарекать детей по именам родителей было давнейшей укоренившейся традицией в Карабахе. В какой-то степени эта традиция сохраняется и сейчас).

На этом, пожалуй, стоило бы завершить рассказ об Исахане, если бы не одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Как видим из эпитафии, приводимой Каграманяном, Исай-хан-ага умер в 1751 году. Лалаян называет датой его смерти 1752 год. Мы уже говорили, что эта дата вряд ли взята Лалаяном из народных преданий. Прочитанная эпитафия еще более убеждает нас в этом мнении и дает основание предполагать, что Лалаян также видел могилу Исахана. Разница дат, сообщенных им и Каграманяном, объяснима. Дело в том, что армяне традиционно числа обозначали буквами своего алфавита. Букв первоначально в алфавите было 36, первые девять из них обозначали единичные числа, вторые девять – десятичные и т.д. Получалось, что первая буква алфавита обозначала число 1, а последняя – 9000. Различными сочетаниями букв обозначались даты. На могиле Исахана начертан год 1200 по армянскому летоисчислению. По

упомянутой системе отождествления букв алфавита с числами это год РМ (по техническим причинам у нас нет возможности отобразить армянские буквы). Представляется вероятным, что Лалаян, посетивший усыпальницу гюлистанских властителей более ста лет тому назад, мог прочесть на могиле Исахана дату РМА, т.е. 1201 (буква А в армянском алфавите, как и во всех других алфавитах, является первой). За прошедшие сто лет дата на могильной эпитафии могла подвергнуться разрушению, поэтому Каграманян сумел расшифровать только первые две буквы. Такое объяснение, на наш взгляд, весьма допустимо, если учесть, что разрушение надписей на древних могильных плитах далеко не редкость.

Тамраз.

О Тамразе предания сообщают несравненно большее количество сведений, нежели об Исахане. Помимо преданий, имя его упоминается в нескольких документах эпохи и в эпиграфических надписях исторических помимо этого, имя Тамраза нашло свое отражение в топонимике края.

Предания называют Тамраза жестоким и безжалостным, который после смерти своего брата Абова в 1728 году и вследствие несовершеннолетия сына последнего, Овсеп, пришел к власти в крае. Местом своего обитания Тамраз выбрал дворец близ монастыря Орек. Судя же преданиям, Тамраза не устраивала роль попечителя над своим племянником Овсепом, чтобы быть полноправным властителем края, он стал всячески притеснять Овсеп, который, повзрослев, восстал против дяди, и убив его, вернул себе власть отца. О том, насколько соответствуют действительности эти истории, отдельно, в части данной работы, посвященной Овсепу. Пока же попробуем разобраться в вопросе о том, насколько правдива информация о времени прихода Тамраза к власти. Есть основания предполагать, что Тамраз упоминается в свидетельствах с титулом “мелик” еще при жизни Беглара. Так, Раффи и Лалаян, побывавшие в том самом упомянутом дворце близ монастыря Орек, приводят весьма примечательную надпись, высеченную на одной из арок этого

дворца, которая предположительно является строительной. В этой поразительно безграмотно составленной и неподдающейся осмыслению надписи упоминаются некто Оган и мелик Тамраз. Примечательным что Лалаян и Раффи приводят одну и ту же надпись с разным набором слов и даже разными датировками. Судя по тексту Лалаяна, надпись была высечена в 1701 году. Раффи же называет дату 1727 год. Трудно сказать, кто из исследователей оставался наиболее верным оригиналу при копировании данной надписи. Правильность даты, приводимой Раффи, на первый взгляд, может показаться более возможной, однако и дата, называемая Лалаяном, также вполне может претендовать на точность. Вспомним, что в свидетельстве 1701 года сын Беглара – Исахан также упомянут с титулом “мелик”.

В другом историческом свидетельстве, приводимом М. Бархударяном, Тамраз упоминается с титулом “мелик” в 1716 году. Таким образом, очевидно, что Тамраз носил титул мелика еще при жизни Беглара, умершего, как известно, в 1720 году. В исторических документах 20-х годов Тамраз неоднократно упоминается с данным титулом. В корреспонденциях руководителей карабахских армян на имя Русского Двора нередко встречается имя мелика Тамраза. Сами даты этих корреспонденций (например, 5 марта 1724 года и 25 июля 1725 года) красноречиво свидетельствуют о том, что Тамраз носил титул мелика и пользовался фактической властью в крае задолго до 1728 года, т.е. до смерти сво-

его предполагаемого старшего брата – мелика Абова. Дальнейшая жизнь и деятельность Тамраза будут рассмотрены, как было уже сказано, в части, посвященной Овсепу. Здесь же ограничимся пока упоминанием о том, что Тамраз чуть ли ни единственный представитель рода Мелик-Бегларянов, имя которого отражено в топонимике Гюлистанского гавара: на левом берегу реки Инджа до наших дней известна местность под названием “Тамрази[н] шинатех” (селище Тамраза).

Вы, наверное, заметили, что мы назвали Тамраза представителем рода Мелик-Бегларянов, не обосновывая это историческими фактами. Спешим вас заверить, что это отнюдь не голословное утверждение, базирующееся лишь на сообщениях Лалаяна и Раффи, а не вызывающая сомнений историческая данность, о которой мы поговорим чуть ниже, при рассмотрении сведений об Абове.

Абов.

В преданиях он называется также Хромым Абовом, ибо, судя по рассказам, он был ранен в ногу и хромотал. Традиционно исследователи называют его преемником Беглара. В предании об Абове, как и в других историях подобного рода, наглядно просматривается приключенческая составляющая. Так, народные сказания живописно изображают историю похищения Абовом дочери Гандзакского хана – Хамар-Султан, ставшей впоследствии после крещения в Гюлистанском монастыре Всеспасителя его женой. Эта история изумительнейшим образом описана у Раффи, что не удивительно, учитывая его неординарный талант рассказчика. Никаких более конкретных сведений об Абове ни у Раффи, ни у Лалаяна мы не встречаем, кроме сообщения о том, что Абов умер в 1728 году. Лалаян упоминает также одно из писем, написанных карабахскими юзбашами и меликами, под которым среди других стоит и подпись Абова. Помимо этого, Лалаян делает следующее утверждение касательно деятельности Абова: “Мелик Абов с мечом в руках защищал свой народ от нашествий лезгин, и когда Петр Великий в 1721 году взял Дербенд, мелик Абов со своим войском выехал к разбившему лагерь близ Гандзака грузинскому царю Вахтангу и другим армянским меликам, чтобы, соединившись с русскими, свергнуть персидское иго”.

Взятие Дербенда Петром I, а также встреча армянских и грузинских войск близ Гандзака состоялись, как известно, годом позже упомянутой Лалаяном даты (к сожалению, у нас нет первого выпуска работы “Гандзакский уезд”, мы пользуемся вторым томом “Собрания сочинений” Лалаяна, выпущенном в 1988 году, поэтому не можем однозначно ответить: упущение ли это Лалаяна или типографская опечатка). Что касается выезда Абова со своим войском на встречу с Вахтангом, то трудно найти какие-либо подтверждения этому факту. Известно, что предводителями армянского войска во время тех событий были гандзасарский католикос Есаи-нАсан-Джалалян и четыре молодых юзбаши: Аван, Ширван, Шахни и Сарухан. Как видим, утверждение Лалаяна представляется пока не слишком обоснованным и не имеющим подтверждения.

Единственными достоверными источниками об Абове как о деятеле 20-х годов XVIII века являются корреспонденции карабахских меликов и юзбаши, Русскому Двору или своим представителям при Дворе. В ряде этих корреспонденций упоминается и имя Абова. Это обстоятельство может вызвать сомнение относительно того, имел ли Абов право на власть в Гюлистане и принадлежал ли он вообще к Мелик-Бегларянам. Однако фактами подтверждается, что в это время в Гюлистане был другой, по крайней мере номинальный, правитель – мелик Тамраз (реальная власть, как было отмечено, была поделена между меликами и военачальника-

ми). Неужели предания и здесь сообщают неправду? Неужели сказания об Абова так же недостоверны, как и многие другие истории о карабахских меликах? Дать однозначный ответ было бы крайне затруднительно, если бы ни один чудом сохранившийся источник – эпитафия, приводимая Е. Лалаяном: “Это могила Урумси, что была супругой мелика Абова. Год 1206 (1757). Может возникнуть вопрос: супругой какого именно Абова является упомянутая hУрумси(hРипсиме)? В XVIII веке в Гюлистане были два мелика Абова: упомянутый уже Абов II Хромой и его внук Абов III. На основе доступных нам исторических сведений можно с полной уверенностью заявить, что приведенная надпись Лалаяна переписана им с могильной плиты жены Абова II Хромого. Основанием такого заявления служит для нас следующее рассуждение: женой мелика Абова III была дочь мелика Арстама – владельца селения Барсум. На могиле этого Арстама начертана следующая надпись, приведенная Лалаяном: «В этой незабвенной могиле покоится мелик Арстам, из рода армянских Багратуни, владелец Барсума Гадзакского гавара. Родился 1722, умер 1794.

Оставим в стороне вопрос принадлежности Арстама к Багратидам. Для нас важнее в данном случае другое: тесть Абова III родился в 1722 году, в 1757 году ему было 35 лет, а это значит, что умершая в том же 1757 году hУрсуми – hРипсиме вряд ли могла быть его дочерью, а, следовательно, и женой Абова III. Таким образом, она была по крайней ме-

ре, женой его деда Абова II. Возможно, Рипсиме и есть та Хамар-Султан, которую Абов похитил у ее отца, гянджинского хана, при крещении названная в честь одной из самых почитаемых армянской церковью мучениц.

Итак, мы выяснили следующее: мелик Абов II в дошедших до нас исторических свидетельствах, относящихся к 20-м годам XVIII века, упоминается без титула “мелик”. Титул рядом с его именем появляется значительно позже на могиле его жены, пережившей, если верить преданиям, своего мужа почти на 30 лет (Абов, как сообщают предания, умер в 1721 году).

Возникает вопрос: почему же все-таки Абов, носивший, судя по всему, титул “мелик”, упомянут в указанных выше документах без него? На эту окутанную дымкой старины загадку, возможно, прольет свет следующий весьма любопытный документ. Это клятва карабахского мелика Абова на верность России, датированная 5 января 1800 года. Естественно, речь идет об Абове III. Оставим в стороне текст этой клятвы, о нем мы поговорим отдельно, рассказывая о жизни последнего из великой плеяды гюлистанских меликов – Абова Мелик-Бегларяне. Здесь же ограничимся лишь цитатой окончания этого документа, приведенного в 4 томе сборника “Армяно-русские отношения в XVIII веке” и стоявшего там под номером 367. После окончания собственно самого текста клятвы сделано примечание составителей сборника: “...далее другие чернила и другой почерк”. Другими черни-

лами и другим почерком, вероятно, почерком самого Абова III, записано следующее: “покаялся, согласно вышенаписанному, и остаюсь верным своей клятве до последнего издоха: Мелик Абов ди мелик Овсеп Абовян из гавара называемого Талиш, из села Гюлистан. [подпись] мелик Апов ди мелик Осеп Мелик-Тамразян”.

Примечателен латинский стиль, использованный Абовом III при написании своей фамилии. Обычно он подписывался Абов Мелик-О[в]сепян. Трудно объяснить, чем продиктовано появление этой чуждой армянскому языку формы. Однако это не столь уж важно. Главное в другом: мелик Овсеп был отцом Абова III. На этот счет остались многочисленные неоспоримые свидетельства того же Абова. Выражение “ди мелик Овсеп” в данном случае надо понимать именно как “сын мелика Овсепа”. Таким образом, Абов в одном и том же документе называет себя и сыном Овсепа Абовяна, и сыном Овсепа Мелик-Тамразяна. Выражение "Овсеп Абовян", равно как и "Овсеп Мелик-Тамразян", можно понимать в двух, значениях: 1) Овсеп, сын Абова (или мелика Тамраза) и 2) Овсеп из рода Абовян (или Мелик-Тамразян). Очевидно, что Овсеп не мог иметь две родовые фамилии, а также двух отцов, следовательно, одно из вышеприведенных выражений надо понимать в первом значении, другое – во втором. Иными словами, Овсеп был сыном Абова и из рода Мелик-Тамразян, или сыном мелика Тамраза и из рода Абовян.

Вышесказанное нас опять-таки приводит к двум выводам:

1. Абов был отцом Овсеп, а Тамраз – его пращуром (дедом, прадедом и т.д.).

2. Тамраз был отцом Овсеп, а Абов его пращуром (дедом, прадедом и т.д.).

Прежде чем рассуждать, какое из двух предположений верно, следует напомнить, что согласно преданиям Абов и Тамраз были братьями. Их родство никакими другими достоверными источниками, кроме вышеупомянутой клятвы Абова III, не подтверждается. Вместе с тем, на основе имеющихся источников можно с уверенностью сказать, что Абов и Тамраз были современниками. Абов и Тамраз, по всей вероятности, вопреки преданиям не были братьями, ибо в таком случае Овсеп не взял бы в качестве основы своей родовой фамилии имя дяди. Таким-образом получается следующее:

1. Абов и Тамраз были современниками.
2. Абов и Тамраз были родственниками.
3. Абов и Тамраз не были братьями.
4. Родство Абова и Тамраза велось по прямой мужской линии.

Из вышесказанного следует недвусмысленный вывод степени родства Абова и Тамраза: один из них был отцом другого.

Попытаемся теперь разобраться в вопросе: кто из них отец, а кто – сын. На первый взгляд, логичнее было бы решить, что Абов является для Тамраза отцом: как-никак пре-

дания отводят ему роль старшего сына мелика Беглара, да и умер Абов, судя по преданиям, значительно раньше Тамраза, что, со своей стороны, может показаться подтверждением старшинства Абова. Однако мы склонны утверждать, что на самом деле Тамраз был отцом Абова. Такая наша уверенность опирается на следующее соображение: как было уже сказано, мелик Тамраз носил свой титул еще в бытность Беглара меликом. Есть по крайней мере одно свидетельство этому. Известно, что Исахан носил титул мелика еще при жизни Беглара. Имя Абова (даже без титула и звания) не упоминается ни в одном из сохранившихся свидетельств первого двадцатилетия XVIII века. Это на первый взгляд весьма странное обстоятельство можно объяснить двумя причинами:

1. Вопреки выводам, к которым подталкивают предания, Абов в указанный период был несовершеннолетним и его влияние на жизнь края было минимальным.

2. Исчезновение (потеря, разрушение) свидетельств об Абове, относящихся к этому периоду.

Вторая причина представляется маловероятной, потому что даже учитывая те разорительные набеги опустошителей, которым в течение последующих десятилетий систематически подвергался край, трудно представить себе такое выборочное исчезновение свидетельств. Какие-то крупинки данных об Абове должны были сохраниться (если таковые вообще имелись).

Первое предположение кажется нам более вероятным. Именно малолетством Абова объясняется отсутствие упоминания его имени в исторических источниках начала XVIII века.

Итак, что же мы имеем?

1. Абова и Тамраза связывали отношения отца и сына, либо сына и отца.

2. Тамраз был старше Абова (напоминаем, что в 1716 году Тамраз был уже зрелой личностью, а Абов в этот период был, как мы выяснили, несовершеннолетним, или, по крайней мере, не достигшим зрелости молодым человеком).

Из вышесказанного следует однозначный вывод о том, что Абов, вопреки преданиям, был не старшим братом Тамраза, а его сыном. Вероятно, в преданиях закрепились не столь уж редко встречающаяся в них ошибка, и старший внук Беглара стал в них его старшим сыном.

В свете сделанного уточнения представляется объяснимым и факт упоминания Абова в корреспонденциях карабахской знати с Русским Двором без титула “мелик”. Причиной такого умолчания служит то, что сын Тамраза – Абов по-настоящему никогда не был меликом края. А упоминание Абова меликом на могиле жены скорее всего было данью перед его памятью. Заметим, что Абов имел право на меликскую власть в Гюлистане, и это право по наследству передавалось его сыну – Овсепу. Причиной не княжения Абова без сомнения служила ранняя его смерть.

Недостоверность сведения Раффи и Лалаяна кроется именно в упоминании Абова старшим сыном Беглара. Истинность утверждения Лалаяна относительно наличия у Беглара двух других сыновей – Тамраза и Исахана – не подвергается сомнению. Об Исахане мы говорили выше, показывая обоснованность причисления его к роду Мелик-Бегларянов и к сыновьям Беглара. О достоверности подобного же причисления Тамраза мы поговорим сейчас.

Так уж сложилось, что прояснение многих вопросов генеалогии Мелик-Бегларянов, становится возможным благодаря свидетельству более поздних представителей княжеской фамилии Гюлистана. Чуть выше мы показали, что родственная связь между меликом Тамразом и одним из выдающихся деятелей Карабаха второй половины XVIII века меликом Овсепом находит достоверное подтверждение благодаря тексту, подписанному Абовом III. Генеалогическая, потомственная связь между Тамразом и Бегларом также подтверждается свидетельством, оставленным этим прославленным меликом Гюлистана конца XVIII – начала XIX века. Так, под письмом, направленным карабахскими меликами в 1806 году известному московскому армянину Минасу Лазаряну, среди других стоит и подпись властителя Гюлистана Абова Мелик-Бегларяна.

В другом историческом документе, в приведенном Потто предписании Паскевича джрабердскому юзбаши Вани от 18 сентября 1826 года, один из сыновей Абова III – Манас

или Минас назван Минасом Мелик-Бегларовым. Заметим, что Мелик-Бегларяном и Мелик-Бегларовым в упомянутых свидетельствах названы потомки мелика Тамраза. Более очевидного доказательства, родственной связи между потомком Сев Абова Бегларом и Тамразом с его преемниками трудно сыскать. Родственная связь Тамраза и его потомков с Бегларом, как показывает фамилия Мелик-Бегларян, также была по прямой мужской линии. Вместе с тем, Тамраз и Беглар были современниками. Сопоставляя эти два обстоятельства, нетрудно прийти к выводу, что Беглар был отцом мелика Тамраза. Таким образом, получается, что достоверными источниками подтверждается наличие у мелика Беглара двух сыновей – мелика Тамраза и мелика Исахана.

Говоря о происхождении Мелик-Бегларянов, мы упоминали высказывание К. Каграманяна о том, что на самом деле род Сев Абова и его потомка Беглара не имеет никакого отношения к Мелик-Бегларянам. Относительно возникновения родовой фамилии властителей Гюлистана Каграманян в другом месте своего труда рассматривает следующее предположение: часть последующих поколений по его имени (по имени сына мелика Овсепа – Беглара, прозванного исследователями Бегларом II в отличие от Беглара I, отца Тамраза. – авт.) прозвались Мелик-Бегларян. С этим прославленным родом Мелик-Бегларин не следует путать обосновавшегося близ Орека мелика Беглара, который имел очень скромное положение”.

Вышеприведенные свидетельства, на наш взгляд, не оставляют никаких сомнений относительно причастности умершего в 1720 году Беглара к роду Мелик-Бегларян. Безусловно, имя этого Беглара и стало основой родовой фамилии властителей Гюлистана. Повторяем, именно по имени Беглара I, а не Беглара II гюлистанские мелики стали называться Мелик-Бегларянами. Ибо помимо потомков Беглара II, как явствуют те же свидетельства, фамилией Мелик-Бегларян пользовались его брат и племянник. И, как пишут Г.А. Акопян и В.К. Осипов: “Вряд ли мелик Абов и его сын назвались бы Мелик-Бегларянами по имени своего брата (для первого) и дяди (для второго)”.

Подводя итоги, отметим основные моменты: сравнение исторических свидетельств с народными преданиями выявило нижеследующие несоответствия последних с историческими фактами:

1. Мелик Беглар не имел сына по имени Абов.
2. Названный в преданиях сыном мелика Беглара Абов II Хромой на самом деле был сыном мелика Тамраза.
3. Мелик Тамраз был старшим сыном Беглара.
4. Приход Тамраза к власти не являлся случайным стечением обстоятельств, а был подкреплён его наследственным правом.
5. Тамраз пришёл к власти значительно раньше 1728 года.
6. В 1720-х годах вопреки народным преданиям Абов II не был ни полноправным, ни даже номинальным владельцем

края, ибо в указанный период жил и здравствовал его отец – мелик Тамраз.

Сопоставление исторических фактов с преданиями о представителе следующего поколения гюлистанских властителей – мелике Овсепе, выявляет еще более любопытные несуразности, содержащиеся в народных сказаниях.

Как мы уже упоминали, предания рисуют весьма драматические отношения между меликом Тамразом и меликом Овсепом. В них Овсеп выступает в роли гонимого, олицетворяя собой добро. Тамразу же предписана роль гонителя Овсепе, вершителя зла. Эту часть преданий вообще можно рассматривать как отдельное произведение устного народного творчества, по своему сюжету и композиции весьма подходящее на сказку с обязательным финалом, присущим данному жанру, – востожествованием добра над злом.

Согласно преданиям, забрав в свои руки после смерти своего брата Абова власть последнего, Тамраз изолировал законного наследника Овсепе с матерью в Гюлистанской крепости (“Юный Овсеп жил в Гюлистанской крепости со своей матерью в незавидном положении”).

Внимательное прочтение данного эпизода выявляет его необоснованность. Представим себе ситуацию: конец 20-х годов XVIII столетия, Карабах со всех сторон окружен воинственно настроенными элементами. По трактату 1724 года между Россией и Турцией вся Восточная Армения объявлена наследством Турции. Народ и предводители Караба-

ха не признают такое положение вещей и героически защищают свое добытое в тяжелейшей борьбе самовластие. Маленький армянский Карабах – как кость в горле турецкой тирании, стремящейся ограничить влияние России на Прикаспии. (Поразительно сходство политических реалий того периода и наших времен.) В этой, далеко непростой, ситуации любой правитель должен позаботиться об укреплении вверенной ему территории и прежде всего своей ставки, или резиденции. Более неприступного места, чем Гюлистанская крепость в Северном Карабахе, трудно сыскать. И вот вместо того, чтобы поселиться в ней, Тамраз выбирает себе в качестве резиденции меликский дворец близ монастыря Орек, который по эстетическим характеристикам безусловно превосходит Гюлистанскую крепость, однако в оборонительном, тактическом значении не идет ни в какое сравнение с ней. Политические реалии тех лет выдвигали на первый план именно такую характеристику княжеской резиденции (читай – столицы княжества), как неприступность. Во время войны – не только замолкают музы, но и отходят на дальний план эстетические стремления людей. Первичным становится инстинкт самосохранения. Посему представляется маловероятным, что Тамраз предпочел Гюлистанской крепости дворец близ Орека. Разумеется, это относится к периоду освободительной борьбы. До ее начала и после ее окончания Тамраз жил в этом дворце. (Кстати, в этой связи возрастает вероятность того, что надпись на арке дворца, где упомина-

ется мелик Тамраз, была сделана в 1701 году (по Лалаяну), а не в 1727, как утверждает Раффи.)

Описываемые в сказаниях гонения, которым подвергся Овсеп со стороны Тамраза, на наш взгляд, не могли иметь место, так как первопричина этих гонений по преданиям – стремление Тамраза упрочить свою власть путем если не ликвидации, то хотя бы изоляции законного наследника – Овсепя, является плодом народного воображения и не соответствует исторической реальности. Как мы уже говорили, Овсеп был внуком Тамраза и мог претендовать на власть лишь после смерти своего деда. Следовательно, Тамразу незачем было изолировать или подвергать изгнанию Овсепя, чтобы узаконить свою власть. Она и так была законной, полученной им по наследству от своего отца – мелика Беглара.

О несоответствии с исторической действительностью описываемых преданиями событий, связанных с взаимоотношениями Овсепя и Тамраза, помимо достоверных исторических фактов свидетельствуют, как это ни парадоксально, сами эти предания, вернее, то обильное количество несостыковок, противоречий, анахронизмов, которые в них содержатся. О нелогичности изоляции Овсепя в Гюлистанской крепости Тамразом мы уже говорили. Однако это противоречие с логикой и здравым смыслом ничто по сравнению с другими содержащимися в преданиях противоречиями. Чего, например, стоит анахронизм, “просочившийся” в записанный

Раффи вариант народных преданий, который подметил еще Е. Лалаян.

Согласно Раффи, в первые годы после смерти Абова в Карабах приехал сборщик дани шаха Султана Хусейна Мирза Тахир. Мелик Тамраз не только не воспрепятствовал сбору дани со своего народа, но напротив, очень дружелюбно принял персидского представителя и, желая понравиться ему, приказал увеличить размер дани, выплачиваемой его подданными. Но этого еще недостаточно: вознамерившись преподнести персидскому сборщику достойный подарок, Тамраз рассказывает ему о знаменитом ружье своего брата Абова II, которое находится у его сына Овсеп. Заинтересовавшийся реликвией Мирза Тахир вызывает к себе Овсеп и отбирает у него ружье отца. Когда об этом инциденте Овсеп рассказывает своей матери, та ругает сына, назвав его недостойным сыном храброго отца. Услышав эти слова матери, Овсеп клянется возратить потерянное ружье отца и, собрав своих сторонников, устраивает засаду в одном из ущелий Тартара, истребляет свиту Мирза Тахира и, убив его самого, не только возвращает оружие отца, но и становится обладателем несметных богатств, собранных во всех провинциях. По словам Раффи, события эти имели место незадолго до низложения с трона шаха Султана-Хусейна.

Лалаян, рассказывая эту историю, обращает внимание на то, что в ней есть хронологическая ошибка: «ибо отец мелика Овсеп – мелик Абов II умер в 1728 году, когда шах Сул-

тан Хусейн был уже мертв (1722)” Лалаян отмечает также еще одну неточность в предании: “Действительно, Мирза Тахир приезжал в Карабах и Гяндзак за собираиим дани, однако было это в 1720 году, как указывает католикос Есаи”. Из выявленных неточностей Лалаян заключает, что упомянутый в преданиях сборщик дани был не Мирза Тахир и направлен он был в Гюлистан не персами, а турками. На наш взгляд, это утверждение Лалаяна не совсем правомерно, ибо, как мы знаем, хотя с 1724 года Карабах де-юре принадлежал османцам, однако к ним “совершенного подданства не показывал”. В конце 1720-х годов ни одно государство не могло требовать дани от независимого армянского Карабаха. Для этого сначала необходимо было усмирить и подчинить себе его непокорный народ. Однако, ни Османская империя, ни разлагавшаяся Персия не в состоянии были добиться этого. Посему нам кажется, что описываемая в преданиях стычка между персидскими сборщиками дани и гюлистанцами если и имела место, то в начале XVIII века. Мелик Овсеп, разумеется, к этой стычке не мог иметь никакого отношения. Как видим, противостояние Овсепа и Тамраза, в данном эпизоде преданий, не имеет под собой никаких реальных оснований.

Неподкрепленностью фактами страдает и завершающая часть преданий об Овсепе и Тамразе. В развязке этой своеобразной сказки на историческую тему описан акт мести Овсепа и восстановление поправленной справедливости. Овсеп, судя по преданиям, став владельцем огромных богатств (в ре-

зультате нападения на сборщиков дани), постепенно усилил свое положение и вознамерился не только отнять власть у Тамраза, но и отомстить своему безжалостному попечителю за те лишения, которым он подвергся, будучи малолетним и неопытным. Объединившись с джрабердским Меликом Атамом, отношения которого с Тамразом были недружественными, молодой Овсеп напал на замок Тамраза. После нескольких дней тяжелейших боев замок был взят, а Тамраз попал в плен. По воле победителя Тамраз был повешен, после чего Овсеп стал полноправным, единоличным правителем Гюлистана. Последнее утверждение (приход Овсеп к власти после смерти Тамраза), пожалуй, единственно достоверное сведение, содержащееся в этой части предания. Чуть ниже мы увидим, что история казни Тамраза, подобно многим другим историям о гюлистанских меликах, является вымыслом, плодом народного воображения. Установить это мы сможем уже знакомым нам методом сличения преданий с историческими фактами. Но прежде, в качестве введения, поговорим об исторических реалиях 30-50-х годов XVIII века. Необходимость очередного нашего отступления продиктована невозможностью рассказывать о людях прошлого, будь то правитель или простолюдин, абстрагируясь от эпохи, в которой они жили. Как вы помните, предыдущее наше историческое обозрение было посвящено освободительной борьбе карабахского армянства 1720-х годов. Мы увидели, как их предводители, разочаровавшись в стремлениях

найти покровителей, вынуждены были опираться на свои силы и средства для отстаивания героически завоеванной свободы. То, что свершило карабахское армянство в тот период, не могло не вызвать изумления, восхищения у одних и ненависти и ярости у других. Однако сколь бы значительны ни были достижения вожаков, стало очевидно, что одной лишь храбрости для противостояния турецкой тирании явно недостаточно. Помимо военной силы, которая, несмотря на все потери и отступления, была еще у карабахцев довольно ощутимой, для достижения окончательной победы, а следовательно, мира и спокойствия, нужен был еще один компонент, о существовании которого горские предводители несколько лет назад, возможно, и не подозревали. Имя этому компоненту – дипломатия. Пора было, наконец, осознать, что подоплекой ориентации на ту или иную державу может и должен служить только политический интерес. В начале 30-х годов этот самый интерес диктовал карабахцам призвать в союзники или в покровители вчерашнего врага – Персию. К счастью для Карабаха, данный интерес был обоюдным. Политические стремления правителей Персии отчасти совпадали со стремлениями армянских меликов. Иран к этому времени переживал один из бурных этапов своей истории. Появился человек, которому была уготована честь восстановителя могущества и величия Персии. Речь идет о Надир-Кули-Хане, ставшем впоследствии одним из величайших правителей Востока – Надир-шахом.

Жизнь этого человека поражает своими метаморфозами. Будучи бедным, незнатным торговцем дровами, он, благодаря лишь силе своего оружия и неудержимой храбрости, смог буквально в течение каких-то десяти лет прибрать к рукам пошатнувшийся трон Ирана, заставив уважать и бояться себя не только разношерстное население Персии, но и соседних Россию и Турцию. За удивительно короткое время Надиру удалось не только усмирить взбунтовавшихся афганцев и горцев Дагестана, но и отобрать у русских и османцев все земли, потерянные жалкими правителями Персии. В процессе объединения Персии зоркий глаз и хищный ум Надира не могли не заметить те преимущества, которые сулила ему дружба с армянскими князьями, ибо последние были злейшими врагами его врага – Османской Турции. Не использовать это обстоятельство было бы по меньшей мере глупо и недальновидно. Для завоевания симпатии армян Надир, как пишет Б. Улубабян, “сделал такие уступки, от которых были в восторге армяне, изумлены единоверные подчиненные шаха”. Наиболее значительные уступки были сделаны Надиром карабахским меликам, что неудивительно, учитывая тот status quo, сложившийся в Карабахе до и во время возникновения могущества Надир-Кули-Хана. Как известно, карабахское меликство в период освободительных войн 20-х годов представляли собой единое целое. Надир своими распоряжениями утвердил такое положение вещей, назначив ди-закского мелика Егана верховным правителем (бегларбегом)

над другими меликами Карабаха.

Рожденное карабахским воинством в тяжелейших муках и узаконенное Надир-шахом федеративное объединение карабахских меликств явило собой по сути независимое государство во главе со своим правителем, великим меликом Дизака Еганом, имевшее своего сюзерена – могущественного и ужасающего шаха Надира. О том, сколь привилегированное положение занимали армянские духовные и светские правители в государственной иерархии времен Надира, свидетельствует такой факт. При коронации Надира в 1736 году в Муганской равнине Католикос Всех Армян Абрам Кретацци благословил меч новоявленного шаха Ирана и собственноручно прикрепил ножны к его поясу. Такое почтительное отношение к верховному пастырю армян в магометанском Иране свидетельствовало о том высоком внимании, которым Надир окружал, разумеется не бескорыстно, выразителей политических стремлений армянского народа. Не остались обделенными вниманием шаха и светские правители. Как было уже отмечено ранее, в том же году мелик Джраберда Аллах-Кули получил титул “султан”, а мелик Еган – титул хана.

Последующее десятилетие после воцарения Надира стало периодом расцвета не только для Персии, но и для федеративного армянского государства Карабаха, находящегося в сфере ее покровительства и влияния. Государство это, как известно, носило название “Меликства Хамсы” и включало в себя следующие пять карабахских меликств: Гюли-

стан, Джраберд, Хачен, Варанда, Дизак. К сожалению, жизнь меликств Хамсы была недолговечной. Закат сороковых годов XVIII века стал началом конца независимого Карабаха.

Федерация карабахских меликств не смогла избежать ставшую уже традиционной для армянской государственности болезнь, не раз являвшуюся могильщиком политической независимости народа. В самые судьбоносные, самые ответственные исторические моменты, как будто по злему предначертанию, среди армянских правителей появлялся тот, кто ставил свое личное благополучие, личную безопасность, неумные амбиции выше национальных интересов, принося в жертву своим стремлениям самое величественное и святое – благополучие родной страны. В XVIII веке этот неискоренимый вирус поразил Карабах, изничтожив его незыблемое, несокрушимое единство.

Началось все в селении Аветараноц Варанды, вотчине Мелик-Шахназарянов. В 1736 году на смену умершему прославленному мелику Варанды Усейну пришел, как того и требовали традиции, его старший сын – Овсеп. Предания называют его образованным, мудрым, но вместе с тем слабохарактерным и мягкосердечным человеком. В нем, по всей видимости, не было той удачи и храбрости, которыми обладали его предки, прославившие благими деяниями свой род и племя. Другой сын Усейна – Шахназар, напротив, обладал воинственным духом и непоколебимой решительностью, сочетавшимися с тщеславием. Решив, что власть отца долж-

на принадлежать не тому, кто имеет на нее право, а тому, кто храбрее и сильнее, Шахназар имел дерзость надругаться над веками сложившимися устоями. Убив брата и уничтожив почти все его семейство, он объявил себя правителем Варанды. Это доселе невиданное злодеяние не могло оставить правителей четырех других меликств равнодушными. И дело не только в том, что братоубийство воспринималось ими как тяжкий, непростительный грех, и даже не в том, что убитый мелик Овсеп был зятем влиятельных Асан-Джалалянов. Все оказалось гораздо сложнее и философичнее... В Карабахе было поругано наследственное право, то самое право, которое свято чтилось в течение долгих столетий всеми поколениями арцахских правителей. Шахназар растоптал справедливость, и это святотатство не могло остаться безнаказанным гордыми, презиращими лукавство правителями горного края. Как и следовало ожидать, владыки Гюлистана, Джраберда, Хачена и Дизака ополчились против варандского злодея, а тот, закрывшись в крепости Аветараноц, принялся защищать себя и своих приближенных. Объединенные меликские силы осадили Аветараноц, однако, не добившись сдачи крепости, ближе к зиме, предварительно разрушив окрестные селения, вернулись в свои вотчины с намерением готовиться к новому, большому весеннему походу, который должен был не оставить камня на камне от твердыни Шахназара.

В историографии почему-то не уточняется к какому

именно году относятся эти события. Точную дату назвать было бы затруднительно, однако на основе имеющихся данных можно предположить, что вышеназванное имело место не ранее 1745 года. К такому выводу нас побуждает то обстоятельство, что среди меликов, осаждавших Аветараноц, был и дизакский мелик Есаи, который, как известно, пришел к власти после смерти своего отца – мелика Егана в 1744 году и брата Арама в 1745. Кстати, гюлистанским войском в походе на Аветараноц предводительствовал мелик Овсеп. Однако это не означает, что в указанное время Тамраз был уже мертв. В этом мы сможем убедиться чуть ниже, а пока продолжим наше историческое обозрение.

Междоусобные войны арцахских меликов могли бы закончиться вполне благополучно и не иметь катастрофических последствий, если бы не крутой скачок исторического процесса. Как известно, в 1747 году умер шах Надир. Как это не раз бывало в истории, после смерти сильного, могущественного повелителя власть была унаследована недалекоими, жалкими преемниками, и страна впала в хаос и безвременье. В различных частях некогда могучего Ирана вчерашние наместники объявили себя верховными властителями. Неразбериха и безвластие в Иране оказали самое непосредственное влияние на политическую судьбу карабахских меликств. В равнинный Карабах вернулось кочевое полудикое племя сарыджалу, которое вместе с их родственными племенами было когда-то изгнано Надиром в глубины Персии.

Предводитель этого племени – Панах, служивший некогда, по народным армянским преданиям, у джрабердского Аллаха-Кули-Султана и тем самым спасший себя от преследований персидского правительства, сплотив вокруг себя довольно внушительный по количеству сброд из соплеменников и представителей других родственных племен, стал подумывать об оседлой жизни. Именно с этой целью он соорудил крепость в местности Баят, что в прибрежных равнинах Куры. Однако крепость эта простояла недолго. По утверждению Раффи, ее разрушили гюлистанский мелик Овсеп, джрабердский Аллах-Кули и шакинский хан Аджи-Челеби. По сведениям Лео, Аджи-Челеби вместе с меликами Хамсы действительно осаждал Баят, однако разрушить ее ему не удалось. По высказыванию Улубабяна, первая крепость Панаха пала в результате нападения “разношерстных кочевников”. "Словарь топонимов" в лучших традициях советской историографии называет разрушение крепости результатом “межфеодальных войн”.

Так или иначе, очевидно, что первая, попытка перехода на оседлую жизнь Панаха и его племени завершилась неудачно. Однако это никоим образом не смутило полудикого предводителя племени сарыджалу, сумевшего известными только ему одному ухищрениями получить титул хана от племянника Надира Адил-шаха. Следующий шаг новоявленного хана был куда более дерзким и претенциозным, нежели сооружение крепости Баят. В непосредственной близости к стране

Хамсы, буквально на границе Хаченского меликства, на руинах старинного армянского города Тигранакерт он воздвиг еще одну крепость. Appetit приходит во время еды: разбойник, получивший ханский титул и сумевший посеять страх в равнинном Карабахе, покусился горной частью Арцаха. Опасность, исходящую от Панаха, осознали армянские мелики. Гюлистанский мелик Овсеп, джрабердский Аллах-Кули Султан и хаченский мелик Алахверди hАсан-Джалалян напав объединенными силами на крепость Панаха, сровняли ее с землей и вернули самого Панаха к привычной для него жизни кочевника.

Дальнейшие события были столь продолжительны, неестественны и трагичны, что рассказать о них беспристрастно невозможно.

Осужденный и отвергнутый за свое святотатство мелик Шахназар, ожидавший своей участи, закрывшись в Аветараноче, призвал в союзники Панаха, сделавшись безропотным его приспешником и подарив ему в дальнейшем свою крепость Шуши (Шоши). Панах при содействии Шахназара еще более укрепил Шуши, сделал ее неприступной и обосновался там. Вот как высказывается о значении и последствиях этого факта Баграт Улубабян: “Итак, турок-сарыджалу Панах обосновался в крепости Шоши. Это был первый неармянин, который устроился жить в стране Арцах.

Этим уже давала трещину тысячелетняя нетронутая армянская среда Арцаха, вбирая в себя чужеродно-вражеское

тело, которое должно было стать страшным бедствием не только для меликства, но и для судьбы коренного армянства края”.

Союз Шахназара с Панахом превратил четырех других меликов из поборников справедливости в гонимых, ибо закрепившийся в шушинской крепости дикарь не только помог Шахназару спасти голову, но и вскоре получил шанс превратить в жизнь свою давнишнюю мечту – завладеть горной частью Арцаха.

Дальнейшая история карабахских меликств и его правящих домов, в особенности правящего дома Гюлистана – это история борьбы карабахского армянства с вторгнувшимся в Карабах при пособничестве предателя Шахназара и возмнившего себя в дальнейшем хозяином горного края Панахом и его преемниками. Борьба эта имела катастрофические последствия для армянского народа Карабаха. Вместе с тем, она родила, великое множество героев храбрецов. Об этом мы поговорим в ходе дальнейшего изучения родового древа Мелик-Бегларянов, ибо едва ли не каждый представитель этого славного рода вписал свою неповторимую героическую страницу в историю борьбы с интервенцией. А пока закончим историю взаимоотношении Овсепа и Тамраза, опираясь, в том числе, и на приведенные выше сведения.

Если вы помните, ранее мы высказывали предположение, согласно которому описанная в преданиях казнь Тамраза скорее всего является плодом сочинительства. Для разъясне-

ния нашей мысли позволим себе привести некоторые факты из жизни Тамраза и Овсепя, относящиеся ко времени прихода последнего к власти.

Итак, по утверждению Раффи, мелик Овсеп в числе других объединенных союзническими обязательствами меликов осаждал Аветараноц. Как мы уже выяснили, события эти имели место не ранее 1745 года. Верхний предел даты осады установить также не очень трудно. Война дружественных меликов с Шахназаром вспыхнула до появления Панаха в Карабахе и, следовательно, до перестройки и укрепления им Шуши, начавшихся в 1750 году. Факт участия Овсепя в осаде Аветараноца никем из последующих исследователей не оспаривается. По утверждению Раффи, Овсеп принял участие и в разрушении второй крепости Панаха на месте Тигранакерта. Этот факт, помимо Лалаяна, никем из исследователей не подтверждается (имеется в виду участие Овсепя в этих событиях). В случае, если даже второе утверждение Раффи не соответствует действительности, то одного лишь участия Овсепя в осаде Аветараноца достаточно, чтобы заключить:

Во-первых, Овсеп пользовался неограниченными полномочиями правителя в Гюлистане до 1750 года; во-вторых, ни о какой борьбе за власть в Гюлистане в период с 1745 по 1750 год не может быть и речи, ибо ни один правитель, даже самый бездарный, не поведет свое войско в поход далеко за пределы своей вотчины не будучи уверенным, что в

его отсутствие никто не осмелится покуситься на его права и положение. Отношения между Овсепом и Тамразом, описанные в преданиях, соответствуй они правде, не могли внушить Овсепу подобной уверенности. Иными словами, борьба между Тамразом и Овсепом либо вообще не имела места, либо завершилась победой Овсепса (а следовательно, и казнью Тамраза) до святотатства Шахназара и появления в равнинном Карабахе Панаха. Второй вывод противоречит сохранившимся историческим сведениям, ибо Лалаян, правда, без указания источников, считает датой смерти Тамраза год 1750. Утверждение Лалаяна, несмотря на отсутствие источника, вполне принимаемо, ибо Лео со ссылкой на Brosset приводит сведение, согласно которому Тамраз в 1750 году был жив и вместе с гандзасарским католикосом присоединился к грузинским царям Теймуразу и Ираклию при походе последних на осадившего Гандзак Панаха.

Вышесказанное заставляет нас не сомневаться в том, что никакой борьбы за власть между Тамразом и Овсепом не было. Меликскую власть Овсеп в полной мере унаследовал после смерти своего деда – мелика Тамраза. Нет никаких оснований для утверждения, что смерть Тамраза была насильственной, нет также оснований подозревать Овсепса в дедоубийстве.

Может возникнуть вопрос: как могло так случиться, что еще при жизни Тамраза Овсеп предводительствовал гюлистанским войском в судьбоносных для края походах? Ответ-

тить на него будет несложно, если учесть весьма почтенный возраст Тамраза и наследственное право Овсепа на меликскую власть в Гюлистане.

Критически рассматривая народные предания, указывая на те недостатки и неточности, которыми они насыщены, мы, разумеется, далеки от мысли полностью отрицать их историческое значение. Мы осознаем, что любой эпизод этих преданий так или иначе основан на реальных событиях. Вопрос в том, насколько видоизменились сказания в процессе передачи из уст в уста, насколько отдалился письменный вариант от первоначального устного. С помощью метода сопоставления мы попытались восстановить, насколько это возможно, именно первоначальное содержание этих историй, отбрасывая все зрелищное и легендарное. Борьба Овсепа за власть, как нам кажется, вполне могла иметь место. Однако, смерть Тамраза была не завершением этой борьбы, а лишь ее началом. Иными словами, по нашему мнению, Овсеп боролся не с Тамразом, а с людьми, претендовавшими на его власть. В первую очередь это касается сыновей Тамраза. Мы убеждены, что отголоски именно этой борьбы легли в основу преданий о противостоянии Овсепу и Тамразу. Картина происходящих событий, возможно, имела следующие очертания. Тамраз – всеми признанный правитель Гюлистана, Старший сын его, Абов, который по традиции должен был бы унаследовать власть отца, умер рано, оставив малолетнего сына Овсепу, который под покровительством деда вырос, окреп и

приобрел славу храброго воина. Очевидно, что Тамраз готовит его в свои преемники. Но помимо этого у Тамраза есть двое или более сыновей, которые, как им кажется, имеют больше прав на власть, нежели Овсеп. Между сыновьями Тамраза и Овсепом зреет конфликт, который разрастается в протитоборство после смерти мелика. Разумеется, вышесказанное всего лишь версия, однако, на наш взгляд, заслуживающая внимания.

В целях максимально полного освещения генеологии рода Мелик-Бегларянов имеет смысл поговорить обо всех сыновьях мелика Тамраза.

Как известно, народные предания не называют отца мелика Овсеп – Абова сыном Тамраза. Эту, по нашему мнению, неоспоримую данность мы установили благодаря известному документу, составленному на рубеже XVIII и XIX веков.

Исследователи оставили противоречивые сведения относительно сыновей Тамраза. Раффи, например, писал: “После мелика Тамраза остался единственный сын по имени Сарухан-бек, который был одним из четырех храбрых командиров армянских отрядов 1723 года”. Остается непонятным, о каких отрядах говорит Раффи. Известно, что армянским войском, выехавшим на встречу с Петром Великим, предводительствовали четыре молодых юзбаши, один из которых был Сарухан. Однако произошло это в 1722 году. Вероятно, Раффи перепутал даты, либо допустил оплошность. Источниками подтверждается наличие у Тамраза сына по имени

Сарухан. Макар Бархударян приводит надпись, переписанную им со стены церкви близ Геташена. В этой не до конца поддающейся осмыслению надписи среди прочих личностей упоминается некий “Яври – брат сына мелика Тамраза Сарухана”. Такая затейливая, витиеватая формулировка не оставляет сомнений относительно родственных связей Тамраза и Сарухана. Однако остается не совсем понятным, кем приходится брат Сарухана Яври мелику Тамразу.

О сыновьях мелика Тамраза высказывался и Е. Лалаян: “Мелик Тамраз оставляет двух сыновей Даниэла, который, хотя и носил титул мелика, однако не меликствовал, и Сарухан-бека, который был одним из четырех храбрых командиров армянских отрядов 1723 года”.

Повторение буквально слово в слово высказывания Раффи о Сарухане не оставляет сомнений в том, из какого именно, источника Лалаян почерпнул это сведение. Мы не беремся рассуждать насколько соответствует истине первая часть приведенной нами цитаты, а просто принимаем ее, доверившись Лалаяну, не раз показавшему способности пытливого и критичного исследователя.

Таким образом, если попытаться обобщить вышесказанное, можно отметить, что Тамраз оставил по крайней мере, трех сыновей: Абова, Сарухана и Даниэла.

Среди собранного Макаром Бархударяном обширного исторического и источниковедческого материала находится одно прелюбопытнейшее сведение, способное внести допол-

нительную ясность в генеалогию гюлистанских властителей. Это, насколько нам известно, никем из исследователей не подмеченное сведение представляет собой эпитафию, переписанную Бархударяном с одной из могил у западной стены гюлистанского храма Сурб Аствацин (Святая Богородица). Вот эта эпитафия в переводе на русский язык: “Это могила Ованеса, который был сыном Осеп-бека и внуком мелика Степана. 1284 (1835).

Приведя эту надпись, Бархударян отмечает, что упомянутый мелик Степан не из рода Мелик-Бегларянов. В качестве подтверждения своего высказывания ученый использует следующий довод: титул “мелик” носил только Степан, ни его сын, ни внук этот титул не носили. Титул “мелик” умер со Степаном и не передавался по наследству его потомкам. Согласитесь, более-чем странный довод. При желании можно привести десятки примеров, когда представители того или иного княжеского рода не носили титул мелика. Однако это вовсе не повод, чтобы отрицать их принадлежность к тому или иному меликскому роду. Как известно, титул “мелик” за редким исключением носили только полноправные власти-тели, остальные же представители рода именовались беками. Сын мелика Степана Осеп или Овсеп, как видно из эпитафии, носил титул бека, что само по себе является доказательством передачи каких-то наследственных прав от отца к сыну. Упоминание внука мелика Степана без какого-либо титула, вероятно, могло явиться следствием его недолгой зем-

ной жизни. Доступные нам надписи дают основание заключить, что рано ушедшие из жизни представители княжеской фамилии могли упоминаться без титула и звания. Вот один из таких примеров: “Здесь покоится //сын Беглар Бега Мелик-Бегларяна юный Фридон. Родился 1 апреля 1856 года// Умер 20 марта 1878 года”.

Как видим, отсутствие титула “мелик” рядом с именами потомков мелика Степана легко объяснимо и не может являться основанием для столь категоричного отрицания принадлежности Степана к роду Мелик-Бегларянов.

Еще более странным представляется продолжение примечания Бархударяна к приводимой им эпитафии. “Но, как мне кажется, похороненный будет из рода Мелик-Степанянов Великого Сюника”. Сюникские Мелик-Степаняны были боковой ветвью Мелик-Парсаданянов. Непонятно, как потомок одного из их представителя мог оказаться похороненным в Гюлистане. Разумеется, возможность этого нельзя отрицать, но в этом случае, как нам кажется, эпитафия внука мелика Степана должна была бы заключать в себе информацию о том, к какому роду принадлежит похороненный у стен гюлистанского храма Ованес. Отсутствие упоминания его рода само по себе является доказательством его принадлежности к Мелик-Бегларянам, ибо трудно себе представить, чтобы в Гюлистане, в родовой вотчине Мелик-Бегларянов был похоронен потомок какой-либо другой меликской фамилии без упоминания в его эпитафии названия его ро-

дового удела. Отсутствие этого упоминания, безусловно, было бы расценено хозяевами Гюлистана – Мелик-Бегларянами как претензии на их права и позиции и не могло быть допустимым. Двор гюлистанского храма Святой Богородицы, как известно, стал в XIX веке своего рода некрополем рода Мелик-Бегларянов. Кстати, процитированная нами эпитафия Фридона вместе с еще несколькими эпитафиями была переписана К. Каграманяном с могил у северной стены этого храма.

Итак, как нам кажется, вопрос относительно принадлежности или непринадлежности мелика Степана к Мелик-Бегларянам исчерпан. Осталось попытаться выяснить чьим конкретно потомком, он являлся и от кого унаследовал свой титул. Вопрос этот осложнен тем, что кроме указанной эпитафии других источников, содержащих сведения о мелике Степане, практически нет. Нам не известен даже примерный год его рождения, чтобы попытаться, исходя из этой информации, назвать предполагаемого его предка. Любая попытка назвать хотя бы приблизительный год его рождения по понятным причинам должна допускать погрешность в один-два, а то и в три десятка лет. Так, если предположить, что похороненный Ованес, умерший в отрочестве, был старшим внуком Степана и сыном его старшего сына Овсеп-бека, а также допустить, что Степан был старше своего внука хотя бы на 50-60 лет, то в этом случае дату рождения Степана надо искать где-то между 1750-1760 годами. Повторяем,

это в случае, если оттолкнуться от вышеназванных предположений. Однако возможен и второй вариант, а именно: покойный Ованес был самым младшим внуком Степана и сыном его младшего сына, а разница между возрастом деда и внука была не 50-60, а, скажем, 70-80 лет. В этом случае год рождения Степана лежит между 1730-1740 годами.

Отталкиваясь от всего вышесказанного, можно попытаться уточнить, кто был отцом Степана. Так, очевидно, что ближайшими пращурами Степана были либо мелик Тамраз, либо его брат Исахан. Маловероятно, чтобы Степан был сыном одного из них (в 1730-1740 годах они оба были в весьма почтенном возрасте, а в начале 1750-х ушли из жизни). Следовательно, Степан мог быть либо внуком, либо правнуком Тамраза или Исахана.

Очевидно также, что, несмотря на титул, Степан никогда не мелкствовал в Гюлистане, ибо достоверно известны имена правителей Гюлистана начиная с 1750 года, и среди них нет мелика по имени Степан. Это обстоятельство подталкивает нас к следующим выводам относительно происхождения титула “мелик” Степана.

1. Степан был сыном одного из меликов Гюлистана второй половины XVIII века и носил титул мелика точно так же, как его носил когда-то мелик Исахан.

2. Степан унаследовал этот титул от своего отца, либо деда, также номинально его носивших.

Первое предположение можно отбросить сразу же, ибо до-

кументально подтверждается, что ни мелик Овсеп, ни сменившие его сыновья Беглар и Абов, ни тем более внук Овсеп-мелик Фридон не имели сына по имени Степан. Что касается второй версии, то, как нам кажется, она вполне имеет право на жизнь. Вспомним, по утверждению Лалаяна один из сыновей Тамраза Даниэл номинально носил титул мелика. Как мы уже отмечали, после смерти Тамраза между его сыновьями и Овсепом развязалась борьба за власть, завершившаяся победой Овсеп-мелика. Не правомерно ли будет предположить, что упомянутый мелик Даниэл был как раз тем самым противником Овсеп-мелика, намеревавшимся занять место своего отца после его смерти? Проиграв в борьбе с Овсепом и уступив ему власть, Даниэл и его потомки могли сохранить за собой титул мелика в знак несогласия с тем status quo, который установил Овсеп силой своего оружия. Иными словами, учредить, выражаясь сегодняшним языком, нечто вроде “правительства в изгнании” или, точнее, “теневого кабинета”. Титул мелика в таком случае передавался бы потомкам Даниэла по наследству, согласно укоренившейся традиции: от старшего сына к старшему внуку и т.д.

Мелик Степан, как мы выяснили, мог быть внуком или правнуком Тамраза или Исахана. Учитывая предыдущее рассуждение, можно отметить, что Степан, вероятнее всего, был внуком или сыном мелика Даниэла.

Столь долгое акцентирование нашего внимания на мелике Степане вызвано тем, что сравнительно недавно наши ста-

рания по собиранию возможно сохранившихся частиц народных преданий у здравствующих стариков Гюлистанского края дали, как нам кажется, неожиданный результат, о котором речь пойдет в заключительной части данной работы.

Мелик Овсеп.

Как видно из предыдущих страниц, приход к власти этого славного потомка Мелик-Бегларянов совпал по времени с началом тяжелейших катастрофических события, выпавших на долю карабахского армянства. Овсепу досталось простое наследство. Нависшая над горным краем угроза разрасталась с каждым днем. Закрепившийся в Шушинской крепости племенной вождь, словно злокачественная опухоль, пожирал окружавшие его здоровые армянские клетки-меликства. Мелики не смогли вовремя организовать единый фронт в борьбе с наглым агрессором. Владелец каждого меликства оказался перед неизбежностью в одиночку противостоять разношерстному сброду Панаха и отрядам изменника Щахназара. Первый мощный удар Панаха был направлен против сердца Карабаха – Хаченского меликства, которое пало, оказав ожесточенное сопротивление. Завладев Хаченом, Панах лишил власти hАсан-Джалалаянов, назначив управлять их тысячелетней вотчиной своего приближенного, безвольного исполнителя его воли армянина по имени Мирзахан. Падение Хачена означало окончательный раскол страны Хамсы, ибо вся центральная ее часть находилась под властью злодея, а север (Джраберд и Гюлистан) с югом (Ди-

зак), где продолжал жить дух неповиновения, могли оказать друг другу в лучшем случае моральную поддержку.

Завладев Хачеюм, Панах вознамерился продвинуться далее на север – на Джраберд, где властвовал любимец Надир шаха Аллах-Кули Султан. После нескольких неудачных попыток захвата Джраберда Панах обманом, якобы для установления дружественных отношений, завлек к себе джрабердского храбреца и предательски, подло лишил его жизни. На смену трагически погибшему Аллах-Кули Султану пришел мелик Атам. Предания называют его братом Аллах-Кули, однако, как мы уже отмечали, не исключено, что Атам был сыном Аллах-Кули Султана. Между Атамом и Панахом развязалась ожесточенная война, завершившаяся победой последнего. Не желая склонить голову перед наглым, самозванным кочевником, Атам вместе со своим войском отступил в Гюлистан. Гюлистану также была уготована участь Джраберда и Хачена Атам и Овсеп, не успев вовремя объединить свои силы, вынуждены были после нескольких тяжелых сражений оставить пределы Хамсы и просить пристанище у Гандзакского (гянджийского) хана Шахверди, который с готовностью принял у себя изгнанников. Раффи считал причиной дружелюбного отношения Шахверди к армянским меликам то, что между ним и Овсепом была родственная связь (мать Овсепа была племянницей Шахверди), а Атаму хан Гандзака обязан был жизнью, ибо когда-то скрывался у него, опасаясь преследований своего брата, намеревавшие-

гося уничтожить его и захватить власть в Гандзаке. Возможно, и эти обстоятельства играли свою роль при предоставлении пристанищ меликам. Основной же причиной этого шага Шахверди, надо полагать, была его настороженность и опасение постоянно растущей мощи вчерашнего разбойника Панаха, способного и безусловно намеревавшегося посягнуть на безопасность Гандзакского ханства. При наличии в стане своих союзников двух храбрых воителей- меликов Шахверди мог считать себя в большей безопасности и спокойствии. Так или иначе, владельцы двух северных карабахских меликств обосновались в непосредственной близости от своих владений, намереваясь обязательно вернуться на родину с победой. Дальнейшие их действия показали, что они никогда не изменяли этому намерению и не отрекались от него.

В поеледщющие годы Овсеп в союзе с Атамом не раз напоминал Панаху, что спокойной жизни в захваченном, но непокоренном Карабахе ему не будет. Своими периодическими дерзкими вылазками дружественные мелики не раз заставляли врасплох шушинского хана, нагоняя страх на его войско, лишая его экономической базы и людских ресурсов. Но, пожалуй, самый верный шанс расквитаться с Панахом выпал Овсепу и Атаму в начале 1760-х годов.

Карабахские мелики в своем стремлении изничтожить Панаха были не одиноки. Удачливый дикарь из племени сарыджалу возбудил ненависть к себе других удельных правителей Персии – ханов. Один из них, правитель провинции

Урми – Фатали-хан, в 1761 году предпринял поход на Панаха. Союзником Фатали в этом походе был грузинский царь Ираклий (Ираклий был царем Кахети, параллельно с ним его отец Теймураз царствовал в другой грузинской области – Картли), а также мелик Овсеп с меликом Атамом. По сведениям Лео, Фатали не удалось даже приблизиться настолько близко к крепости, чтобы начать ее осаду. По совету Атама и Овсеп он предпринял более решительные действия, однако, столкнувшись с войском Панаха недалеко от крепости и потерпев сокрушительное поражение, вынужден был просить перемирия. Затем обманным путем захватив в заложники сына Панаха Ибрагима и отчаявшись взять Шуши, Фатали отправился домой, увозя с собой Ибрагима.

Раффи описывает эти события совершенно иначе. По его сведениям, Овсеп и Атам, примкнув к Фатали-хану, поставили перед ним условие, согласно которому при успешном завершении похода хан должен был ограничиться лишь разграблением Шуши, а Панаха сдать в их руки, чтобы они поступили с ним по своему усмотрению. Покорив Шуши и захватив Панаха, Фатали, нарушив обещание, данное меликам, взял с Панаха выкуп и отпустил его, оставив сына Ибрагима у себя в качестве заложника.

Вот два диаметрально противоположных рассказа об одном и том же событии. Причиной такого разночтения, вероятно, служило то обстоятельство, что в основе сведений Лео лежат тюркские предания, а Раффи опирается на армянские.

Трудно сказать сведения какого именно автора более достоверны. В контексте данной работы это не имеет столь явного значения. Так или иначе, ясно одно: поход Фатали-хана не оправдал надежд Овсеп и Атама и не стал избавлением от чужеродного ига. Правда, Панах в 1762 году, вызволяя сына у Фатали, погиб, но его место занял освобожденный и вернувшийся в Карабах Ибрагим. Борьба карабахского армянства с чужестранцами, захватившими его родину, вступила в новую фазу.

По сведениям Раффи, Овсеп и Атам в 1762 году предприняли еще одну неудачную попытку свержения Панаха, объединившись на этот раз с грузинским царем Теймуразом. Однако, как и в случае с Фатали ханом, союзник армянских меликов не сдержал обещания и, получив огромный выкуп, отпустил захваченного стараниями армянских воинов Панаха.

Другими исследователями это сообщение не подтверждается. Раффи, вероятнее всего, допустил здесь историческую неточность, ибо Теймураз еще в 1760 году направился в Москву просить помощи у могучего северного соседа для освобождения христиан от неверных. Понятно, что Теймураз, искавший покровительства России, не мог предпринять поход на Панаха по той простой причине, что сомневался даже в своей способности защитить вверенный ему народ от посягательств того же Панаха и других его единоверцев.

Грузинские цари Теймураз и его сын Ираклий действи-

тельно воевали с Панахом и даже разгромили его. Однако было это в 1750 году. Тогда союзниками грузинских царей действительно были карабахские мелики.

Исследования Раффи о карабахских меликах, будучи первым серьезным трудом в данной области, не лишены (и это естественно) многих ошибок, оплошностей, неточностей. Вышесказанное относится, в частности, к утверждению Раффи о возвращении Атама и Овсепя в страну Хамсы еще при жизни Панаха. Его последователи оперируя достоверными историческими свидетельствами, установили, что произошло это событие спустя несколько лет после смерти Панаха, при его сыне Ибрагиме.

Возвращение Овсепя в Гюлистан иначе как триумфальным назвать нельзя. Этому предшествовала цепь событий, которая и предопределила благополучный, победоносный исход мытарств Овсепя.

Как было сказано, в 1763 году умершего Панах-хана сменил его сын Ибрагим, обладавший неординарным дипломатическим талантом и хитростью, граничащей с коварством и подлостью. Вместе с властью отца Ибрагим унаследовал и его врагов: храбрецы-изгнанники Овсеп и Атам продолжали наносить методичные удары по позициям узурпатора, напоминая ему, кто истинный хозяин Карабаха. Но помимо армянских меликов, Ибрагим имел еще одного серьезного врага в лице гандзакского хана Шахверди. Зародившаяся в начале 1750-х годов вражда между Панахом и Шахверди еще

более усилилась при Ибрагиме. Иметь трех заклятых врагов одновременно, да еще базирующихся в непосредственной близости от захваченных им территорий, и успешно противостоять им было непосильной ношей для Ибрагима. С целью внести раскол между Шахверди и армянскими меликами Ибрагим начал глубоко продуманную дипломатическую игру. Вступив в переговоры с меликом Овсепом, он предложил ему забыть про вражду и вернуться на родину. Ибрагим при этом гарантировал Овсепу независимость и самовольность. В действиях тушинского хана был тонкий расчет: Овсеп, в случае своего согласия, автоматически превращался из союзника Шахверди в его противника, что не могло не сказаться на обороноспособности Гандзакского ханства.

Шахверди, разумеется, осознавал ту опасность, которую таило в себе предложение Ибрагима, и поэтому, когда Овсеп дал согласие вернуться в Гюлистан, решительно воспротивился этому. Между Овсепом и Шахверди зародилась вражда и ненависть. Считая невозможным дальнейшее свое пребывание у Шахверди, Овсеп, оставив свой народ и войско, отправился к грузинскому царю Ираклию. Произошло это в 1765 году. Ибрагим имел все основания быть довольным, ибо в какой-то мере его план удался: его противник – гандзакский хан Шахверди лишился одного из своих союзников, имевшего славу храброго и неустрашимого воителя.

Отъезд Овсепы к Ираклию, как это ни странно, стал началом его возвращения на родину. Политическая ситуация в

Закавказье вскоре изменилась. В 1766 году шутинский Ибрагим-хан при поддержке возмущившихся против Шахверди жителей Гандзака захватил город и объявил его частью своих владений. Шахверди еле унес ноги и нашел пристанище у находившегося в Шамхоре мелика Атама. После неудачной попытки Атама и Шахверди изгнать своими силами Ибрагима из Гандзака, Шахверди обратился за помощью к Ираклию. Ираклий послал на выручку гандзакскому хану свое войско под командованием мелика Овсеп. Ибрагим без сопротивления оставил город, и Шахверди с помощью Овсеп был восстановлен на своем месте. В том же году Овсеп обосновался в селении Геташен, непосредственно примыкавшем к его владениям.

Шахверди долго не мог смириться с тем положением, которое приобрел Овсеп благодаря силе своего оружия и дружбе с Ираклием. В конце 1766 года внушительное войско гандзакского хана предприняло атаку на Геташен. Немногочисленные воины Овсеп под командованием его сына Беглара героически отбили нападение гандзакцев, которые спустя несколько дней предприняли новую попытку покорить мелика Овсеп. И вновь победа была за Овсепом, войско которого не только защитило свои позиции, но и, перейдя в контратаку, победоносно промчалось до стен Гандзака и осадило город. Шахверди вынужден был обратиться к Ираклию, который и на сей раз не оставил его в беде, приказав Овсепу прекратить осаду. “Одновременно, – пишет Лео, – Ираклий

посчитал уместным, чтобы мелик Овсеп исполнил свое давнишнее желание – вернулся в свою исконную страну: желание, учиненные против которого ханом Шахверди препятствия дали повод столькой вражды. Ибрагим-хан как понимающий политик не захотел оставить в числе своих противников такого прославленного, храброго и сильного человека, как мелик Овсеп, и с готовностью помирился с ним, заключив скрепленный клятвой договор, которым гарантировалась самовольность мелика”.

Вскоре на тех же условиях в Карабах вернулся и мелик Атам. Возвращение владельцев двух северных меликств явилось свидетельством того, что вопреки стараниям чужеземных узурпаторов независимое армянское государство продолжало жить на родной земле. К моменту возвращения Овсеп и Атама от былого величия Карабаха осталась лишь тень. Помимо покоренных Варанды и Хачена в зависимости от шушинского хана находился и Дизак. Лишь Джраберд и Гюлистан, возглавляемые своими вернувшимися владыками, составляли островки свободы и национальной независимости. Такое положение северных меликств сохранилось вплоть до 1780-х годов, до смерти Овсеп и Атама, после чего не только Гюлистан и Джраберд, но и все карабахское армянство испытало на себе новую волну бесчинств и гонений со стороны Шушинского хана. Этот этап истории Карабаха ознаменовался выступлением на арену еще двух великих представителей рода Мелик-Бегларянов – сыновей Овсеп

Беглара и Абова. О них речь пойдет чуть ниже, а пока-добавим последние штрихи к историческому портрету мелика Овсепя.

Исследователям неизвестна точная дата смерти Овсепя. Согласно Раффи, он умер в 1775 году. Ту же дату называет и В. Лалаян, добавляя, что, Овсеп, был похоронен возле монастыря Орек. Лео, не указывая конкретной даты смерти, отмечал, что в 1783 году Овсеп, а также Атам были мертвы. Каграманян считает, что Овсеп был мертв еще раньше, в 1780 году. Наиболее близка к истине дата, называемая Каграманяном. Об этом свидетельствует исторический документ, датированный 15 февраля 1780 года. Это рапорт А.В. Суворова Г.А. Потемкину. В приложении к этому рапорту, в частности, говорится следующее: “Выехавшие из Карабага назад тому 3 месяца, в Астрахане обретающиеся, один мелика Атама, другой мелика Юсупа подданные армяне известили следующее:

В Карабаге имена меликам по старшинству мелик Атам, у него дети – сын Меджлум-бек, мелик Юсуп, который, ска-зывают, умер, однако потребно подтверждение, у него дети – сыны Беглар-ага, Апов-ага”.

Как видно из приведенной цитаты, не позже середины февраля 1780 года Суворову был извещен о смерти Овсепя. Остается не совсем понятным из каких источников Суворову стало известна эта новость. Были ли это “выехавшие три месяца тому назад из Карабаха” подданные Овсепя и Атама

или какие-то другие источники – неизвестно. Так или иначе, со значительной долей вероятности можно отметить, что мелик Овсеп умер в конце 1779 – начале 1780 года.

Завершая рассказ об Овсепе, следует отметить также, что после себя этот прославленный мелик, помимо вышеназванных двух сыновей, оставил по крайней мере одну дочь. Это видно из письма Абова III Минасу Лазаряну от 23 ноября 1807 года, в котором Абов упоминает и своего племянника (сына сестры), наследника Джрабердского меликства Атама II, приходившегося внуком прославленному мелику Джраберда Атаму I. Письмо Абова является свидетельством того, что дружба Овсепе и Атама была скреплена не только общими победами, общей судьбой, хлебом и солью, но и родственными узами. Внуку Овсепе и Атама I Атаму II судьбой была уготована короткая жизнь. И этот потомок двух знатнейших княжеских родов Карабаха, в жилах которого текла кровь Мелик-Израэлянов и Мелик-Бегларянов не успел в полной мере ощутить на себе бремя меликской власти. Но это совсем другая история.

Мелик Беглар.

Власть Овсепя после его смерти перешла в надежные, сильные руки. Мелик Беглар обладал всеми достоинствами своего отца, возможно, даже превосходил его. Вспомним, как немногочисленное Гюлистанское войско под его умелым предводительством успешно отразило атаку отрядов хана Шахверди, а потом и разбила их у стен Гандзака. Помимо феноменальной храбрости, богоданного таланта воителя и природного ума, Беглар обладал еще одним достоинством, которое, по словам Лалаяна, “было редким явлением среди меликов того времени”: Беглар был образованным человеком.

К сожалению, жизнь этого человека, имевшего все предпосылки стать одним из величайших правителей Карабаха, была скоротечной. Беглар погиб в стычке с лезгинами на границе Гюлистанского меликства, у тюркского селения Гёран. Народ в сказаниях, записанных Раффи, связывает смерть своего героя с предательством, рожденным на почве супружеской неверности Беглара и ревности его жены – дочери мелика Шахназара II Амарнан (Мариам). Насколько соответствует истине эта любовная история со столь трагическим исходом, сказать трудно. Также трудно и назвать точную дату смерти Беглара. Последнее доступное нам прижизненное упоминание Беглара датировано 2 сентября 1781 года и

представляет собственноручно подписанное Бегларом письмо Екатерине II. Спустя неполных два года после этого письма Беглара императрице, 28 января 1783 года, Иосиф Аргутинский в одном из своих свидетельств правителем Гюлистана называет брата Беглара Абова. Таким образом, очевидно, что дату смерти Беглара надо искать в этом промежутке времени. Имеющиеся у нас под рукой материалы, к сожалению, не позволяют конкретизировать эту дату.

Беглар оставил после себя сыновей Фридона, или Фрейдуна, Сами, Багира и Агабека. Вследствие малолетства старшего из них, Фридона, власть в Гюлистане унаследовал младший брат Беглара Абов.

Мелик Абов.

Начало правления этого поистине великого представителя рода Мелик-Бегларян совпало с новым этапом подъема национально-освободительного движения карабахского армянства, в котором ему суждено было сыграть не последнюю роль. Дело в том, что с начала 1780 годов Россия пересмотрела свою внешнюю политику в Закавказье. Были реанимированы забытые планы Петра Великого по установлению русского владычества на Каспии. Вновь, как и в 1720-х годах, основными своими союзниками и сподвижниками в деле водворения на Кавказе Россия видела персидскоподданных христиан. В первую очередь это были грузины и армяне. Спасение этих народов от ига неверных было формальным и мнимым поводом как Персидских походов Петра, так и намечавшихся походов полководцев Екатерины.

Основным вдохновителем идеи расчленения ослабленной внутренними неурядицами Персии и отторжения от нее стратегически важного для России Закавказья был фаворит императрицы Григорий Потемкин. Из военных деятелей этим вопросом занимались А.В. Суворов и родственник князя Потемкина генерал Павел Потемкин, назначенный в 1782 году командующим войсками на Северном Кавказе.

Армянские общественно-политические лидеры, возможно, и не подозревавшие об истинных целях грядущей пер-

сидской кампании, но, безусловно осознававшие какие выгоды для своей многострадальной родины можно извлечь в случае успешного продвижения русского дела, с готовностью впряглись в борьбу за установление российского влияния в Закавказье. Вновь, как и в начале века, центром пророссийской ориентации в Восточной Армении стал Карабах со своим Гандзасарским монастырем, настоятелем которого в это время был Ованес из рода Асан-Джалалян. Именно под его руководством 5 марта 1783 года в священной обители Гандзасара собрались все влиятельные духовные и светские лидеры Карабаха с тем, чтобы написать коллективное письмо обращение Павлу Потемкину, заверяя его в своей преданности и обещая оказать всяческую поддержку при вступлении русского войска в Карабах. Вместе с тем, в этом письме в который уже раз содержалась просьба ускорить продвижение войск в сторону их родины (как пишут сами авторы письма, “просьба, чтобы приход ваш был вскоре”). Просьбу эту мелики и духовные настоятели предвосхищали детальным описанием мягкого климата и плодородной земли своей страны, чтобы, не дай Бог, русские не усомнились в их способности прокормить и обеспечить зимовкой походное войско императрицы.

Каждая фраза, каждая строка этого письма дышит такой любовью к своей стране и болью за ее настоящее, что невозможно читать его без умиления и волнения. Среди 14 подписей под этим письмом стоит и подпись Абова Мелик-Овсе-

пьяна, а также его личная печать.

Упомянутый выше рапорт Потемкина Екатерине показывает, что Россия готова была внемлить просьбам карабахцев. Заверения, которые давались армянским представителям, а также действия России в соседней Грузии, вступившей по Георгиевскому трактату 24 июля 1783 года под ее покровительство, не оставляли у армянских лидеров сомнений в реальности грядущего избавления от чужеродного ига с помощью русского оружия.

Персидский поход, который должен был положить начало независимой Армении, намечался на лето 1784 года. Излишне говорить, что это означало для армянского народа. После многовекового мрака, казалось бы, забрезжил рассвет единой, суверенной Армении. Каких-либо причин, способных воспрепятствовать продвижению русских в Закавказье, не наблюдалось, наоборот, налицо было совпадение политических интересов России с насущными, жизненными интересами армянского народа. И осознание этого факта не могло не воодушевить армянских лидеров. Однако витающее в воздухе чувство близкой, с таким трудом выстраданной свободы, на деле оказалось иллюзией, миражом.

Проект восстановления независимой Армении так и остался красивым проектом. В силу определенных причин, установление русского владычества в Карабахе было отложено более чем на четверть века. Не последнюю роль сыграл в этом Ибрагим-хан, искусно продуманная дипломатическая

игра которого поколебала решимость Потемкина. Еще одной причиной, заставившей Россию на время отказаться от планов завоевания Закавказья, стало вспыхнувшее в 1785 году восстание горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура.

Изменение внешнеполитического курса России в отношении Закавказья породило ситуацию, в которой карабахские правители поставлены были перед необходимостью в одиночку противостоять Ибрагиму. Шущинский хан, со своей стороны, во избежание повторения ситуации начала 80-х, когда опасность русского продвижения дамокловым мечом висела над ним, осознавал необходимость уничтожения центра, прорусской ориентации в Карабахе. В первую очередь это касалось Гандзасарского монастыря и двух северных меликств – Джраберда и Гюлистана. Методы, выбранные Ибрагимом для нейтрализации Абова, Меджлума, а также католикоса Ованеса, были под стать его подлой натуре. Пригласив Абова, Меджлума, а также дизаксского мелика Бахтама в Шуши, якобы для мирного разрешения многолетней вражды, Ибрагим заточил их. Та же судьба ожидала и католикоса Ованеса. Мирного, безоружного настоятеля Гандзасара незачем было обманывать. Посланные Ибрагимом вандалы разграбили святую обитель, а Ованеса и пятерых его братьев арестовали и увезли в Шуши. Этот тяжелейший удар по армянскому сопротивлению, к счастью, не стал для него смертельным. В 1787 году Меджлуму и Абову удалось бе-

жать из Шущинской крепости. Народные предания приписывают честь освобождения меликов трем храбрым военачальникам мелика Меджлума. Лео считает, что эти сказания вполне заслуживают доверия. После побега, как пишет ученый, "...сбежавшие мелики больше не вошли в свои страны (имеются в виду вотчины, гавары. – авт.) и, оставив все, даже свои семьи, уехали в Гандзак, а оттуда в Тифлис. В это время Ибрагим-хан арестовал мать мелика Маджлума госпожу Хамар Султан и несколько членов семьи Абова и заточил их в свое крепости". Примерно то же самое о предпринятых действиях шущинского хана в ответ на побег меликов говорит Раффи. Факт заточения Ибрагимом матери Меджлума и членов семьи Абова упоминает также Лапаян. Согласно другому сведению Лалаяна, Ибрагим арестовал только Меджлума, а Абов, который также направлялся в Шуши, услышав про арест друга, свернул с полпути и вместе со своей семьей и семьей своего племянника Фрйдона отправился в Тифлис. Последнее сведение Лалаяна неверно. Об этом свидетельствует сохранившийся исторический документ от 14 сентября 1787 года. Это рапорт Степана Бурнашева Павлу Потемкину из лагеря при Гандзаке. В нем среди прочего говорится: "13-го (сентября. – авт.). По утру приехали в лагерь присланной от мелика Апо и мелика Манжуна с просьбой к царю переселить их в Грузию. Мелик Апо, избаваясь из-под караула, бежал из Шушии укрепился со своим народом в замке, также и мелик Манжун, ожидают царской по-

мощи; ибо восстали они явно против Ибрагим-хана...”.

Приведенная цитата свидетельствует также о том, что, освободившись от заточения, Абов и Меджлум не покинули сразу же пределы Карабаха, а вместе со своими подданными заняли оборону в своих крепостях. По-видимому, положение было катастрофическим, иначе они не попросили бы у грузинского царя Ираклия и прикомандированного к нему русского-полковника Бурнашева соизволения переселиться в Грузию.

Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что это благополучно завершившееся побегом заточение Абова, было по крайней мере вторым, начиная с 1784 года. В своем рапорте от 15 мая этого года генерал Потемкин пишет князю Потемкину о двойной игре шушинского хана: "... в то самое время, когда ищет е.и.в. покровительства и хочет подвергнуться в зависимость победоносного ея престола, задержал он (Ибрагим. – авт.) по подозрению армян мелика Апова”.

Приведенный отрывок из документа показывает, что несмотря на заверения Ибрагима о стремлении снискать покровительство России (эти заверения и служили стержнем его дипломатической игры, призванной максимально отдалить дату выдвижения и поколебать решимость войск императрицы), основной своей опорой в Карабахе русские представители видели не в нем, а в армянских меликах. Последнее обстоятельство, впрочем, не очень-то помогло ни самим

меликам, ни делу, которому они служили.

Вскоре после этого рапорта, как свидетельствует другой документ, датированный 26 марта того же года, Абов был выпущен на свободу.

О заточении Абова и злоключениях, которые он претерпел в Шушинской крепости, упоминает и Гандзасарский католикос Ованес hАсан-Джалалян в письме к Павлу Потемкину от 4 мая 1784 года. Из письма становится известно, что в западную, устроенную Ибрагимом, попал не только Абов, но и его верный друг и соратник мелик Меджлум. В заключении, как с болью пишет тот же Ованес hАсан-Джадалян, Абов и Меджлум пробыли несколько месяцев, подвергаясь множественным пыткам.

Наконец, как нам кажется, именно об этом заточении Абова говорит Иосиф Аргутинский в составленной им же самим исторической справке о карабахских меликах от 23 января 1790 года: "Шушинский хан, усмотря частые послышки помянутаго ген. Потемкина, движение и соединение меликов и каталикоса их Иоанна, предоставил удобному случаю обличить и наказать их, а как при этом, видя, что никакой и помощи им со стороны России не делают, поставя оное удобнейшим случаем, забрал под стражу мелика Абова и конфисковал его имение без остатку".

Информация о конфискации "имения" Абова, вероятно, не совсем достоверна, ибо еще 20 мая 1785 года, то есть через год после освобождения Абова и за 5 лет до появления

справки Аргутинского Ованес hАсан-Джалалян писал ему, отвечая, по-видимому, на ранее заданный вопрос: "Что же касается, якобы мелика Абова деревня взята в полон, сие ложно, а несколько душ и скота уведено и ныне с ними находится добропорядочно".

Вообще, надо сказать, информация о событиях и деятелях конца XVIII века не менее противоречива, чем данные о более ранних периодах меликской истории Карабаха. Вышеприведенные высказывания Аргутинского и католикоса Ованеса относительно захвата владений Абова шушинским ханом являются одним из многих образцов такой противоречивости. С еще одним примером подобного рода мы сталкиваемся при изучении сообщений различных источников об обстоятельствах освобождения тех же Абова и Меджлума из Шушинской крепости в 1787 году. Если вы помните, согласно Раффи, обретение свободы Абовом и Меджлумом явилось следствием вызволения их из Шушинской крепости тремя джабердскими храбрыми военачмьниками.

В известном рапорте Бурнашева Потемкину, отрывок из которого мы приводили чуть ранее, говорится о побеге Абова из Шуши. О своем побеге из Шуши говорят и Абов с Меджлумом в прошении Екатерине II от 29 января 1788 года. Почти те же самые слова меликов повторяет Аргутинский в своей исторической справке. Все указанные документы явных противоречий со сведениям Раффи не содержат. Но вот перед нами еще один документ, который противоре-

чит не только сведению Раффи, но и всем указанным выше источникам. Это рапорт Бурнашева Потемкину, написанный в Тифлисе 8 июля 1787 года.

В этом рапорте Бурнашев со слов прибывшего к нему из Карабаха сына мелика Бахтама Дизакского сообщает: "... Гандзасарский патриарх и все мелики забраны были Ибрагим-ханом под караул, последние жестоко будучи изтезаемы мучениями, признались и отдали письма, полученные ими от в. Высокопр. И все подарки. Патриарх от страха умер, все имение его взято и утвары црковные разграблены.

Теперь армяне там в крайнем угнетении.

Ибрагим-хан, взяв от меликов по 15000 руб., освободил их".

Как было уже сказано, данный документ противоречит всем ранеприведенным нами, в том числе и рапорту того же Бурнашева Потемкину от 14 сентября 1787 года, в котором сообщается о побеге Абова и Меджлума, а не освобождении вследствие передачи выкупа Ибрагиму. Дальнейшее развитие событий говорит о несоответствии действительности последнего сведения. Освобожденным вследствие уплаты выкупа Абову и Меджлumu незачем было опасаться хана и укрепляться в своих крепостях, а потом просить у грузинского царя разрешения переселиться в его страну.

Внимательное прочтение только что приведенного отрывка выявляет еще несколько противоречий с доступными нам документами той эпохи. Так, в сведении, записанном Бур-

нашевым со слов сына мелика Бахтама, говорится об аресте всех меликов. Между тем, другие источники в частности Аргутинский, подтверждает арест лишь Абова, Меджлума и Бахтама. Правителей двух других меликств хану незачем было арестовывать, ибо они были верными ему людьми. Противоречат другим источникам и сведения об обстоятельствах гибели Ованеса hАсан-Джалаляна. В своей справке Аргутян причиной смерти патриарха называет отравление. То же самое утверждает Лео, ссылаясь на сборник "Собрания актов, относящихся к обозрению армянского народа". Сведение о смерти патриарха вследствие страха, очевидно, было слухом, запущенным сторонниками хана в целях нагнетания паники и ослабления боевого духа сподвижников Ованеса в борьбе против Ибрагима.

Вышесказанное заставляет нас критически относиться к исторической значимости исследуемого документа, появившегося на свет вследствие рассказа эмоционального, возбужденного человека, и принять за правду подтверждаемое несколькими разными источниками сведение о побеге Абова и Меджлума из Шуши.

Как вы помните, мы отклонились от нашего повествования после цитаты отрывка из рапорта Бурнашева от 14 сентября 1787 года, из которого становится ясно, что за день ранее написания этого рапорта к ним в лагерь при Гандзаке прибыли посланцы Абова и Меджлума с просьбой о помощи. Факт нахождения Ираклия и Бурнашева близ Гандза-

ка нуждается в разъяснении. Как известно, Ираклии еще со времен нахождения у него мелика Овсепя имел верховенство над Гандзаком, правители которого периодически высказывали неповиновение, вынуждая его каждый раз прибегать к карательным мерам. Поход 1787 года был очередным актом устрашения и попыткой подавления непокорности Гандзака. Но на этот раз ситуация была несколько иной, поскольку предполагалось, что после Гандзака Ираклий поведет свое войско на Шуши, ибо, как пишет Лео: "Турки Казача и Шамшадина, которые были его подданными, воспользовались успехами пан-исламского движения (имеются в виду инициированные турецкими эмиссарами волнения северокавказских горцев, а также участвовавшие набеги дагестанских ханов на Грузию. – авт.), переселились в Карабах и Ибрагим-хан не хотел возвратить их на свои места".

Поход Ираклия и Бурнашева был начат в августе 1787 года, а уже к середине следующего месяца в их разбитый неподалеку от Гандзака лагерь прибыли посланцы двух восставших против Ибрагима армянских меликов. О том, как разрешилась просьба Абова и Меджлума, мы узнаем из еще одного, также принадлежащего перу Бурнашева, документа. На сей раз это его донесение Потемкину от 26 сентября 1787 года: "В последование рапорта моего в. высокопр. От 14 сего месяца, имею честь донести: по уверению царских приближенных армян, что в три дни сигнаские мелики Манжунун и Апо с народом своим могут прити к нам в лагирь, послан

Улион царевич с 2000 [человек) в их селения, обезопасить им путь.

В двадцати верстах встретился он с передовыми войсками Ибрагим-хана в числе 1500 человек, идущими в подкрепление Генже.

Бывшие впереди у царевича тушинцы ночью на них на-ткнулись, бросились и обрелись в бег, куда и грузины, подоспев, побили неприятелей и взяли в плен до 500.

Его величество неотступно убеждал меня остаца еще на пять дней, чтоб вывести меликов, но я не мог соглашатца, да и видел невозможность исполнения, а потому и возвращен царевич Улион в лагерь 14-го поутру. <...> К вечеру прибы-ли сигнаские мелики и представляли, что менее 12 дней на-роду их не можно вывратца из Сигнага, но как не можно бы-ло толикое время остаца нашим войскам, а его высочество с своими, коих было хотя и до 5000, не разсудил за благо один действовать, потому 18 числа по утру обратно и пошли в поход...".

Примерно те же самые сведения сообщают Абов и Медж-лум в прошении Екатерине II, написанном 29 января 1788 года в Тифлисе. В Тифлисе, как явствует из этого прошения, Абов и Меджлум оказались в результате ряда поразительно быстро и неожиданно сменивших друг друга событий: услы-шав про стычку отряда царевича Юлиана (или Улиона, как пишет Бурнашев) с войсками Ибрагима и про поражение по-следних, мелики вышли из своих крепостей и направились

в сторону Шуши, в окрестностях которой разбили встретившегося им неприятеля. Благополучно, с победой и с трофеями вернувшись в свои крепости, Абов и Меджлум неожиданно узнают весть об отступлении Бурнашева. Тут же Абов и Меджлум, оставляя свое войско и подданных, направляются в лагерь Ираклия, чтобы попробовать убедить его и Бурнашева подождать еще хотя бы четыре дня (а не 12, как пишет Бурнашев), необходимых им для выведения своего народа за пределы Карабаха. Однако и царь, и русский полковник остались непоколебимыми в решении начать отступление в тот же день. Абову и Меджлumu ничего не осталось, кроме как поехать с отступающими Ираклием и Бурнашевым в Тифлис, ибо возвращение в Карабах означало для них верную смерть.

Возможно, именно после этого отъезда Ибрагим заточил членов семей Абова и Меджлума.

Вот такими представляются события тех дней в описаниях их непосредственных участников и очевидцев.

Овсеп Аргутян (Иосиф Аргутинский) в своей, не раз упомянутой нами, справке, рисует несколько иную картину: "Меджлум и Абов ушли из-под стражи и, явясь царю Ираклию, просили, чтобы снабдить их военными силами для забирания их подданных, на что е. выс. И благоволил снабдить их четырьмя тысячами войска, в предводительстве князя Орбелианова, но как в то же самое время получил г. Бурнашев повеление о возвращении его с батальонами в Россию,

то и обещанную им помощь отменил царь.

Примерно то же самое, вероятно, использовав справку Аргутяна в качестве источника, говорит Раффи.

Согласно сведениям К. Каграманяна, Ираклий все же предоставил меликам обещанных 4000 солдат, которые разбили Ибрагима. Однако добиться окончательной победы над ханом не удалось, ибо вскоре русское командование приказало Бурнашеву отступить с занятых позиций. Причиной для такого приказа, согласно Каграманяну, послужила угроза Турции денонсировать, в случае продолжения наступления, трактат 1724 года.

Мы не беремся рассуждать, какое из вышеприведенных сведений достоверно. Так, или иначе, ясно одно: сбежав из шушинской крепости, Абов и Меджлум укрепились в своих владениях и попытались воспользоваться удобным политическим моментом, если не для разгрома Ибрагима, то хотя бы для безопасного переселения своего народа в пределы куда более спокойной, благополучной и сытой Грузии. Однако, не сумев с помощью Ираклия и русских войск добиться необратимого перелома в своей многолетней борьбе с шушинским узурпатором, вынуждены были покинуть свою страну, фактически оставляя ее на произвол судьбы.

Отступление русских войск и войск Ираклия, как видно из вышеприведенного донесения Бурнашева, имело место 18 сентября 1787 года. Именно в этот день Абов и Меджлум начали повторять судьбу своих отцов. Судьбу изгнанников, по-

клявшихся однажды вернуться, и вернувшихся на свою родину. Сыновьям, к сожжению, не суждено было повторить судьбу отцов до конца...

Тифлис стал первым пунктом в скитаниях меликов. В столице Грузии Абов и Меджлум задержались ненадолго. Обстоятельства вскоре вынудили их переселиться во владения гандзакского хана. Повторялась история 20-30 летней давности, когда их отцы точно так же обрели пристанище у соседнего дружественного им гандзакского хана Шахверди. Теперь, спустя десятилетия, сын Шахверди Джавад-хан принял у себя сыновей Овсеп и Атама.

Исследователями называются разные причины отъезда меликов из Тифлиса. Раффи, например, приводит следующую предысторию этого события: спустя некоторое время после приезда Абова и Меджлума в Тифлис, Ираклий получает письмо от шушинского хана, в котором тот предлагает обменять беглых, переселившихся в Карабах, турок – подданных грузинского царя, на армянских меликов. Ираклий, как пишет Раффи, “не столько из-за желания, получить своих подданных, сколько опасаясь мести Ибргим-хана», соглашается с его предложением. Абов и Меджлум, разузнав об этом сговоре хана и царя от секретаря последнего, армянина по национальности, в спешке покидают Тифлис и направляются в Гандзак”.

Примерно то же самое, с незначительными отличиями, сообщает Лалаян.

Лео, помимо вышеназванной, приводит еще одну, на его взгляд, “более весомую” причину отъезда меликов из Грузии. Вот что он пишет со ссылкой на рукописный труд Вардана Одзнеци “История Армении”: “Ираклии относился к меликам очень хорошо и намеревался причислить их в ряд первостепенных дворян. Однако грузинское дворянство воспротивилось этому замыслу хотело, чтобы мелики, были признаны второстепенными дворянами. И мелики, видя, что Ираклии ничего не может сделать с этим воспротивлением, оставляют Тифлис, полные сильной ненависти к грузинскому дворянству”.

Мы склонны, следуя Лео, признать последнюю причину “более весомой”, исходя из следующего соображения: покинув Тифлис, мелики обосновались ни где-нибудь, а в подконтрольном Ираклию Гандзаке. Это обстоятельство, как нам кажется, является свидетельством того, что между грузинским царем и армянскими меликами, по крайней мере на тот момент, были хорошие, дружественные отношения. В противном случае жизнь меликов в Гандзаке была бы не безопаснее, чем в Тифлисе. Следовательно, отъезд Абова и Меджлума не мог быть спровоцирован лукавыми замыслами Ираклия. Что же касается ревностного отношения грузинского дворянства к дружбе Ираклия с армянскими меликами, мы будем иметь возможность представить себе, сколь невиданных масштабов оно могло достичь. Достаточно сказать, что именно зависть определенной части грузинского

дворянства к успехам переселившегося все же в Грузию Абова стала причиной его предательского, подлого убийства в 1808 году.

Отъезд Абова и Меджлума из Грузии, в силу каких бы причин он ни состоялся, вернул меликов из непривычной для них пассивной роли наблюдателей и просителей в их родную стихию, в ситуацию постоянной, изнуряющей противника войны с расшвырявшимся шушинским ханом. Первоисточники, к сожалению не называют точной даты переселения меликов в Гандзак. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют лишь очертить примерный промежуток времени, в котором имело место это событие. Так, известно, что Абов и Меджлум оставались в Тифлисе, по крайней мере до апреля 1788 года. Об этом свидетельствует письмо И. Аргутинского Г.А. Потемкину, написанное из Астрахани 25 апреля того года.

Лео упоминает еще одно жрисящееся в его архиве письмо Аргутинского, адресованное индийским армянам и написанное в 1790 году. (Великий историк, к сожалению, не упоминает точной даты его написания). В этом письме говорится, в частности: "...а ныне они (Абов и Меджлум.— авт.) в Гендже <находятся> и постоянно набегают на окрестности крепости Шуши, уже хан шушинский поколебим и просит у царя перемирия".

Это свидетельство Аргутяна приводит нас к двум однозначным выводам:

1. Переселение Абова и Меджлума в Гандзак имело место либо в 1790 году, либо до этого года. Таким образом, учитывая предыдущее письмо Аргутяна, можно с уверенностью отметить, что отъезд меликов из Тифлиса имел место не ранее конца апреля 1788 года и не позднее 1790 года.

2. Между Ираклием и меликами, никакой вражды, по крайней мере, к моменту написания письма, не было, ибо, как следует из процитированного отрывка, стесненные набегам Абова и Меджлума, Ибрагим обратился с просьбой о перемирии не к кому-нибудь, а к царю, то есть к Ираклию. А это значит, что Ираклий к этому времени был покровителем Абова и Меджлума. Естественно, такое положение вещей признавали и сами мелики.

Может возникнуть вопрос: а на какую силу опирались, вернее, какой силой предводительствовали Абов и Меджлум, производя набег на владения Ибрагима, ведь известно, что под их началом при отступлении Бурнашева в Тифлис было всего несколько людей? В поисках ответа на этот вопрос нам поможет одно из свидетельств все того же И. Аргутинского: "... и с коего Абова владения бежали пятьсот семейств и переселились между Грузию [...] в местоположении Шамкорах".

Переселение этих семейств состоялось после отъезда Абова и Меджлума в Тифлис и явилось следствием притеснений со стороны Ибрагима. Аргутинский указывает лишь один случай такого переселения. Не исключено, что подоб-

ных случаев было множество. Раффи, например, упоминает переселение около 1000 семейств из Джраберда в Гандзак. Согласно сведениям, семейства эти находились в управлении вернувшихся в Гандзак Абова и Меджлума. Безусловно, костяк отрядов меликов был сформирован из переселившихся в Гандзак и находившихся в их подчинении подданных.

Набеги Абова и Меджлума до того стесняли Ибрагима, что он, как пишет Раффи, «вынужден был несколько раз обратиться к Джавад-хану, прося его посредничество, чтобы [Джавад] помирил его с Мелик-Меджлумом и Мелик-Абовом, чтобы те прекратили свои враждебные действия и вернувшись на свою родину пользовались своими древними правами, владея своими вотчинами”. Однако мелики, как пишет далее Раффи не поверили лукавому хану, заявляя, что вернутся на родину только после разрушения Шуши и после изгнания Ибрагима из Карабаха.

Насколько достоверны эти сведения Раффи сказать трудно, ибо никто из исследователей, кроме его самого, этими данными не оперирует.

Дружба Абова и Меджлума, как свидетельствуют народные предания, не выдержала испытания временем. После нескольких лет совместных военных действий против Ибрагима между ними произошла какая-то размолвка. Раффи одну из причин этой размолвки находил в разности характеров двух меликов. В отличие от уравновешенного, умудрен-

ного опытом Меджлума, Абов свои бесспорно лучшие качества – храбрость, неустрашимость и непобедимость сочетал с вспыльчивостью, недалководидностью и ревностью. Отношения между двумя меликами еще более осложнились, когда Абов объявил о своем желании переселиться в Грузию. Такое переселение воспринималось Меджлумом как дезертирство и отказ от родины, с чем он не мог смириться. Напряженность между меликами постепенно достигла кульминации и разрешилась окончательным разрывом их отношений после ссоры, возникшей по формальному поводу (Абов обвинил Меджлума в неуважительном отношении к армянской вере, после того, как тот нарушил Пост). После этого, по сведениям Раффи, Абов оставляет Гандзак и со своим народом переселяется в Болнис (Грузия).

“В Болнисе Мелик-Абов также имел противоречия с грузинскими князьями, долго там оставаться не смог. Потом (1795) оставил Болнис и, помирившись с Ибрагим-ханом, вернулся в Карабах, стал жить в родной вотчине – в Гюлистане. Однако обстоятельства, как увидим потом, снова вынудили его покинуть родину”.

Следует отметить, что утверждения Раффи как о переселении Абова в Болнис ранее 1795 года, так и о его возвращении на родину в том же году не соответствуют действительности. На сей счет есть недвусмысленное свидетельство самого Абова. Речь идет о письме Абова Минасу Лазаряну от 23 ноября 1807 года. Чуть позже мы будем иметь возмож-

ность познакомиться с содержанием этого письма, а пока отметим лишь, что переселение Абова в Болнис по его же собственному утверждению имело место после неудачной попытки новоявленного правителя Персии Ага-Мамад-хана занять Шуши, имевшей место в 1795 году. Кстати, следует сказать, что Раффи известны были и год осады Ага-Мамад-ханом Шуши, и содержание вышеназванного письма Абова. Остается непонятным, почему, имея под рукой такие факты, выдающийся романист и историк отдал предпочтение непроверенным народным преданиям.

Историю о размолвке Абова и Меджлума упоминает и Лалаян. Однако о переселении Абова вследствие этой размолвки он не говорит.

О раздорах между друзьями-соратниками и о переселении Абова в Болнис сообщает также Лео, опираясь, вероятно, на сведения Раффи. Согласно Лео, это переселение было окончательным, по крайней мере, ни о каком возвращении Абова на родину ни в 1795, ни в каком либо другом году он не упоминает.

Сведения Раффи, Лалаяна и Лео, таким образом, подталкивают нас к следующему заключению: после ухода Абова и Меджлума из своих владений в 1787 году и обоснования в соседнем Гандзаке, несмотря на все старания, регулярные вылазки, вынудившие шушинского хана закрыться в своей крепости и искать способы примирения с меликами, последним так и не удалось победоносно вернуться в свои вотчины,

как это некогда сделали их великие отцы.

Каграманян, в отличие от них, приводит совершенно иное сведение, не только опровергающее мнения этих уважаемых авторов, но и, как нам кажется, разрешающее многие неясности, разночтения в вопросе взаимоотношений Ираклия с армянскими меликами. Послушаем Каграманяна: “В 1791 году Ибрагим-хан требует от гандзакского хана передать ему мелика Абова и мелика Меджлума, угрожая разрушить его ханство. Гандзакский хан уведомляет об этом Ираклия Второго. Последний соглашается передать меликов с условием, чтобы Ибрагим в свою очередь возвратил бежавших из Борчалу в Шуши 200 татар”. Здесь необходимо прервать нашу цитату для следующего комментария: как известно одной из причин обострения отношений Ираклия с меликами, согласно преданиям, было благосклонно воспринятое Ираклием предложение Ибрагим-хана обменять находившихся у него беглых подданных грузинского царя на двух мятежных меликов. Вследствие именно этого, как уверяют предания, Абов и Меджлум вынуждены были покинуть Тифлис. Наряду с этой причиной, как мы упоминали, называется и другая, а именно, враждебное отношение грузинского дворянства к намерениям Ираклия зачислить Абова и Меджлума в ряд первостепенных дворян. Как вы помните, Лео называл эту причину “более весомой”, и мы с ним согласились, отмечая, что отъезд Абова и Меджлума из Тифлиса в Гандзак имел место в 1788-1790 годах. Мы отмечали также, что до 1790 года от-

ношения между Ираклием и меликами были не враждебными, что в свою очередь является косвенным подтверждением отсутствия злого умысла у царя по отношению к Абову и Меджлуму (по крайней мере до 1790 года). Иными словами, налицо факт явного противоречия преданий со свидетельствами современников и логикой развития дальнейших событий. Это – с одной стороны. С другой стороны, как мы говорили уже по одному поводу, в основе любых преданий лежит действительно имевшее место событие. Сведение, приводимое Каграманяном, ценно именно с точки зрения того, что, во-первых, еще раз подтверждает правоту последнего нашего утверждения и, во-вторых, и это самое главное, снимает противоречия между народными сказаниями и засвидетельствованными историческими событиями. Предложение Ибрагима к Ираклию действительно имело место, однако не во время нахождения меликов в Тифлисе, как это утверждают сказания, а немного позже, в 1791 году, когда Абов и Меджлум, находясь в Гандзаке, превратились в трудноразрешимую проблему для Ибрагима, и коварный владелец Шуши для приобретения безопасности готов был пойти на какие угодно уступки Ираклию. Возможно, соблазн получить своих подданных обратно перевесил союзнические обязательства Ираклия перед своими единоверцами. Безусловно, здесь сыграли роль и ослабленные позиции Ибрагима. Ираклий, по-видимому, рассчитывал, что стесненный набегами Меджлума и Абова тушинский хан не представляет для

него серьезной опасности, следовательно, можно обойтись и без услуг армянских меликов. Как бы там ни было, Абов и Меджлум стали предметом политического торга. Это обстоятельство не могло не вызвать гнева со стороны гордых, упрямых и простосердечных горских властителей.

“Мелики, – пишет Каграманян далее, – возмущаются от этих действий единоверного и союзнического царя. Они решают своими руками вершить свою судьбу. Собирают по 500 всадников из своих подданных, еще 500 собирают из разных мест и разбивают лагерь у реки Куры, недалеко от Гандзака.

Обо всем этом гандзакский хан сообщает шушинскому хану. Последний призывает дополнительную помощь своего зятя Омар-хана и вместе с 3000 конницей нападают на 1500 всадников меликов. Современник этих событий русский военный деятель П.Г. Бутков, который был знаком со множеством военных операций, с удивлением описывает, как армяне с наполовину меньшими силами громят Ибрагима и Омара ханов. Тесть и зять терпят позорное поражение и бегут. Войско Омара рассеивается в разные стороны, а Ибрагим кое-как добирается до шушинской крепости, потеряв 200 всадников. Мелики с честью возвращаются в родные владения. Ибрагим-хан, напуганный теперь еще опасностью ближайшего нашествия Ага-Магомед-хана, на время оставляет месть по отношению к меликам”.

Итак, это сведение, как было уже сказано, опровергая сложившееся в историографии мнение, свидетельствует о побе-

доносном возвращении, хотя и на короткое время, властителей северных меликств страны Хамсы в свои вотчины и возобновлении национальной государственности карабахского армянства после злосчастного 1787 года. Помимо этого, приводимое Кимом Каграманяном сведение развенчивает миф о раздорах между двумя дружественными меликами-соратниками – Абовом и Меджлумом. По крайней мере очевидно, что никакой размолвки методу ними в ходе четырехлетнего изгнания не было. Не исключено, что описанная в преданиях ссора между Абовом и Меджлумом в Гандзаке, якобы положившая конец их дружбе и совместной борьбе против Ибрагим-хана, на самом деле имела место после возвращения их на родину. Не исключена вероятность и того, что никакой ссоры между двумя меликами не было вообще, а сказания об этом являют собой очередную наивную, невинную попытку объяснить подоплеку сложного исторического события.

Это, как мы выразились, сложное историческое событие заключалось в следующем: двое, казалось бы, неразлучных друзей, храбрых властителей, одержавших вместе не одну блестящую победу, Абов и Меджлум оказались вдруг в противоборствующих лагерях. Произошло это в 1795 году. Именно в этом году новоявленный властитель Ирана – Ага-Мамед-хан, сумевший подчинить себе и объединить развалившуюся Персию, задумав восстановить утраченный было авторитет Ирана в Закавказье, предпринял грандиозный поход, преследовавший цель усмирить и заставить вновь при-

знать верховенство Персии фактически отколовшиеся от нее закавказские ханства и Грузию. На закавказских правителей весть о грядущем нашествии Ага-Мамед-хана, естественно, не могла не оказать ужасающего воздействия. Однако были и такие, которые ждали и приветствовали этот поход, надеясь получить в его результате свои выгоды.

Первые свои военные действия Ага-Мамед-хан направил против Ибрагима, однако не добившись серьезных успехов, после сорокадневной осады Шуши вынужден был на время оставить планы по ее покорению и направиться на Тифлис. Такое развитие событий описывает Раффи. Лео же рисует несколько иную картину. Согласно ему, осада Шуши длилась, во-первых, 33 дня, а во-вторых, ей предшествовала неудачная попытка штурма крепости. Ибрагиму удалось тогда при поддержке пришедших ему на помощь грузинских войск отбить атаку передовых отрядов персов и обратить их в бегство.

Во время этих действий от бывшего единства двух верных соратников – Абова и Меджлума не осталось практически ничего, и в сущности они превратились во врагов, ибо, по утверждению Раффи, в осаде Шуши вместе с Ага-Мамед-ханом принимали участие также гандзакский хан Джавад и мелик Меджлум. Абов же в это время находился внутри крепости и в союзе со своим злейшим врагом – Ибрагимом оборонял ее от Ага-Мамед-хана.

Союз Абова, а также другого армянского мелика – Джум-

шуда Мелик-Шахназаряна с Ибрагимом, Раффи объясняет верностью первых к обязательствам перед русскими. Не стоит забывать, что к концу XVIII века утвердить свое владычество в Закавказье помимо Персии стремилась и Россия, а армянские мелики были в числе главных проводников русского дела за стеной Кавказа. Союз с Россией для основной части политического руководства карабахского армянства был единственной возможностью возродить угасающую в предсмертных муках национальную власть в крае. Поход Ага-Мамед-хана поставил меликов перед непростым выбором. Противостоять в одиночку персам они не могли, уповать на скорейшую военную помощь России также не приходилось. В создавшихся условиях оставалось одно из двух: либо подчиниться Ага-Мамед-хану – потенциальному противнику своего, как они надеялись, – потенциального союзника и освободителя – России, либо организовать против Ага-Мамед-хана оборонительный- союз совместно с Ибрагимом, своим давнейшим, если так можно выразиться, потомственным врагом, для устранения которого мелики не единожды просили помощь у России. Ситуация поражает своей парадоксальностью. Меликам необходимо было выбрать одно из двух зол, причем неизвестно, которое из них было наименьшим. Абов и Джумшуд Мелик-Шахназарян выбрали союз с Ибрагимом, “думал, – как пишет Раффи, – что его потом легко будет уничтожить, но единожды подчинившись Мамед-хану, невозможно будет после этого освободить, родину

от персидского ига”.

Возможно, что кроме названной Раффи причины, меликами, соединившимися с Ибрагимом, двигала еще одна, не менее, а может, и более значимая причина – забота о безопасности своего народа. Учитывая бесчеловечную жестокость по отношению к населению занятых территорий, которой сопровождался поход Ага-Мамед-хана, то паническое бегство населения Карабаха и соседних областей в Грузию, вызванное этим походом, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что союз Абова с Ибрагимом был обусловлен именно стремлением обезопасить свой народ и свою вотчину от нашествия чудовищного властителя Ирана. Ибрагиму, также ничего хорошего на ожидавшем от этого похода, союз с армянскими меликами был жизненно необходим. Не исключено, что для привлечения меликов на свою сторону он сделал им некоторые уступки. Разумеется, все эти лишь предположения и доискиваться, что именно вынудило непримиримых врагов сотрудничать, весьма трудно и в какой-то мере лишено смысла. Также трудно найти объяснения факту раскола и примыкания к разным враждующим станам двух непоколебимых, неотступных соратников – Абова и Меджлума. О мотивах примыкания Меджлума к Ага-Мамед-хану историками высказывались разные суждения. Называются причины как лично-субъективные, так и объективные, обусловленные политическими реалиями. Мы не будем касаться этих причин, ибо в нашем кон-

кретном случае оши не имеют столь уж большого значения.

Следует сказать, что не всеми исследователями, так или иначе затрагивавшими данную тему, упоминается факт участия Абова в защите владений Ибрагима. Например, об этом не сообщает самый авторитетный армянский историк текущего века Лео. Это, а также и то, что Раффи, говоря о данной теме, не упоминает источника, может посеять некоторые сомнения в достоверности сведений, касающихся участия Абова в обороне Шуши от Ага-Мамед-хана. Убедиться в необоснованности этих сомнений и достоверности сведений, приводимых Раффи, нам поможет упомянутое уже письмо Абова к Минасу Лазаряну от 23 ноября 1807 года, отрывок из которого мы позволим себе процитировать. “Мои услуги святому Российскому престолу, – пишет Абов Лазаряну, – и храбрость моя, показанная в Шуши еще при полководце Зубове, известны многим. (Вероятно, имеется в виду русский военачальник, граф Валериан Зубов, командовавший русскими войсками во время начавшегося примерно через год после осады Шуши Ага-Мамед-ханом Персидского похода (см. д. в тексте). Слова Абова не стоит понимать буквально, ибо известно, что прямых столкновений русских войск с Ага-Мамед-ханом, тем более в Шуше, не было. Скорее всего, Абов подразумевает военные достижения Зубова. Персидский поход, по-видимому, был для него столь значительным, знаковым событием, что, спустя более чем 10 лет, эпоха нашествия Ага-Мамед-хана ассоциировалась у мели-

ка не с именем этого злодея, а с Зубовым). Возможно, и вам небезызвестно как (мы) обратили в бегство и рассеяли по земле грозное войско Ага-Мамед- хана”.

В процитированном отрывке Абов скорее-всего говорит о первой, предшествовавшей многодневной осаде, попытке Ага-Мамед-хана взять Шуши. Как вы помните, согласно Лео, Ибрагиму со вспомогательным грузинским войском тогда удалось разбить Ага-Мамед-хана. Немалая заслуга в этой победе, по его же собственному высказыванию, принадлежала Абову.

Упомянутые Абовом события имели место ранее августа 1795 года, ибо именно в этом месяце началась осада Шуши. Следовательно, с полной уверенностью можно сказать, что по крайней мере с середины лета 1795 года (Естественно, союз их зиждился не на горячей любви друг к другу, а на совпадении интересов и наличии общего врага.)

Доступные нам исторические документы подтверждают, что союзнические отношения между армянским меликом и шушинским ханом продолжались как минимум до февраля-марта 1796 года. В одном из свидетельств от 24 февраля 1796 года тушинский хан назван единомышленным с Абовом. То же самое мы встречаем в другом документе, датированном 20 марта того же года. Оба эти свидетельства принадлежат перу Аргутяна, одного из самых информированных, если ни самого информированного о закавказских делах человека в России конца XVIII века.

К содержанию этих документов мы обратимся чуть позже, после краткого обзора потрясших Закавказье событий конца 1795 года. Сняв осаду Шуши, Ага-Мамед-хан двинулся к Гандзаку, направив часть своей армии покорить Ереван. Быстро и малой кровью овладев Ереваном, персидские отряды вернулись в Гандзак и воссоединились с основным войском шаха. После этого Ага-Мамед-хан предложил Ираклию отказаться от Георгиевского трактата и засвидетельствовать свою покорность Персии. Получив от грузинского царя отказ, кровожадный повелитель Ирана двинул свое войско на Тифлис. Персидской армией в этом походе предводительствовали мелик Меджлум и Джавад-хан.

Не сумев вовремя позаботиться о необходимых оборонительных приготовлениях, Ираклий, брошенный и преданный всеми соратниками, после робкой попытки оказать сопротивление бежал из Тифлиса, оставив свою столицу на милость победителя. А тот великодушием не отличался. Превратив город в руины, разграбив и разорив его, персидская армия, увозя с собой десятки тысяч пленных, отступила в Муганскую равнину, излюбленное место зимовки опустошителей, начиная со времен монгольских нашествий и Тамерлана. “Ага-Мамед-хан, – пишет Лео, – остался здесь зимовать, с тем, чтобы весной снова осадить Шуши”. Однако весенний поход на Шуши так и не состоялся. Услышав вскоре весть о вспыхнувших в Персии волнениях, Ага-Мамед-хан направился подавить их, “оставив, – продолжает Лео, – дело

наказания Ибрагим хана на другое время”.

Ибрагим, воспользовавшись этим неожиданным подарком судьбы, решил наказать Джавад-хана. В союзе со своим зятем, аварским ханом Омаром, он напал на Гандзак. Военные действия начались в январе 1796 года и продолжались около трех месяцев. Открытые столкновения сменились тяжелой пятидесятидневной осадой Гандзака. Защитой крепости руководил мелик Меджлум, который, согласно преданиям, был вскоре убит руками посланного Ибрагимом предателя армянина. “Джавад-хан, – пишет Лео, – после смерти своего храброго командира нашел излишним сопротивление и заключил перемирие с Ибрагим-ханом, который получил от него 10 тысяч рублей и заложников. Хозяин Шуши был вознагражден вдвойне: добился покорности Гандзака и лишился такого опасного врага, как мелик Меджлум”.

Обратите внимание: согласно Лео, военные действия Ибрагима против Джавад-хана начались в январе 1796 года и продолжались 3 месяца, то есть примерно до конца марта. В то самое время, когда война между Ибрагимом и Джавадом была в самом разгаре, 24 февраля 1796 года Иосиф Аргутинский писал из Кизляра генералу И.Д. Савельеву: “Желаю вседушно да всевышний в. пр. придет рукою крепкою и мышцею высокою, на одоление и истребление варваров, а во-первых, в скором времени овладеть Дербентом, что по всем виутренним обстоятельствам необходимо нужно, ибо сие соделает громкую славу Российской империи да притом

и в.пр., устрашит неприязненные народы и самага Ага-Магмат-хана, прочих же ханов, усердствующих России, как то мелика Абова, и единомышленного с ним шушинского хана Ибреима, поражающих персидские войска, премного образует...".

Известно, что в момент написания этого письма Ага-Мамед-хан вместе со своей армией был занят, подавлением мятежа в глубинах Ирана, и, говоря о персидских войсках, Аргутинский безусловно имел в виду войска союзников Ага-Мамед-хана: Джавада и Меджлума. Именно их войска поражали, согласно свидетельству Аргутяна, мелик Абов и единомышленный с ним хан шушинский. Иными словами, в походе Ибрагима на Гандзак, который закончился гибелью мелика Меджлума, активное участие принимал и его когда-то верный товарищ и неотступный соратник – мелик Абов. Аргутинский именно ему отводит главенствующую роль в этом "поражении персидских войск", называя Ибрагима его единомышленником, а не наоборот. Возможно, есть некоторое преувеличение со стороны Аргутинского, однако это свидетельствует, по крайней мере, о наличии равноправных, союзнических отношений между Ибрагимом и Абовом, а не отношений повелителя и подчиненного. Иными словами, Абов "поражал персидские войска", то есть в данном случае войска Джавад-хана и Меджлума, совершенно добровольно и без принуждений. И этот, именно этот, акт, а ни что-либо другое, был последним, сокрушительным ударом, похоро-

нившим надежды, нарушившим грезы людей, так или иначе претендовавших на роль пастырей армянства, увидеть возрожденную, единую, независимую Родину. Крах страны Хамсы был результатом не нашествий опустошителей, а, в первую очередь, возобладания местничества среди армянских правителей и выдвижения ими на первый план собственных выгод, собственных интересов в ущерб общенациональным.

Наивно будет сомневаться в достоверности вышеуказанного свидетельства Аргутинского, считать его следствием ошибочных, неверных данных. В этом легко убедиться, прочитав еще одно его письмо, датированное 20 марта 1796 года. В этом письме Аргутинский пишет своему адресату, графу Платону Зубову, в частности, следующее: "При сем случае приемлю дерзость донести в.с., что я писал также к армянскому мелику Абову и единомышленному с ним шушинскому хану Ибраиму, коими писаниями поощрил их стоять крепко и мужественно противу персидского Ага-магмат-хана, с обнадеживанием высокомонарших милостей и вспомоществования, в чем они и дали твердое обещание".

Обещанное Аргутяном "вспомоществование", вернее то, что под этим видом преподносилось немногочисленным противникам Ага-Мамад-хана, вскоре начало обретать вполне ощутимые очертания. В этом "вспомоществовании" Аргутяну отводилась особенная роль.

Весной 1796 года Россия начала свой очередной Пер-

сидский поход, призванный восстановить пошатнувшийся вследствие нашествия Ага-Мамад-хана авторитет русского оружия в Закавказье.

По свидетельству современника, поход этот был задуман "для утишения возникших в сопредельных нам персидских областях замешательств и для ускромнения высокомерного и лютого Аги Магамета".

Процитированные слова принадлежат одному из влиятельнейших людей Екатерининской эпохи – графу Платону Александровичу Зубову, брат которого, Валериан Александрович, был назначен предводительствовать русскими войсками в этом походе.

Готовясь к выступлению, русское военное руководство, разумеется, не могло не учесть и использовать с выгодой для себя все то, что оправдывало себя в прошлых аналогичных компаниях. Сказанное в первую очередь относится к так называемому "христианскому фактору". Вновь, как и прежде, персидскоподданным армянам и грузинам давали понять, что грядущий поход вызван заботой об их благополучии и необходимостью освободить их от ига неверных. Более лучшего посредника между военнополитическими кругами России и закавказскими христианами, чем Аргутян, сыскать было трудно. Приведенные чуть выше слова Платона Зубова. – это отрывок из его письма Аргутинскому, в котором он просит верховного пастыря российских армян отправиться в Моздок на встречу с его братом – Валерианом, с тем, чтобы

помочь ему своими советами "по делам персидским и сопредельных с сим государством народов, о которых вы имеете толь обширныя и подробныя познания". Аргутян не только выполнил эту просьбу, но и присоединился к штабу Зубова на время всей кампании, способствуя бескровному завоеванию русскими целых городов и ханств.

Персидский поход начался более чем победоносно: выйдя 18 апреля 1796 года из Кизляра, русские войска уже 10 мая штурмом взяли Дербенд, после чего кубинский и бакинский ханы поспешили засвидетельствовать свое почтение и покорность победоносному русскому войску. Вскоре, благодаря посредничеству Аргутяна, русские бескровно завоевали также Шамахи.

Продолжая всячески способствовать продвижению русских войск, Аргутян вместе с тем продолжал напоминать Зубову о плачевном состоянии своих соотечественников и о необходимости избавления их от страданий. Однако делал он это как-то робко, нерешительно, не так, как раньше. Вот, например, что он предлагал Зубову относительно Ибрагим-хана и меликов 2 сентября 1796 года: "Потом можно перейти реку Куру и, остановившись на Могане, дать повеление шушинскому хану Ибреиму, – чтобы он сам или по меньшей мере старшего сына своего с армянскими меликами, прислал к с.в.; Исполнение Ибреима такова в.с. повеления послужит за довод его верности и усердия к России. И по закончении там нужных дел, идти можно беспрепятственно

на Тавриз или на Ардавель, куда в последствии удобнее покажется, а предъявленного Ибрейма необходимо нужно истребовать сына с тысячью его войска, и пять армянских меликов, с их пятью тысячами войска, для разноравного употребления; а паче в передовые, так как оные духа военного не чужды. Если же шушинский хан повеления вашего исполнить не похощет, то сие явным доказательством будет его неверности и коварного обмана. В такомом случае можно употребить армянских меликов, кои послужат удобным средством к низложению и лишению его сего выеокоместнаго степени и крепости...".

Итак, Аргутян не решается, как раньше, назвать Ибрагима врагом русского престола априори, а предлагает сначала уличить его в неверности и коварности, а затем устранить, "лишив высокой степени и крепости". Нельзя не заметить, что Аргутян при этом наивно надеется, что Ибрагим будет настолько глуп, что с легкостью обнаружит свою неверность и коварство. Трудно сказать, что явилось причиной столь нерешительного, робкого предложения Аргутяна. Возможно, здесь сыграло роль то, что Аргутян к этому моменту догадывался об истинных целях кампании, которые четко были сформулированы за два месяца до начала похода: "Опьянить письмами царя Ираклия, меликов карабагских и Ибрагим-хана шушинского, так и владетелей дагистанских и ширванских о выступлении своем с войсками для освобождения их...", Иными словами, предполагалось поставить в резуль-

тате похода вышеназванных правителей в зависимость только и только от России и расширить сферу русского влияния их территориями.

Аргутян зря недооценивал Ибрагима. Его дипломатическая изворотливость известна была, еще со времен намечавшегося Персидского похода 1784 года. Без каких-либо приглашений со стороны русских, он сам поспешил заявить о своем желании вступить под их покровительство. Правда, потом он нарушил свое слово, более того, попытался устроить западню Зубову, однако это не помешало ему при появлении слухов о новом походе Ага-Мамед-хана вторично заявить, что Шуши есть русский город и просить у Зубова 12 тысяч солдат для усмирения соседних ханств.

Надо сказать, что в корреспонденциях с армянскими меликами Аргутян сформулировал цели похода русских однозначно и безапелляционно. Без тени сомнений и робости, он уверял меликов, что освобождение их и из подданных всего лишь дело времени, надо только дождаться русских войск и всячески способствовать ускорению их прихода. Что это было? Непоколебимая вера в грядущее спасение своих соплеменников или нежелание признать, что обещанное ему спасение персидскоподданных христиан было всего лишь способом, рычагом для достижения более весомых, с точки зрения геополитических интересов России, результатов? Трудно сказать.

Зубов и его окружение со своей стороны всячески стара-

лись поддерживать и укреплять то благостное настроение, которое сохранилось у армянских меликов по отношению к русским. Ценные сведения об этом содержатся в свидетельствах двух армянских меликов: племянника Абова – Фридона Мелик-Бегларяна и мелика Варанды – Джумшуда Мелик-Шахназаряна. Об этом мы поговорим чуть позже, а пока вернемся к рассказу о мелике Абове. Как вы помните, последнее приведенное нами сведение о нем касалось проводимых им, совместно с Ибрагим ханом, военных действий против Гандзака. Следующий по хронологии известный исследователям факт из его жизни также имеет прямое отношение к Гандзаку. Дело в том, что завладев ранне упомянутыми ханствами, Зубов направил отдельный отряд под командованием генерала Римского-Корсакова на покорение Гандзака. С этим отрядом находился и Иосиф Аргутян. Согласно Лео, 13 декабря 1796 года благодаря посредничеству Аргутяна Джавад-хан без боя сдался русским. 16 числа того же месяца Валериан Зубов в письме к Аргутинскому пишет: "Письмо в. высокопревосходительства с приложением разных писем я имел честь получить и приношу как за оное, так и за успокоение Джават-хана, мою искреннюю благодарность...".

Согласно Раффи, бескровное завоевание Гандзака имело несколько иную предисторию, основную роль в котором сыграл Абов. "Мелик Абов, – пишет Раффи, – в это время находился в Гандзаке у местного Джавад-хана. До прихода русских войск Мелик-Абов по совету архиепископа Овсеп

смог убедить Джавад-хана сдаться без боя русскими".

Приведя это сведение, Раффи, в привычной для себя манере, не называет, к сожалению, источника. Это, а также ошибочное представление Раффи о том, когда и под чьим руководством был осуществлен этот поход, не прибавляют аргументов в пользу достоверности данного сведения. В приведенном чуть выше письме Зубова также никак не упоминается роль Абова в "успокоении" Джавада. Учитывая все это, мы не беремся безоговорочно принять правдивость этого сообщения.

Таким образом, ранее упомянутое письмо Аргутинского от 20 марта 1776 года является последним из всех доступных нам на сегодняшний день сведений о жизни мелика Абова на родине. Ибо вскоре после взятия Гандзака русскими войсками обстоятельства вынудили его покинуть Карабах.

Чтобы у читателя не сложилось неправильное представление, отметим, что отъезд Абова с родины не имел к взятию Гандзака никакого отношения, а был следствием очередного изменения внешнеполитического курса России. Дело в том, что занятие Гандзака стало последним пунктом в кампании Зубова. 6 ноября 1796 года умерла Екатерина II. Сменивший ее на престоле Павел I, старавшийся всячески отмежеваться от начинаний своей великой матери, нарушил преемственность как внутренней, так и внешней политики Русского Двора. Сразу после восшествия на престол Павел распорядился послать гонцов в каждый отдельный полк ар-

мии Зубова с требованием немедленно отступить на Кавказскую линию. Ситуация была, парадоксальной: победоносно шествовавшая, не потерпевшая ни единого поражения армия, добровольно оставляя занятые рубежи, отступала назад, бросив местное армянское население, которое, внемля призывам: Аргутяна, так самоотверженно и ревностно поддерживало продвижение русских, на произвол судьбы.

Отступление русских войск было фактическим приглашением Ага-Мамед-хану вернуться в Закавказье и властвовать там по своему усмотрению. И кровожадный владыка Ирана не замедлил воспользоваться этим своеобразным приглашением. Весной 1797 года Ага-Мамед-хан вторгся в пределы Карабаха. Разоренная страна без сопротивления сдалась ему на милость. Ибрагим-хан, не оказав сопротивления, вместе с семьей бежал в Дагестан. Жестоким гонениям со стороны персидских захватчиков подверглись армянские мелики, в особенности мелик Варанды Джумшуд. Помимо преданий, о претерпленных стеснениях со стороны Ага-Мамад-хана говорит и сам Джумшуд в многочисленных своих обращениях к Павлу I и другим представителям военно-политической элиты России.

Мелик Абов, согласно Раффи, незадолго до занятия Ага-Мамед-ханом Шуши уехал в Грузию. Согласно Лалаяну, отъезд Абова в Грузию имел место уже после занятия Шуши и Карабаха персами. При этом и Лалаян, и Раффи точной даты не называют. Не называет точной даты и сам Абов. В

своим, упомянутом нами, письме Минасу Лазаряну Абов о своем переселении в Грузию говорит буквально следующее: "По этой причине (по причине показанных им храбростей при разгроме отрядов Ага-Мамед- хана у стен Шуши. – авт.) царь Ираклии, желая иметь нас себе в помощники, клятвами и бумагами заверил нас, чтобы мы пришли к нему, обосновались в его владениях и признавались равными с его первейшими тавадами и князьями. Мы пришли. Согласно своему обещанию царь дал нам Болнис, а в своем дворце назначил нам место выше всех своих старшин". Как видим, свидетельство Абова также не дает четких представлений о времени его переселения в Грузию. Еще одно сведение, способное пролить свет на интересующий нас вопрос содержится в прошении Джумшуда и Фридона И.В. Гудовичу от 1 августа 1797 года. В нем мелики в частности пишут: "Однако за возвращением войск е.и.в. в Россию дело спасения нашего и в сие время не достигло благополучного конца, а упоминаемый Ибреим-хан, под видом якобы я с россиянами имел согласие, что и в самом деле было, взыскал с меня семьдесят тысяч рублей денег, разграбив при этом дом и все имение мое, и тем спас себя от томления мучителя (Остается непонятным, о ком именно говорится в этом абзаце. – авт.).

После того отправили мы мелика Абова в Тифлис к г. ген. Римскому-Корсакову и потом к г. полковнику Нелидову, чтобы было позволено находящемуся в Ганже войску российскому приближаться к владению сего мелика, в 30-и вер-

стах от Ганжи отстоящему, для забрания имения нашего с семействы; но они не имев на то повеления, не могли подать нам пособия".

Отступление русских войск, как было уже сказано, началось в конце 1796 начале 1797 года. Исходя из этого можно сказать, что описанная в этом прошении поездка Абова в Тифлис, имела место не ранее начала 1797 года. Внимательное прочтение этого отрывка позволяет нам говорить, что ко времени поездки Абова в Тифлис его подданных в Карабахе уже не было. Прийти к такому заключению помогают следующие нехитрые логические рассуждения:

1. Джумшуд и Фридон пишут, что направили, а говоря более ясно, попросили поехать Абова в Тифлис, но не указывают, где в это время находился сам Абов. Он мог поехать в Тифлис из Карабаха, из Гандзака, из Болниса или откуда-то еще.

2. Поехавший в Тифлис Абов должен был попросить у русских генералов соизволения, чтобы находившееся в Гандзаке войско переселило из Карабаха подданных только Фридона и Джумшуда, а не своих подданных в том числе.

Последнее можно объяснить только тем, что таковых в Карабахе к тому времени уже не было. Часть этих самых подданных Абов, по всей вероятности, вывез с собой в Грузию, часть принадлежали Фридону, а основная часть рассеялась в сопредельных областях и странах, спасаясь от голода и разорения.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что отъезд (переселение) Абова в Грузию имело место не ранее декабря 1796 года (если принимать за правду сведение Раффи о роли Абова в занятии русскими войсками Гандзака) и не позднее весны 1797 года – начала второго нашествия Ага-Мамед-хана на Карабах, ибо, согласно тем же Джумшуду и Фридону, Абов был "направлен" ими в Тифлис до вышеупомянутого нашествия. Относительно переселения Абова в Болнис необходимо отметить также, что оно соответствовало интересам не только гюлистанского властителя, но и грузинского царя Ираклия (см. вышеприведенный отрывок из письма Абова Минасу Лазаряну).

Завершая рассказ о времени и обстоятельствах переселения Абова в Грузию, следует отметить также, что Болнис был не единственным местом, где мог поселиться Абов. Этому пустынному, незаселенному краю Грузии имелась другая, более благополучная и благоустроенная альтернатива – исторический армянский гавар Лори.

В 1790 году этот гавар Ираклий подарил известному индийскому армянину, сподвижнику дела восстановления независимой Армении – Шаамиру Шаамиряну. В 1792 году, как пишет Лео, Шаамирян в письме католикосу Гукасу высказал намерение: "передать, город Лори вместе со всем гаваром мелику Абову, которого он называл любимцем" Однако Абов, неизвестно почему, отказался от этого щедрого подарка, о чем в своем письме от 10 мая 1796 года Шаами-

рвану сообщает грузинский царевич Георгий.

Этим пока ограничим наш рассказ о жизни Абова и попытаемся восстановить основные вехи в жизни другого представителя рода Мелик-Бегларян – Фридона, сына Беглара.

Фридон.

23 июня 1797 года грузинский царь Ираклий II отправляет российскому канцлеру князю А.А. Безбородко письмо следующего содержания: "Жительствующий в Карабаге князей меликовых армянский народ из давних времен имеет желание переселиться на жительство к христианам, дабы тем избавиться от рук неверных, и от претерпеваемого им там великаго угнетения. Почему карабагския князья мелик Джимшид, сын Мелик шахназаров и Мелик Придон, сын мелик Бегларов ныне, нашед удобной случай, купно и с семействами своими из Карабаге уехали и прибыв к нам, объявили свое желание о вышешоказанном армянскаго народа переселении и о желании их для сего отправиться к высочайшему е.и.в. двору; а как е. Пр-во архиепископ гаосиант князь Иосиф Долгоруков Аргутинский по высочайшему повелению с победоносным российским воинством сюда приехавший и здесь находившийся отправился в Россию, то мы при сем случае помянутых князей меликовых с ним и отправили, коих имею честь препоручить в высокое в.св. покровительство, прося удостоить их допущения к себе для подробнаго о своих обстоятельствах донесения и удостоить также представления е.и.в., дабы помянутые христиане колеблющиеся

от беспокойства чрез ходатайство ваше избавились от угнетения".

Какое же "великое угнетение" заставило Фридона и Джумшуда оставить родину? Что вообще предшествовало этому? Как проистекала жизнь наследника мелика Беглара после смерти последнего? Ведь после скупого упоминания Раффи о том, что после смерти Беглара Фридон из-за малолетства не смог унаследовать власть отца, выше приведенное письмо Ираклия – первое по хронологии сведение (доступное нам), где упоминается имя Фридона. Жизнь этого отпрыска Мелик-Бегларянов за более чем 15 лет, прошедших после смерти его отца (а как вы помните, Беглар умер в конце 1779 – начале 1780 года) так и осталась бы тайной, если бы ни его многочисленные прошения, обращения различным высокопоставленным русским деятелям, в том числе и императору Павлу I, сделанные после упомянутого в письме Ираклия переселения из Карабаха. Почти во всех этих прошениях Фридон, прежде чем собственно саму просьбу, дает нечто вроде автобиографической справки. Прочтение любого из этих обращений дает нам в той или иной степени целостное представление о его отрочестве и начале зрелой жизни. Проследить указанный период его жизни мы решили, не пересказывая содержание его прошений, обращений и писем, а цитируя одно из них, на наш взгляд, самое подробное с биографической точки зрения, в случае необходимости комментируя и сопоставляя с другими свидетельствами.

Итак, послушаем Фридона. 23 декабря 1798 года он пишет в прошении Павлу I, в частности, следующее: "За 20 лет перед сим ген. Гр. Суворов, что ныне фельдмаршал в.и.в, находясь в Астрахане, писал оттуда в Карабах к отцу моему мелику Бегляр Иосифову, и величайшим именем покойных родительницы в.в. предлагал, что буде он мо православию имеет желание с подданными своими выйти в Россию, все-милостивейше будет принят в высокое всероссийского двора подданство, на что родитель мой и отвечал, что когда при-шлется туда победоносное войско российское, то он снабде-вая оное на свое иждивение потребным на чужой стороне содержанием не оставит купно с ним и своими подданными всеохотно выйти в Россию".

Здесь Фридон несколько "корректирует" историю, рисуя события прошлого в выгодном для себя свете: прося у Павла соизволения и помощи для переселения своих подданных в Россию, Фридон стремится показать, что такого рода прошения делались армянскими меликами и в прошлом, и тогда это было благосклонно воспринято военно-политическим руководством России. В качестве подтверждения Фридон указывает на никогда не имевшее место обещание Суворова Беглару переселить его вместе с подданными в Россию. Между тем известно, что такая перспектива в ходе подготовки к Персидскому походу в начале 80-х не рассматривалась. Да и армянские мелики того времени с подобными просьбами к России не обращались. Они лишь просили "о

спасении от врагов своих" и желали с помощью победоносных войск императрицы стать "победителями и гонителями врагов Христога креста".

Далее Фридон пишет: "После чего по несчастному случаю в сражении против всегдашних нам врагов лезгинов убит. Я же тогда оставался малолетен. Спустя несколько лет после этого ген Потемкин, прибыв на Кавказскую линию и не зная ничего о памянутой кончине родителя моего, писал к нему ж, что по желанию его дано повеление победоносному российскому войску идти в Грузию под предводительством полк. Бурнашова, и чтоб он, родитель мой, готовился с своими подданными к выходу из Карабага, которое письмо, как уже родители моего в живых не было, принял я с пролитием многих слез радости. Но Ибрагим Халиль хан шушинский, не доверяющий никому из христиан, и имеющий над ними тысячи присмотрщиков, проведав об оном письме и что войско российское дошел до Генжи, не останавливаясь, по повелению возвратилось обратно в Грузию, оставя меня жертвою, напал на меня и на мое имение, и разграбил оное до основания".

Данный абзац также содержит в себе несколько неточностей. Так, приближение Бурнашева к Гандзаку имело место, как известно, в 1787 году. Потемкин, якобы сообщивший Беглару об этом, не мог не знать, что к этому времени Беглара не было в живых, ибо еще в начале 1780 года русским известна была информация, правда непроверенная, о гибели

ли Беглара. Вышеупомянутое письмо Потемкина по всей вероятности имело совершенно иное содержание. А о приближении Бурнашева к Гандзаку Фридон узнал из другого источника. Наряду с этим, процитированный абзац свидетельствует, что в злосчастном 1787 году гонениям и притеснениям за пророссийскую ориентацию в числе других подвергся и Фридон. Данное обстоятельство можно рассматривать как косвенное свидетельство его совершеннолетия в этот момент, а это значит, что примерный год рождения Фридона следует искать во второй половине 60-х годов XVIII века.

Фридон, как видно из продолжения того же прошения, разделил судьбу Абова и Меджлума и вынужден был искать спасения бегством из Карабаха. "Я, – пишет он, – видя толикую себе гибель и разорение для спасения жизни своей, принужден был оставя всех подданных моих с одним семейством моим бежать в след за войском в Грузию, где вступив в службу е. выс. покойного грузинского царя Ираклия Теймуразовича и претерпевая крайнюю во всем нужду за разграблением в Карабаге моего имущества, находился до самого начала прошедшей войны с Персией, и известись, что уже она открыта, и что предводительствуем российским победоносным войскам ген. гр. Зубов, отправился к нему в армию с тем, чтоб служа всероссийскому императорскому престолу под прикрытием войска его вывести в Россию оставшихся в Персии моих подданных. Но как и сей армии предписано было не совершив освобождения нас от ига варваров возвра-

тяться в Россию, то я едуци из оной паки в Грузию на пути не мог укрыться от поисков Ибрагим Халиль хана, кои его люди поймав меня предали всей его жестокости”.

Убежав, как и Абов с Меджлумом к Ираклию II, Фридов, в отличие от них, не смог победоносно вернуться на родину, что, вероятно, объясняется его молодостью, неопытностью и, как следствие, отсутствием воинского авторитета среди бежавших, как и он, в Грузию карабахцев. У Ираклия Фридон оставался целых 9 лет и, услышав про поход Зубова, отправился в его армию. Говоря о мотивах своей поездки в армию Зубова, Фридон, возможно, и здесь пытается "подкорректировать" прошлое, по крайней мере такое ощущение возникает при сопоставлении данного прошения Фридона с написанным им, совместно с Джумшудом прошением графу Гудовичу от 1 августа 1797 года. В этом прошении причиной поездки Фридона к Зубову названо не желание с помощью русских переселить своих подданных, а готовность "споспешествовать в истреблении сопротивных и свержении с нас незаконного ига их". Что же касается учиненных Ибрагим-ханом притеснений за сотрудничество Фридона с русскими, то этот факт является лишним доказательством того, что слова шушинского Хана о признании над собой верховенства России были лицемерными, коварными и лукавыми.

В руках Ибрагима Фридон оставался недолго. От пыток и издевательств его спас родной дядя (брат матери) Джумшуд Мелик-Шахназарян, выплатив шушинскому хану 10 тысяч

рублей. Произошло это непосредственно перед вторым нашествием Ага-Мамад-хана на Шуши.

А вот как описывает дальнейшие события сам Фридон: "Но по нашествии на Карабаг Аги-Мугаммед хана, от коего мучитель Ибрагим Халиль хан сам принужден бежать к лезгинцам и по ограблении им остатков имение благотворителя моего высоко почтенного дяди мелика Джумшуда, и когда сам Ага-Могаммед хан в Карабаге от-своих убит, я с помянутым дядею моим удалился оттуда в Грузию, куда после того, и именно в прошлом 1797 г. в сентябре месяце братья мои и другие дяди по смежности владения моего с оным царством вывели всех моих подданных числом до 1000 семей, коих е. выс. царь Георгий Ираклиевич с благоволением принять изволил".

Ага-Мамед-хан был убит в Шуши 6 июня 1797 года руками своих вчерашних единомышленников, недовольных чрезмерно жестоким отношением к себе. Уже через 17 дней, как явствует раннеприведенное письмо Ираклия, Джумшуд и Фридон были в Тифлисе. Это значит, что их выезд из Карабаха после убийства шаха был незамедлительным. Что же представлял тогда собой Карабах? Это была разрозненная, разрушенная страна, измученная многолетними войнами и набегами. Вдобавок 1797 год выдался на редкость неурожайным. В крае начался небывалый голод. Положение было настолько катастрофическим, что согласно тюркским преданиям часть населения опустилась до каннибализма, а армян-

ские источники называют случаи вынужденной продажи детей в рабство. Положение еще ухудшила возникшая эпидемия холеры. Население Карабаха стало покидать тысячелетнюю родину, спасаясь от голода и болезней. В крае воцарилась мертвенная, пугающая тишина. 1797 год можно считать годом окончательного упадка страны Хамсы. Вот в таком положении была их родина, когда Джумшуд и Фридон оставили ее и отправились искать счастья на чужбине. Было это, как мы уже говорили, между 6 и 23 июня 1797 года. Вскоре, как пишет Фридон, в Грузию, которая, по выражению Лео, была для карабахцев в то время "землей обетованной", направились "братья и другие дяди" Фридона, выводя с собой 1000 семей его подданных. Примечательна фраза "другие дяди". В армянском варианте этого прошения говорится о братьях отца Фридона (в армянском языке, в отличие от русского, братья матери и отца обозначаются разными словами). Множественное число (дяди), использованное Фридоном, свидетельствует о том, что у его отца – Беглара, помимо Абова был по крайней мере еще один брат. Учитывая, что Абов в это время жил в Болнисе, а следовательно, к выведению подданных Фридона не мог иметь никакого отношения, можно предположить, что кроме Абова у Беглара было как минимум два брата.

Стремление меликов перейти под покровительство России нашло понимание и поддержку со стороны русских военных и политических деятелей. Спустя немногим более меся-

да после письма Ираклия князю Безбородко – 1 августа 1797 года – мы видим меликов в Георгиевске, где они в прошении к Гудовичу просят соизволения вместе со своими подданными поселиться на Кавказской линии. Число своих подданных мелики оценивают в 11 тысяч семейств, из которых 5 тысяч живут в Шаки и в Ширване (вероятно, переселились туда вследствие известных событий в Карабахе), а 6 тысяч – в самом Карабахе, для вызволения которых мелики просят употребить находящееся в Тифлисе российское войско. 10 августа Гудович сообщает об этом прошении меликов Безбородко добавляя в конце, что отправил меликов до дальнейших распоряжений в Астрахань "армянский архиепископ Иосиф, отправляющийся в Санкт-Петербург, зделает в.с. по сему предмету подробные донесении".

7 октября того же года Гудович получает "Указ Павла I о принятии в российское подданство карабахских меликов", в котором император предписывает Гудовичу сделать все нужные распоряжения для переселения 11 тысяч семей подданных меликов. В конце своего указа Павел добавляет: "А между тем, помянутых двух меликов, по желанию их, отправить в столицу нашу, донеся нам предварительно, какое вы с ними соглашение и распоряжение учините".

Однако просьба меликов относительно переселения столь большого числа своих подданных вскоре была отвергнута русскими военными, так как это предприятие чревато было "большими-иждивениями" и подразумевало необходимость

послать войска "в их жилище". Между тем, предписание императора об отправке меликов в столицу было исполнено. 9 марта 1798 года Джумшуд и Фридон подали императору Павлу I прошение, состоящее из 4 пунктов, которые сводились к следующему:

1. Принять под покровительство России Карабах, по праву и наследству принадлежащий армянским меликам, а не шушинскому хану (который в результате очередного подарка судьбы – убийства Ага-Мамед-хана – вернулся в Карабах).

2. В случае неприемлемости по какой-либо причине этого, предложения мелики просят 12 тысяч русских солдат, чтобы при помощи их вывести из Карабаха оставшихся там христиан и верных им (меликам) магометан, а также других армян, находившихся в Шаки и Ширване. Число своих поданных мелики на этот раз определяют в 20 тысяч семейств и просят при благополучном исходе данного предприятия отдать им под поселение "ту пространную землю, которая от местечка Мошарь простирается до Екатерин(о)-града и окружностей его...»".

3. Если же и первое, и второе предложения окажутся неблагоугодными, то мелики просили у Павла по крайней мере повелеть грузинскому царю отвести им под поселение древнюю армянскую область (наанг) Гугарк "ныне Хазах именуемую и простирающуюся до провинции Лоры".

На случай, если Павлу "не благоугодно будет снизойти ни на который пункт вышеозначенных прошений", мелики про-

сили его самому решать и участь ("ожидаем судьбины, какую угодно будет вам").

Вот перед нами краткий пересказ содержания прошения. Нельзя не заметить то отчаяние с которым излагалась последняя просьба. Очевидно, что самым приемлемым, наименее проблематичным для России был третий пункт прошения. Для реализации любого из первых двух пунктов требовались известные издержки и фактически новая Персидская кампания. Ясно, что пойти на такие жертвы Россия не могла, да и не хотела. Проблематичность реализации четвертого пункта, по-видимому, заключалась в том, что Павлу и его окружению трудно было бы найти область, где можно было бы с выгодой для России употребить умения и навыки простосердечных, малограмотных, не говорящих по-русски горских князей. Да, третий пункт прошения меликов был самым приемлемым для Павла. Однако и его реализация была сопряжена с проблемами. Дело в том, что, вернув свои войска на Кавказскую линию, Россия фактически добровольно отказалась от своего влияния в Грузии. Назад в Россию были отозваны даже те два батальона, которые находились в Тифлисе с 1783 года, с момента подписания Георгиевского трактата. Иными словами, Грузия была предоставлена сама себе, лишена покровительства, попечительства России. Грузия рассматривалась с точки зрения внешней политики Павла в лучшем случае как союзница и уже не подопечная и не вассал. Исходя из этого, российский император не мог пове-

левать грузинскому царю совершить те или иные действия. Именно по этой причине удовлетворение просьбы меликов оттянулось почти на полтора года.

В 1799 году Россия, внемля многочисленным просьбам грузинского царя Георгия XII, возобновила свое присутствие в Грузии, направив один из своих полков под командованием генерала Лазарева в Тифлис. Политическое присутствие олицетворял собой государственный советник Ковалевский, ставший послом России при Грузинском Дворе (в свидетельствах он нередко упоминается как министр по Грузии). 2 июня того же года наконец-то благополучно разрешилась просьба Джумшуда и Фридона. Именно в этот день увидела свет "Грамота Павла I карабахским меликам", та самая грамота, вступительная часть которой начинается следующими, известными многим словами: "Державной и знаменитой Карабахской области благородным меликам, Джимшиду Шахназарову, владельцу вارانдинскому и Фридону Бегларову, владельцу гюлистанскому, и всем прочим оной знаменитой области владельным меликам и юс-башам и всему народу наша императорская милость и благоволение". После этого пространного обращения Павел объявляет меликам, в частности, следующее: "[Мы] соизволили предоставить вышеозначенному царю» (Георгию. – авт.) отвести просимую вами для поселения землю Хазах, буде не занята, или другую по вашему желанию и оставить вам над подвластным вам армянами, кои добровольно из Карабага к вам переселиться

пожелают, ту самую власть и преимущества, какия в прежней отчизне вы имели, о чем не оставили мы его высочеству сообщить нашу императорскую грамотаю".

Упомянутая грамота Георгию датирована 3 июня 1799 года и по содержанию во многом сходна с пожалованной армянским меликам, что в ней Георгию предписывается воплотить в жизнь обещания, данные Е.И.В. меликам. Гергий XII выполнил возложенные на него императором обязательства, выделив меликам земли на территории исторического армянского Гугарка. Фридон получил часть гавара Борчалу, мелик Джумшуд – гавар Лори.

Джумшуд и Фридон, последовав примеру Абова, смогли, покинув родные вотчины, обосноваться в более или менее благополучной Грузии и даже в собственность определенные территории. Однако Грузия так и не стала для меликов второй родиной, оставаясь лишь временным пристанищем.

Чужбина, не ставшая родиой

История колоний карабахских переселенцев в Грузии исследователями освещена довольно подробно и обстоятельно. Посему, во-избежание лишних и ненужных, повторений мы ограничимся лишь кратким обзором событий данного периода, особо не вдаваясь в подробности.

Судьба меликов, избравших Грузию пристанищем себе и своим подданным, сложилась по-разному. Из них только одному Абову удалось добиться положения, сколь нибудь сопоставимого с той степенью величия, которой он, не взирая ни на что, обладал на родине – в Карабахе. По свидетельству представителя России при Грузинском Дворе Петра Коваленского Абов в 1800 году имел до семисот домов подданных и в случае необходимости мог поставить под ружье до 1000 человек, "годных к сражению и под предводительством отличных по здешнему воинов". Возможности двух других меликов по оценке того же Коваленского были значительно скромнее: "Мелик Джумшуд и Мелик Фридон едва ли по сту семей подданных своих, имеют, кроме пожалованных первому е.выс. царя, принадлежащих к крепости Лори, ему во владение отданных деревень".

Двести семей подданных – это ничтожно малая часть того, чем владели Фридон и Джумшуд в Карабахе. Если вы помните, сами эти мелики оценивали количество своих под-

данных, которых следовало вывести в Грузию или Россию в одиннадцать, а то и двадцать тысяч семейств, не считая тех 1000 семейств, которых, по выражению Фридона, вывели из Карабаха в Грузию его "брат другие дяди". (Остается непонятным, куда потом делись эти самые 1000 семейств.)

Надо сказать, что называемые меликами данные о количестве своих подданных выглядят вполне правдоподобными на фоне многочисленных независимых друг от друга сведений о плотности народонаселения Карабаха в XVIII веке. Так, в одном из своих рапортов 1804 года князь Цицианов, бывший в то время главнокомандующим в Грузии, приводит сведение, согласно которому армянское население Карабаха до известных потрясений 1790-х годов составляло 60 тысяч домов. Разделите это число на 5, и получится, что к моменту переселения меликов в Грузию в каждом меликстве Карабаха проживало в среднем 12 тысяч семейств. Если даже допустить, что эти данные завышены, скажем, в 2 раза, то опять-таки получится, что Джумшуд и Фридон, оценивая совокупное количество своих подданных в 11 тысяч семейств, не грешили перед истиной.

Таким образом, к 1800 году вышеназванные мелики владели 1-2% от совокупного количества когда-то имевшихся у них подданных, а это значит, что мощь и влияние Джумшуда и Фридона к этому времени, по сравнению с более ранними периодами, уменьшились как минимум в 50 раз. Соответственно ухудшилось и их благосостояние, ибо помимо

подавляющей части подданных они лишились и своего движимого и недвижимого имущества. Чтобы вырваться из этого бедственного, незавидного положения, Джумшуду и Фридону жизненно необходимо было увеличить количество своих подданных, присовокупив к уже имеющимся вновь выведенных из Карабаха. Вывести новых подданных из Карабаха мелики могли, только снарядив поход, для чего необходимы были материальные и людские ресурсы. Таким образом, получался заколдованный круг, который мелики так и не смогли разорвать. Возможно, в этом и заключается причина того, что при первом же удобном случае Джумшуд вместе со своим племянником (сыном сестры) Фридоном вернулись на родину.

Такая возможность выдалась спустя более чем 7 лет после переселения Джумшуда и Фридона в Грузию и явилась следствием очередного изменения внешнеполитического курса России в отношении Закавказья. И на этот раз смене курса предшествовала смена самодержца России. В 1801 году вместо убитого Павла I на престол взошел Александр I. 12 сентября того же года новопомазанный царь подписал манифест, по которому Грузия объявлялась частью Российской империи. В следующем 1802 году главнокомандующим в Грузию был назначен князь Цицианов.

В начале 1804 года русские войска под предводительством Цицианова заняли Гандзак. 14 мая 1805 года Цицианов и шушинский хан Ибрагим подписали Куракчайский до-

говор, по которому "Карабах на вечные времена вступил, в русское подданство". Именно после подписания этого трактата мелики и вернулись на родину. Вместе с Фридоном в Карабах возвратился и его брат – Сами. Еще один брат Фридона – Багир остался в Грузии, а Агабек отправился в Индию. Однако и на родине Фридон не смог вернуть себе потерянные однажды покой и счастье. Но об этом потом.

Жизнь мелика Абова в Грузии, как было уже сказано, сложилась совершенно иначе. По характеристике Лео, он являлся очень сильным властителем и играл выдающуюся роль среди общей слабости и неурядиц Грузии".

А вот мнение об Абове его современника – российского представителя при Грузинском Дворе – Петра Коваленского: "...сей мелик, но предприимчивости и отличному военному духу, коими он в здешних странах славится издавна, подает превосходнейшую о себе надежду в оказании при удобном случае подвигов своих, на службу высочайшему всероссийскому престолу".

Надо сказать, что Коваленский не ошибся. Абов совершил не один подвиг во славу России, став надежным защитником границ ее подопечной Грузии, держа в страхе своими дерзкими, известными еще с Карабаха вылазками соседних правителей.

В отличие от Джумшуда и Фридона, Абов был довольно состоятельным правителем и мог позволить себе организовывать походы в Карабах и обратно, увеличивая тем самым

число своих подданных. По свидетельству Коваленского, после приезда его (Коваленского) в Грузию Абов вывез "из заграницы" более трехсот семей своих подданных. Благосостояние Абова еще более увеличилось после того, как царь Георгий назначил его в 1800 году "Караванбашием над караванами из областей наших засолью ездящими". "Значение этой должности, – пишет Раффи, – было в том, что он (Абов. – авт.) должен был содержать на дорогах дозорные посты, его всадники должны были сопровождать караваны от одного привала до другого, чтобы не встретилась опасность. За такой дозор люди мелика получали с каждого груза по одному рублю в пользу мелика".

Естественно, рост материального благосостояния Абова явился прямым следствием укрепления его военной мощи. Авторитет мелика и его воинов был настолько велик, что увидеть его в стане своих союзников желали многие современные ему деятели. Это и восставший против Османского правительства ахалцхинский паша Шериф, и избравший антироссийскую линию грузинский царевич Александр вместе со своей матерью – царицей Дариджан, и даже встревоженный слухами о нашествии лезгин командующий русскими войсками в Грузии Лазарев.

Наряду с уважением и мощью Абов приобрел также множество злопыхателей и врагов. В первую очередь это были представители грузинского дворянства. Не пылали горячей любовью к Абову и Джумшуд с Фридоном. Но особенно

сильно навредил ему генерал Лазарев, сочетавший просьбы о сотрудничестве с интригами против армянского мелика и пытавшийся выставить его ненадежным элементом, чуть ли не изменником в глазах русского военного командования на Северном Кавказе, которое в результате "стараний" Лазарева стало относиться к Абову с опаской и недоверием.

Однако Абов, который еще в 1800 году поклялся на верность России, обязуясь служить верой и правдой и подчиняться во всем "великому императору Павлу Петровичу, самодержцу, всея Руси и его наилубимейшему сыну и цесаревичу и великому князю Алексаидру Павловичу, не жалея жизни, до последней капли крови", своими действиями показал, что не отступал от своих обязательств и не отрекался от них. На алтарь продвижения русского дела он положил самое дорогое, что у него было, жизнь своего первенца, Ростом-бека. В 1804 году осадивший Ереванскую крепость князь Цицианов фактически сам оказался в окружении персидских войск. Ростом-бек вместе со своими 60 храбрыми всадниками и 500 русскими солдатами дважды прорывал окружение, доставлял Цицианову из Тифлиса оружие, порох и продовольствие. Когда Ростом во главе своих храбрецов пытался осуществить третью вылазку, он столкнулся с превосходящими силами противника. Подавляющая часть его всадников и русских солдат были убиты, сам Ростом, трижды раненый, был схвачен персами в плен и отправлен в Тебриз, где после нескольких месяцев заточения и отказа принять

магометанство был обезглавлен.

С гибелью сына, неприятности Абова не закончились. Вновь заявило о себе далеко не миролюбиво настроенное к нему грузинское дворянство. Сформировавшаяся в Грузии, военная и чиновничья бюрократия все чаще стала, выказывать неуважение к его правам. На права армянского мелика стали покушаться даже представители низшего командного состава российских войск. Вот один из таких примеров: в ноябре 1806 года Абов в прошении к И.В. Гудовичу, сменившему на посту главнокомандующего в Грузии трагически погибшего в том же году Цицианова, сообщает о притеснениях, учиняемых казаками жителям его деревни Болнис, прося Гудовича "о приказании наследования такового поступка". Этот маленький инцидент является наглядным свидетельством того, что тому времени слава Абова приближалась к закату, и командование окончательно закрепившихся в Грузии российских войск стремилось пренебрегать его интересами. Безусловно, всего несколько годами ранее, в период могущества Абова, такое отношение к нему со стороны кого бы то ни было трудно было, представить.

Данное прошение Абова содержит помимо всего прочего одну любопытную деталь. Суть ее в следующем. Под русским текстом прошения стоит подпись Абова по-армянски "кнез мелик Апов, мелик Иосепян". Очевидно, что "кнез" есть видоизменение "князя". То, что Абов употребляет это слово в сочетании со словом "мелик", свидетельствует о том,

что он в данном случае не считает эти два слова синонимами. А это в свою очередь означает, что Абов помимо армянско-персидского титула "мелик" носил также эквивалентный с ним грузинско-русский титул "князь". Безусловно, этот титул был пожалован ему Ираклием. Если вы помните, об этом недвусмысленно говорит сам Абов в письме к Минасу Лазаряну: "[Ираклий] заверил нас, чтобы мы пришли к нему, обосновались в его владениях и признавались равными с его первейшими тавадами и князьями. Мы пришли. Согласно своему обещанию царь дал нам Болнис, а в своем дворце назначил нам место выше всех своих старшин". Однако ни пожалованное Ираклием высокое дворянское звание, ни службы Абова во славу Грузии и России не смогли уберечь его от посягательств на его права недругов и самоуправства военной бюрократии. Это видно из продолжения только что прерванного нами письма: "...и так было до смерти Ираклия и Георгия. Сейчас же у нас нет ни земли, ни имений, ни даже почета, ибо все обижают нас, стараются отобрать у нас Болнис и требуют десятую часть наших трудов. Все это до такой степени неприятно нам, что мы более не желаем жить здесь. Только после того, как я строениями и жителями довел до расцвета эту область, очистил ее от всех врагов и дикарей, явились разные хозяева, одни из которых требуют каналы, другие – горы, третьи – землю...". Далее Абов просит Лазаряна довести до Е.И.В. просьбу о соизволении ему переселиться в Карбах и постараться добиться положительного

разрешения этой просьбы, обещая Лазаряну возместить все расходы. В то же время Абов напоминают Лазаряну о своих службах России, безусловно, с тем, чтобы Назарян в свою очередь известил об этом царя. "Что мне еще делать, – пишет Абов, – имел я первенца – Ростом-бека, сына старости моей и наследника предков моих. И его я принес в жертву моему самодержавному и наидобрейшему императору. Того, что я сделал и сейчас делаю, никто не в силах сделать более"; Далее Абов перечисляет все свои услуги и всех тех людей, которым он их оказывал, и с горестью заключает, что ни один из них не отблагодарил его и даже не сообщил о его услугах императору. Среди последних он называет и графа Гудовича: "...не меньше услуг я оказал и графу Кутовичу... Этот тоже подобно другим не оценил, не остался благодарным и даже ничего не сообщил обо мне императору... Я много раз просил (его), чтобы разрешил нам, подобно мелику Джумшуду, перебраться на родину – в Карабах. Но он не захотел, ответив, что если мы оставим эту страну (Грузию), тогда Болнис исчезнет, а ахалцхинцы, лезгины и другие, дикари уничтожат села в окрестностях Тифлиса. Но когда мы говорим: "Т.к. Ираклий пожаловал нам Болнис со всеми землями, водами, лесами и др., утвердите все это за нами", он отвечает: "Я не могу дать вам чужие владения". Завершая свое письмо, Абов еще раз просит Лазаряна походатайствовать перед императором об удовлетворении его просьбы вернуться на родину. Помимо этой основной просьбы Абов просит Лаза-

ряна хлопотать, чтобы:

- 1) ему была назначена государственная пенсия взамен пожалованной ему Георгием должности Караван-баши;
- 2) ему присвоили чин полковника за оказанные службы;
- 3) его сыну Есаи-беку и сыну сестры Адам-беку Мелик-Меджлумяну было присвоено звание майора.

Ни одна из просьб так и не была удовлетворена. В 1808 году Абова, его секретаря, а также сына Манас-бека во время одного из приемов отравили грузинские дворяне. Абов вместе со своим секретарем Мирза-Исабашханом умерли после непродолжительной болезни. Спасся только Манас-бек. Согласно Е. Лалаяну, прах Абова был перевезен в Орек и захоронен в родовой усыпальнице. Однако это сведение другими источниками не подтверждается.

После смерти Абова Манас-бек обратился к главнокомандующему в Грузии и на Кавказской линии генералу Тормасову (эту должность он занимал с 1808 года) с просьбой утвердить его в качестве владельца Болниса и болнисских жителей. В этой просьбе Манас-беку было отказано. В письме к генералу Сталю от 18 марта 1811 года Тормасов в качестве причины отказа удовлетворить просьбу Манас-бека называет следующее: "Болнисские жители суть собственность Г.И. и никому не принадлежат; мелик Багир-бек Бегляров управляет ими по выбору правительства и по собственному тех крестьян желанию, а из Карабага выведены они на прежнее жилище воинскою Российскойю командою без наималейшего

его (Манаса. – авт.) пособия..." Получив такой ответ, Манас с частью своих подданных вернулся на родину, отказавшись от претензий на Болнис, подаренный когда-то Ираклием его отцу – мелику и князю Абову Мелик-Овсепяну – Мелик-Бегларяну. Так завершилась история колоний карабахских переселенцев в Грузии. Оставшаяся их часть также постепенно вернулась на свою родину. В Грузии осталось ничтожно малое количество переселенцев. Вскоре в Карабах вернулись и дети Багир-бека Мелик-Бегларяна (вероятно, после смерти последнего). Таким образом, ни одному из переселившихся в Грузию меликов не удалось достичь устойчивого, долговременного положения. По прошествии определенного периода времени родина поманила их, либо их детей назад к себе. "Идея родины, – как пишет Лео, – снова доказала, что пренебречь, ею нельзя.

Потомки

Чем же встретила родина вернувшихся сыновей и дочерей своих? Карабах с 1805 года находился под русским владычеством, окончательно закрепленным Гюлистанским мирным договором между Россией и Персией от 12 октября 1813 года. Однако это было не то владычество, которое с таким вожделием ждало не одно поколение карабахцев. Установленный Цициановым протекторат гарантировал карабахским армянам в лучшем случае физическое существование. Ни о каком восстановлении национально-государственных устоев не могло быть и речи, ибо, подписывая Куркчайский трактат, "князь, Цицианов, – как пишет Потто, – именем государя поручился за сохранение целостности владений Ибрагим-хана и за преемство ханской власти наследственно в его нисходящем потомстве".

Вернувшись домой меликам и их отпрыскам оставалось принять сложившийся порядок вещей и постараться выжать из этой ситуации максимально возможные для себя выгоды.

К чести потомков мелика Беглара и мелика Абова, они справились с этой задачей блестяще. Потомки гюлистанских князей были единственными в Карабахе, которые смогли после всех известных потрясении вернуть себе и сохранить вплоть до XX века подавляющую часть владений предков. В 1808 году в руках представителей этой фамилии находились

20 деревень в Гюлистанском гаваре. В 1882 году число этих деревень сократилось до 18-ти, а к концу века различные представители этого рода владели 14 деревнями с более чем 40 тыс. десятинами земли. Как видим, несмотря на неуклонное уменьшение владений, потомки гюлистанских меликов на пороге XX века продолжали владеть большей частью вотчины предков.

Старшие отпрыски меликских родов по возвращении из Грузии последовательно утверждались ханом меликами, а после упразднения в 1822 году Карабахского ханства русское правительство назначало их управляющими вотчиной своих предков (наибами магала).

После возвращения из Грузии потомки двух братьев – мелика Беглара и мелика Абова постепенно отдалились друг от друга, и в конце концов род гюлистанских властителей распался на две самостоятельные ветви – Мелик-Бегларяны и Мелик-Овсепяны. Ветвь Мелик-Овсепянов (потомки Абова) получила свою родовую фамилию от имени отца Абова – мелика Овсепя. Что же касается родовой фамилии Мелик-Бегларянов (потомки Беглара), то Лалаян считает, что произошла она от имени брата Абова Беглара. Однако, как мы уже говорили, с этой фамилией в исторических свидетельствах упоминаются мелик Абов и его сын, представитель ветви Мелик-Овсепянов, Манас-бек. Иными словам, эта фамилия является производным не от имени брата Абова – Беглара, а от имени пращура Беглара и Абова, другого гюли-

станского мелика – Беглара I. Вместе с тем, нельзя не отметить, что после смерти Беглара II фамилия Мелик-Бегларян стала общепринятой для его потомков. Никто из них не подписывался, скажем. Мелик-Фридонян или Мелик-Овсепян (по имени сына Фридона).

В первые годы после возвращения из Грузии потомки Беглара играли доминирующую роль по отношению к потомкам Абова, однако это положение они постепенно начали терять, и уже к середине века представители обеих ветвей окончательно уравнились в правах. Помимо этих двух ветвей род Гюлистанских властителей дал по крайней мере еще два ответвления.

Ниже мы излагаем все доступные нам сведения о всех этих ответвлениях.

Потомки Беглара.

Обширные сведения о жизни детей и внуков мелика Беглара после возвращения их на родину содержатся в рапорте главнокомандующего в Грузии ген. Ермолова императору Александру I от 7 сентября 1824 года. Необходимость написания этого рапорта была продиктована следующими обстоятельствами: отпрыски ветви Беглара и его сына Фридона, затеяв между собой спор по разделу владений своих предков, обратились сначала к нему, а потом и в Карабахский провинциальный суд "с просьбою о разделе между ними движимого и недвижимого имения". Карабахский провинциальный суд, рассмотрев данную просьбу, постановил разделить оспариваемые имения между детьми Фридона Мелик-Бегларяна, отклонив претензии других потомков Беглара. Ермолов в своем рапорте докладывает об этом императору, прося у Александра соизволения передать в вечное и потомственное пользование детям Фридона закрепленные за ними решением суда имения, но, прежде чем испрашивать такое соизволение и доложить императору о решении суда, Ермолов довольно подробно излагает суть конфликта и приводит сведения из недавнего прошлого, безусловно, для того, чтобы показать историческую обоснованность прав потомков Фридона на владения своих предков.

В контексте данной работы самым ценным в этом рапорте

те являются именно приводимые Ермоловым исторические сведения, ибо они, помимо того, что дают четкое представление о событиях, последовавших за возвращением Фридона на родину, раскрывают перед нами генеалогию первых двух поколений ветви Беглара.

Итак, послушаем генерала Ермолова: "...по вступлении хана Карабахского в подданство В. И. В., Фридон Беглярков возвратился в Карабаг и, приобретя новаго последнего хана (имеется в виду Мекти-Кули. – авт.) расположение, достиг до возвращения себе прежнего достоинства мелика. С ним возвратился один только брат Саам (Бегир же остался в Грузии, где и умер, а Ага-бек отправился в Индию): но и тот, нанеся ему в скором времени смерть, в предположение наследовать по нем меликство, скрылся в Персию, где и умер не достигши цели своей. По смерти Фридона Бегляркова осталось 6 малолетних сыновей; старшего из них Иосифа утвердил хан на место отца меликом..." Тут позволим себе прервать цитату и сделать несколько коротких ремарок. Упомянутый Ермоловым Багир также носил титул мелика, и, как известно, после смерти Абова русское правительство назначило его управлять болнисскими жителями. В одном из документов 1806 года Багир также упомянут с титулом мелика и вместе с меликом Абовом назван владельцем Гюлистана. Это более чем странно, ибо единственным, кто мог разделить с Абовов право именоваться владельцем Гюлистана, был здравствующий еще в 1806 году Фридон (Лалаян, побывавший на мо-

гиле Фридона в Ореке, приводит эпитафию, согласно которой Фридои умер 6 февраля 1808 года). Упомянутый Ермоловым другой брат Фридона, Агабек, в одном из документов 1811 года, написанном в индийском городе Мадрасе, называет себя «кнеаз Агабек Мелик-Беглреан». Это дает нам основание предполагать, что Агабек, подобно своему дяде, был причислен в ряд грузинских дворян. Не исключено, что этой чести были удостоены и другие дети Беглара.

Вернемся, однако, к рапорту Ермолова. Утвежденному на место отца Иосифу (или Овсепу) шушинский хан по талаше передал двадцать деревень в Гюлистанском гаваре. После нескольких лет управления Овсепом этим владением "... дядя его, Ага-бек, возвратись из Индии, стал претендовать на раздел онаго, как бы наеледственно принадлежащего ему с умершими братьями его, не в разделе бывшими. Вскоре потом возвратилось из Персии, после смерти Саама, семейство его, дочь которого Салты и сын Ной, как равно и дети Багир-бека Апов, Александр, Катевана, Амарнана и София, приступив к процессу дяди, произвели настоящую тяжбу". Мы уже говорили, чем закончилась эта тяжба. Судом единственными наследниками оспариваемых владений были признаны сыновья Фридона, которых Ермолов представляет следующим образом: подпоручик Иосиф, подпоручик Шамир, прапорщик Иван, Теймураз и Беглар. Если вы, заметили, изначально Ермолов говорил о шести, сыновьях Фридона, а наследниками его владения были признаны пятеро.

Причина, неупоминания шестого сына Фридона в качестве наследника, возможно, заключается в следующем: по сведению Лалаяна, "мелик Фридон отправил своего сына Дави-та учиться в Эчмиадзин, откуда он вместе со своим, наставником епископом перебрался в Индию и остался там". То, что Фридон имел шесть сыновей и среди них сына по имени Давид, подтверждает и Раффи: "Мелик Фрейдун оставил шесть сыновей: Мелик Овсеп, Шамирхан, Давид, который перебрался в Индию, Талиш, Теймураз и Беглар III". Нетрудно заметить, что Раффи называет тех же оставшихся на родине сыновей Фридона, что и Ермолов в своем рапорте, за исключением Талиша. Это дает нам основание предположить, что упомянутый Ермоловым прапорщик Иван Мелик-Бегларян есть одно и то же лицо с упомянутым Раффи Талишом Мелик-Бегларяном. Старший сын Фридона – Овсеп, согласно пятигорскому исследователю Юрию Асадову, в хрониках 1826 года, упоминается с титулом князя и воинским званием "поручик 42-го Егерского полка". В том же 1826 году во время очередной персидско-русской войны с Овсепом произошел занятный случай, после которого он недолгое время был в опале за якобы имевшее место, сотрудничество его, джрабердского мелика Вани и митрополита Саргиса Асан-Джалаяна с осадившим шушинскую крепость Аббас-Мирзой. Однако тщательное расследование показало, что обвинения в адрес армянских меликов и митрополита оказались беспочвенны и были сделаны, как пишет Потто,

"по наветам недоброжелательных людей..." Овсеп, по-этому ложному обвинению арестованный и отправленный в Баку для дальнейшей пересылки в Сибирь, как пишет Лалаян, "вернулся, в Игирмидорт и был назначен правительством наибом этого магала".

На этой должности, отмечает Лалаян, "он почти с меликскими правами правил своим народом до 1843 года, когда умер и был похоронен в родовой усыпальнице монастыря Орек".

Брат Овсеп – Шамир прославил свое имя отличной военной службой в русской армии. Вот, что о нем пишет в своем замечательном энциклопедическом справочнике "Армянские офицеры на царской службе" Юрий Асадов: "Мелик Бегляр Шамир-хан Фридунович – генерал-майор, князь. Потомок старинного карабахского армянского княжеско-меликского рода. В 1821 году упоминался в хрониках в качестве начальника штаба Главнокомандующего Кавказской армией России генерала А.П. Ермолова (1772-1861) В 1826-1828 годах принимал участие в русско-персидской войне"

Генералом Ша[а]мир-хана называет и Ш. Мкртчян, добавляя, что он "был начальником штаба, русской армии Ермолова, а впоследствии – секретарем и переводчиком Грибоедова в Персии".

Сведения о наличии у Шамира, или Шамир-хана, чина генерала, возможно, не совсем соответствуют истине. На это

нас наталкивает эпитафия с могилы Шамира, приводимая Кимом Каграманяном: "Полковник Шамирхан Фридонович Мелик-Бегларян из рода властительных меликов Гюлистана. Умер 30 августа 1850 года в возрасте 60 лет".

Согласно еще одной эпитафии, также приводимой Каграманяном, другой брат Овсеп – Теймураз также дослужился до чина полковника: "Полковник Теймураз Фридонович Мелик-Бегларян из знатного рода властительных меликов Гюлистана. Умер 18 марта 1878 года в возрасте 75 лет".

Умершего в 1843 году Овсеп, сменил его старший сын Фридон, прозванный Бёюк Ага (Великий господин). Этот отпрыск властительных князей Гюлистана поплатился жизнью за свою любвеобильность. "Он был убит, – пишет Лалаян, – неким Арутюном Григоряном, который сделал это, чтобы освободить свою жену из его когтей.

Его сын, – продолжает Лалаян, – Овсеп бек унаследовал родовые владения без каких либо меликских прав и ныне, как помещик, живет в селе Карачинар (напомним: Лалаян писал эти строки в 1899 году. – авт.)".

Помимо Овсеп Фридон оставил еще 3 сыновей: Арстам бека, Сергей бека, Алексан бека.

Раффи в 1882 году, путешествуя по Карабаху, на целую неделю остановился в Карачинаре и гостил у братьев Сергей бека и Алексан бека. Результатом той поездки Раффи стали не только "Меликства Хамсы", но и очерк (путевые заметки) "Два месяца в Агванке и Сюнике", где Раффи оставил нема-

ло лестных слов об отпрысках Мелик-Бегларянов вообще и о водимом им хозяйстве в частности.

Потомки мелика Беглара продолжали жить в Караничаре, ставшем после приезда Фридона из Грузии своеобразным центром Гюлистаиского гавара, вплоть до 50-х- 60-х годов XX века. Потом постепенно рассеялись по разным городам и весям Советского Союза. Последний их представитель в Карачинаре Датико умер в конце 60-х. Племянником этого Датико был известный футболист ереванского "Арарата" 60-х годов Константин Бегларян.

Потомки Абова.

Традиционно исследователи, начиная с Раффи, утверждают, что Абов оставил после себя трех сыновей: Ростома, Есаи (Саи) и Манаса. Имена всех трех сыновей упоминаются в исторических документах начала XX века. Так, Абов в своем письме Минасу Лазаряну упоминает Ростома, которого называет своим первенцем, и Есаи. Имя Манаса встречается, например, в названном уже нами письме генерала Торماسова генералу Сталю от 18 марта 1811 года, в котором Манас назван "Мелика Абова сын Манас-бек". Таким образом, документально подтверждаются мнения Раффи и других исследователей о том, что Абов имел сыновей с названными, именами. Вместе с тем ни одно из доступных нам свидетельств не содержит сведения, опираясь на которые можно категорически заявить, что у Абова было три сына. Вышеприведенные и подобные им документы позволяют всего навсего заключить, что Абов имел по крайней мере трёх сыновей.

Есть основания утверждать, что сыновей у Абова было как минимум пятеро. К такому выводу нас подталкивает следующая, весьма любопытная надпись со стены притвора Гандзасарского монастыря: "В год 1230 (1781) по воле господа, руками владыки католикоса Ованеса, я, Апо (можно прочесть также Апав. – авт.) узпаши сын Талишского мелика Овсепа и супруга моя hЭрикназ и сыновья – мелик Пеклар

и мелик Апо – нашими собственными средствами построили (восстановили. – авт.) множественными трудами крыши и разрушенные стены двух церквей святого престола Агванского Гандзасара, в память о нас и усопших нашим". Итак, Абов упоминает в этой надписи двух сыновей – Беглара и Абова (употребление титула мелика рядом с их именами, безусловно, есть излишнее восхваление и преувеличение их достоинств). Никаких иных свидетельств об этих сыновьях Абова нам неизвестно. Неизвестно также, почему Абов не упомянул в данной надписи других своих сыновей, например, своего первенца – Ростома. (Возможно, упоминание в надписи только двух этих сыновей объясняется тем, что они могли быть детьми Абова от второго брака. Как известно, Абов после смерти своей жены – дочери мелика Арстама, женился во второй раз. Восстановительные работы в Гандзасаре Абов мог бы совершить после второй женитьбы вместе со своей новой женой и рожденными сыновьями. С этой точки зрения неупоминание в надписи других своих сыновей – детей от первого брака, представляется нам объяснимым.)

Сведения о дальнейших поколениях ветки Абова крайне скупы. Ниже приводятся все имеющиеся на сегодняшний день у нас данные о каждом из сыновей Абова с кратким рассказом о потомках некоторых из них.

Ростом.

Этот самый старший из сыновей Абова. Как известно, он погиб в 1804 году, отдав жизнь ради продвижения русского дела, в Закавказье. Г.А. Акопян и В.К. Осипов, со слов одного из отпрысков одзунского рода Абовян, приводят сведение, согласно которому данный род берет начало от Ростомы. Трудно привести какой-либо источник, подтверждающий это сведение. Представляется вероятным, что родоначальниками одзунского рода Абовян были другие потомки Абова (см. об этом ниже).

Есаи (Сая).

Согласно Раффи и Лалаяну, этот сын Абова был вторым по старшинству после Ростома и был слеп на оба глаза, вследствие чего, после смерти Абова наследником его был признан не Есаи, а его младший брат Манас. К. Каграманян приводит эпитафию с одной из могил старого кладбища, деревни Норашен (Манаси Шен), в которой, безусловно, упоминается сын Есаи Беглар-бек: "Это могила Беглар-бека Мелик Есяна Мелик-Овсепяна. Сконч. 20 числа 9 месяца 1819 года". Заметим, что "мелик Есян" в данном случае означает сын мелика Есаи, а это значит, что сын Абова Есаи Мелик-Овсепян носил титул мелика. Сведений о других сыновьях, так же, как и внуках Есаи, к сожалению, нет.

Манас.

Единственный сын Абова, потомственная линия которого восстановлена во всех звеньях, вплоть до наших дней. Согласно Лалаяну, Манас определенный период времени занимал должность управляющего (наиба) Гюлистанского гавара (магала). Смерть Манаса, так же, как смерть его отца, и старшего брата, была насильственной: "...он был убит, – пишет Лалаян, – турками села Зейва, которые ночью, напав на его дом, хотели убить сына Согомон-бека, убившего одного из их товарищей по причине земельного спора".

Помимо Согомона, Манас имел по крайней мере еще одного сына по имени Абов. Эти сыновья Манаса оставили многочисленных потомков. Праправнуком сына Манаса является один из авторов данной работы В.К. Осипов.

Беглар и Абов.

Как уже говорилось о жизни и деятельности этих двух сыновей Абова ничего не известно, следовательно, рассуждать о том, оставили или не оставили они потомков, можно с большими оговорками. И тем не менее, как нам кажется, корни еще одной ветви гюлистанских властителей – рода Абовян из села Одзун гавара Лори должны нисходить именно к одному из двух братьев.

Род Абовянов в селе Одзун гавара Лори (того самого гавара, который Георгий XII подарил Джумшуду Мелик-Шахназаряну) известен с начала XIX века. К. Каграманян делает следующее предположение относительно времени и причин обоснования прародителей этого рода в Одзуне: "В 1790 году, когда Грузинский царевич Георгий отдал Лори индийскому купцу армянского происхождения Шаамиряну, последний не возжелал обосноваться там. Он намеревался подарить его своему любимцу – мелику Авову. (Об этом мы говорили на стр. данной работы. – авт.). Наверное, именно этим путем часть потомков Абова утвердилась в Лори – в Одзуне, стала известной рядом благоденствий. У церкви Одзуна сохранилось иж родовое кладбище" (В приложении к своей работе Каграманян приводит несколько эпитафий с этого кладбища.)

Еще раз подчеркнем, что по нашему мнению, прародителем этой ветви гюлистанских властителей был один из двух

сыновей Абова – Беглар или Абов. Велика вероятность того, что прародителем был второй из братьев – Абов. В пользу этого предположения говорит отсутствие в родоой фамилии данной ветви приставки "мелик", что может быть объяснено только тем, что основой для фамилии рода Абовян служило имя не мелика Абова, а его сына Абова, который после возвращения основной массы своих соотечественников, а также сородичей в Карабах, остался вместе со своими детьми в обжитом ими Одзуне, положив тем самым начало еще одному ответвлению рода гюлистанских властителей.

Итак, в начале XIX века род властительных, меликов Гюлистана распался как минимум на три ветви: Мелик Бегларяны, Мелик-Овсепяны и Абовяны. Между тем, выше-названные три фамилии есть не единственные ответвления рода гюлистанских Мелик-Бегларянов. Безусловно, этот род, подобно другим древним княжеским родам, в процессе своей многовековой истории давал еще множество ответвлений. Хотя, проследить весь процесс такого разветвления крайне затруднительно и практически невозможно. Любая работа в этом направлении будет неполной и незавершенной. Однако долг любого исследователя – опубликовать все известные ему подробности и крупницы сведений, касающихся какой-либо малоизученной проблемы. Только в этом случае, как нам кажется, можно сопоставляя и сравнивая различного рода сведения, собрать всю сложную мозаику и заполнить белые страницы истории той или иной страны, того или ино-

го народа, наконец, как в нашем случае, той или иной фамилии. Следуя вышеизложенному принципу, мы публикуем известные нам сведения о еще одной ветви княжеской фамилии Гюлистана.

Ответвление властвующей фамилии Гюлистана является и известный гюлистанский род Допананц. Сведения о генеалогической связи этого рода с княжескими фамилиями Карабаха (не только с Мелик-Бегларянами) сохранились в многочисленных народных и фамильных преданиях (одна из них, кстати, ведет происхождение этого рода от Допянов). Однако все эти предания, безусловно имеющие в себе рациональное зерно и основанные на правдивых историях, не способствуют рассеиванию дымки таинственности, окутывающей историю зарождения этой фамилии.

Совсем недавно один из старейших представителей рода Грант Амирджанович Макян поведал нам еще одну, разумеется, услышанную им от своих предков, историю зарождения своего рода. Согласно этой истории прародителем рода Допананц был живший в XVIII веке мелик Степан. Его сын Петрос был в числе тех, кто в начале XIX века вернулся вместе с меликом Фридоном в Гюлистан. Петрос привез с собой из Грузии семь домов то ли подданных, то ли сородичей и поселил их во вновь выстроенных на свои средства жилищах. Сыновья Петроса – Маки и Степан (похороненные впоследствии у стен Гюлистанской церкви) положили начало двум ветвям этого рода, названных соответственно по их

именам: Макияны и Степаняны (Потомственная линия братьев Маки и Степана имела следующее продолжение: Маки→ Хачатур→ Амирджан→ Грант→ Владимир. Степан→ Петрос→ Джавад→ Шагор→ Геннадий. Старейшими представителями, последнего поколения являются живущий в городе Переславле Залесском Владимир Грантович Малян и проживающий в Москве доктор юридических наук Геннадий Шагорович Степанян).

Это предание (разумеется, мы рассказали его вкратце, допуская все эмоциональные, зрелищные эпизоды), как нам кажется, вносит окончательную ясность в вопрос о родственной генеалогической связи между родом Допананц и Мелик-Бегларянами. Если вы помните, в XVIII веке род Мелик-Бегларянов действительно имел отпрыска по имени Степан, носившего титул -мелика. У нас нет сомнений, что упомянутый в предании прародитель рода Допананц мелик Степан есть одно и то же лицо с внуком (или правнуком) мелика Тамраза, меликом Степаном. Возможность совпадения практически равна нулю, ибо маловероятно, чтобы в одно и то же время в Гюлистане жили два мелика Степана. Исключена и возможность "подтасовки". Со всей ответственностью заявляем: человек, рассказавший нам это предание, не знал о том, что историческими свидетельствами подтверждается факт, согласно которому во второй половине XVIII века одно из звеньев потомственной линии гюлистанских властителей занимал человек носивший титул мелика. Посему, с пол-

ной уверенностью можно сказать, что помимо трех, названных на сегодняшний день, известна и четвертая ветвь Мелик-Бегларянов, это род Допананц (Макияны и Степаняны).

Резюмируя все сказанное, отметим следующее.

Одна из ветвей древнего княжеского арцахского рода Допянов ветвь потомков Аитина Допяна, в силу трагических, но вместе с тем героических исторических обстоятельств, покинув родовую вотчину, утвердилась в северной части Арцахского края, где в начале XVII века положила начало Гюлистанскому меликству и его правящей фамилии, которая по имени одного из выдающихся своих отпрысков мелика Беглара I примерно со второй четверти XVIII века стала называться Мелик-Бегларян. В течение последующих ста лет после смерти Беглара властвующая гюлистанская фамилия Мелик-Бегларян постепенно распалась как минимум на четыре ветви: Мелик-Бегларяны, Мелик-Овсепяны, Абовяны и Допананц.

В завершении данной работы приводим схематическое изображение родового, дерева властителей. Гюлистана, своего рода графическое резюме всего рассказанного на страницах книги.

Схематическое изображение родового древа властителей Гюлистана

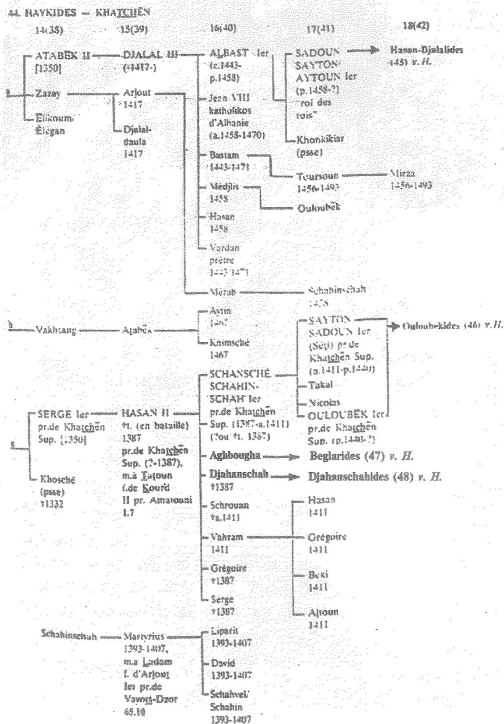
Фотоприложение

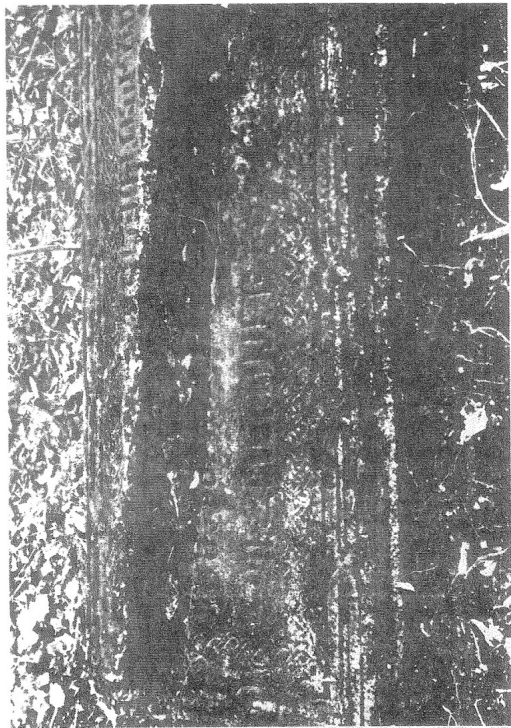
Хачкар. Селище Хин-Хрхапор.

Фото из личного архива

Родословная Допянов по Туманову.*

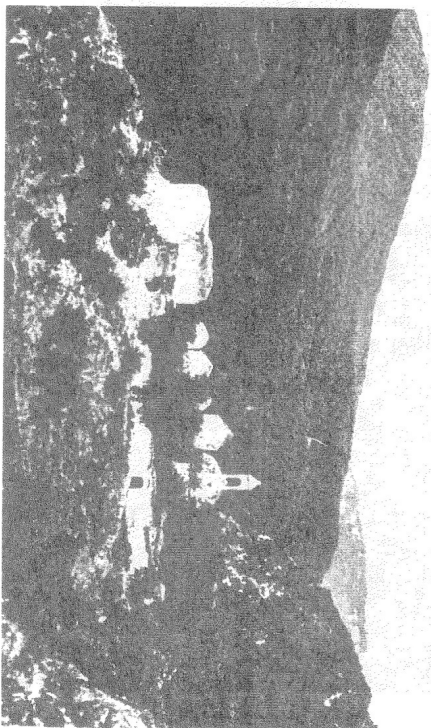

* Toumanoff C. Les dynasties de la Caucasic chrétienne de l' Antiquité jusque au XIX siècle. Tables genealogiques et chronologiques Rome, 1990.

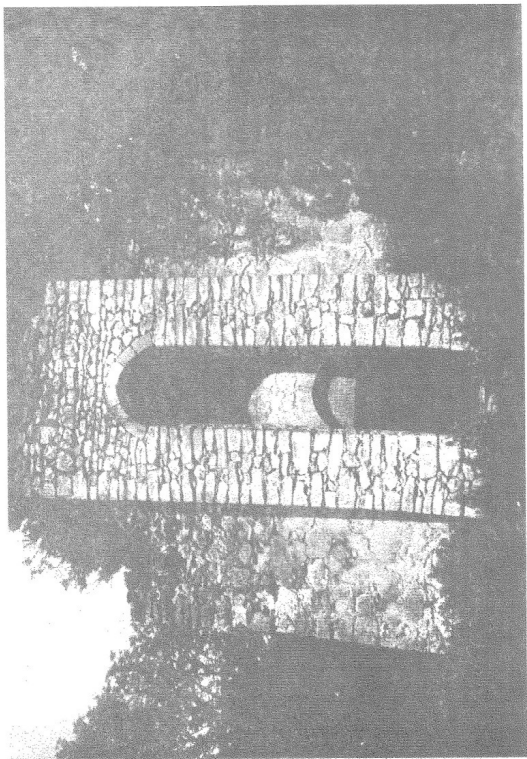
След беспечности и вандализма.
Разрушенная надгробная плита в Орехе (1753 г.)

Фото из личного архива

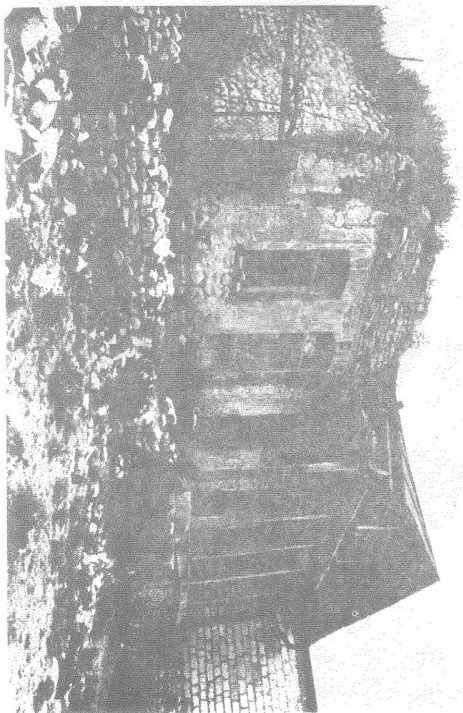
Панорама манастира св. Еutihиe.

Фото из личного архива

Орек. Фасад церкви.

Фото из личного архива

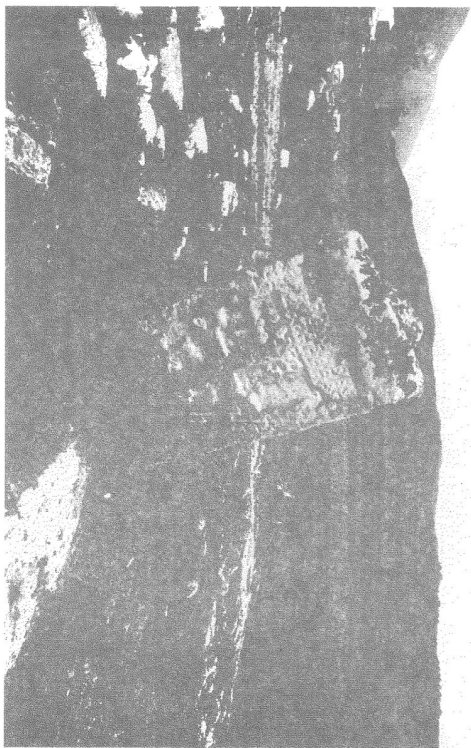
Жилище в традиционном народном стиле (17-18 в.в.).

Фото из личного архива

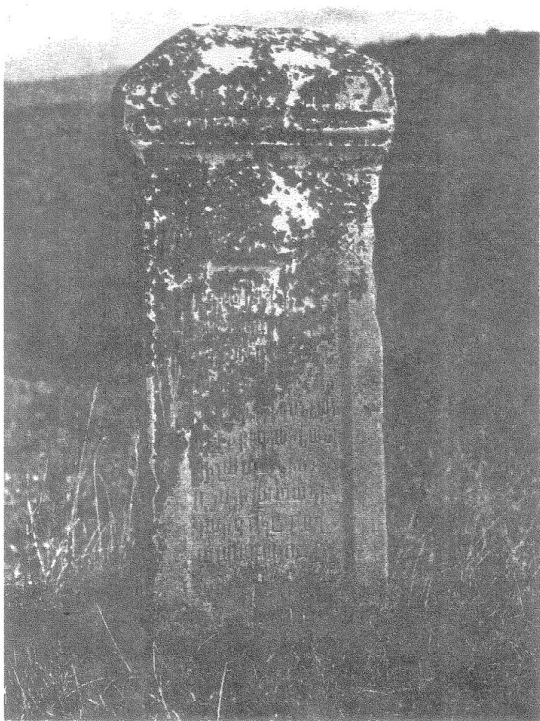
Голистанская крепость на фоне горы Мрав.

Фото из личного архива

Гюлистан. Хачкар.

Фото из личного архива

Стелла с надписью возле дороги Гюлистан - Хрхапор.
Надпись высечена 1 мая 1890 г. от имени Григора
Мелик-Багларяна - строителя упомянутой дороги.

Фото из личного архива

Панорама села Юлистан.

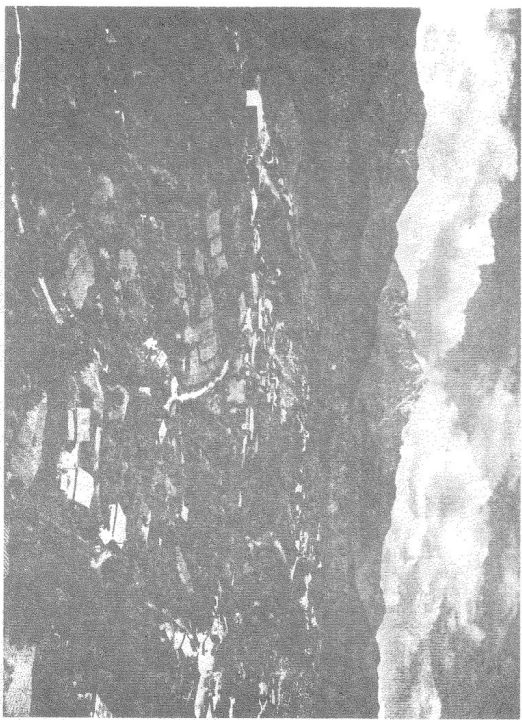
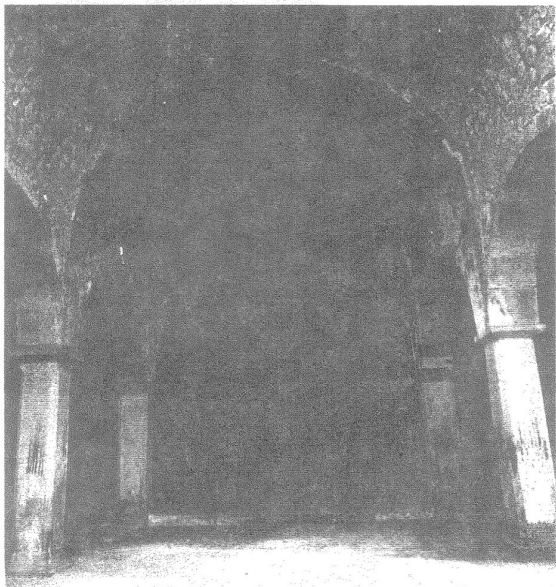

Фото из личного архива

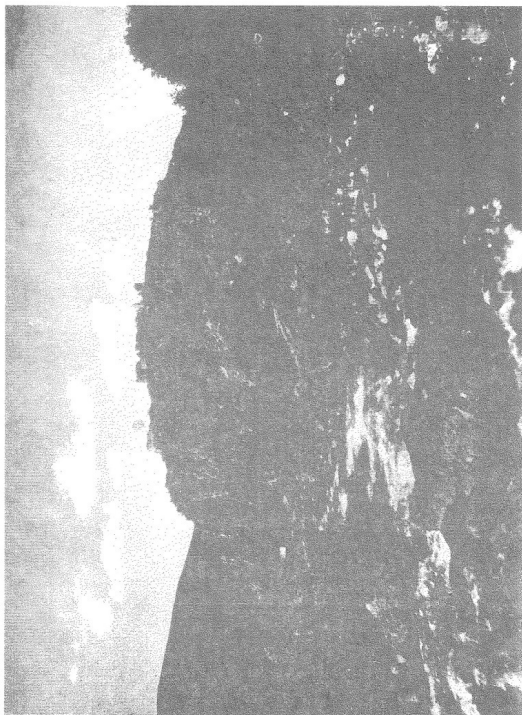
Голицынская крепость.

Фото из личного архива

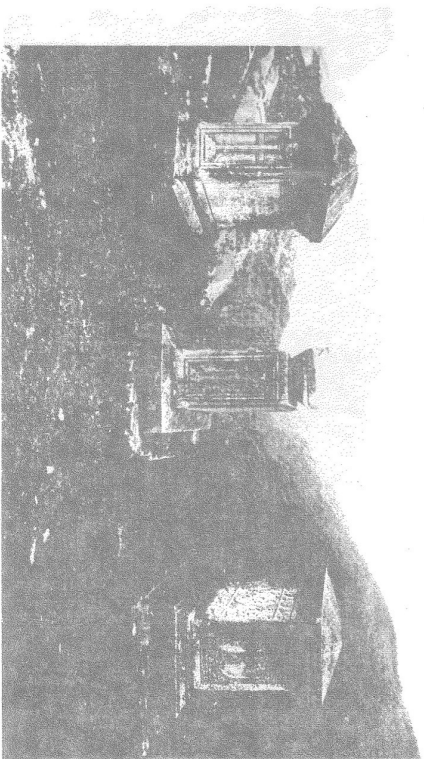
Фрагмент интерьера церкви в селе Гюлистан.

Фото из личного архива

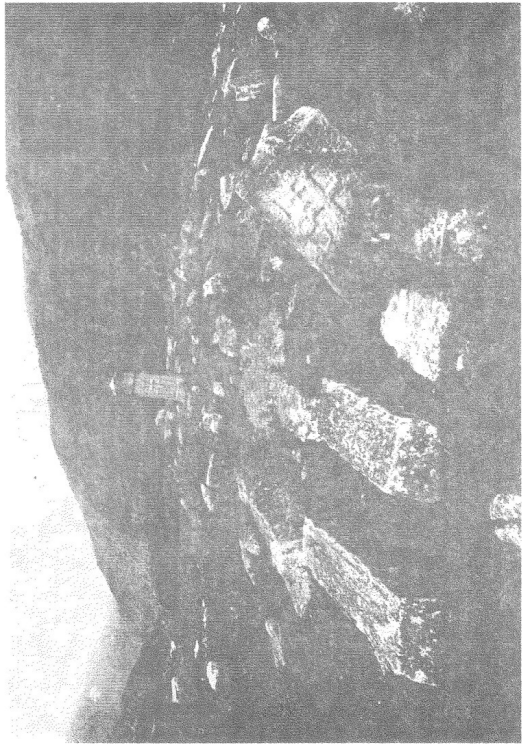
Остатки древнего поселения.

Фото из личного архива

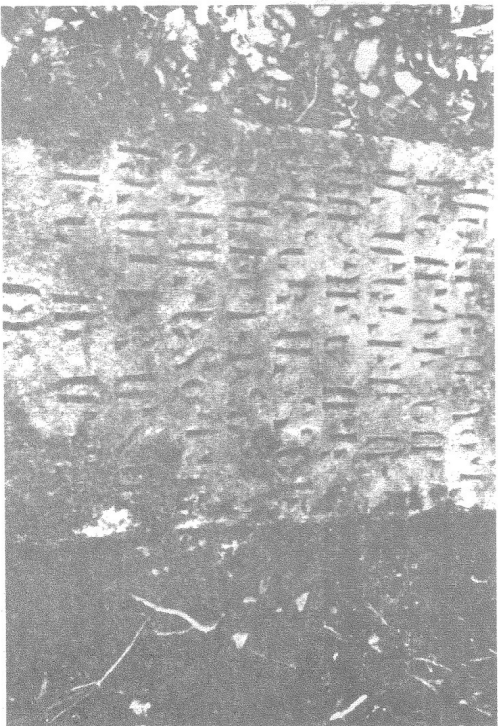
Талиш. Княжеские могилы.

Фото из личного архива

Гюлистан. Хачкары.

Фото из личного архива

Орек. Налпробная плита 1757 г.
В эпитафии упоминается меллик Абов и его сын Усуп (Овсен).

Фото из личного архива

Библиография

- Акопян Г.А., Осипов В.К. Гюлистан: Страницы истории. Ростов-и-Дону, 1998.
- Акопян Т.Х. Очерки по исторической географии Армении (с древнейших времен до начала XX века). Ереван, 1960.
- Акты Кавказской археографической комиссии./Под ред. АП. Берже: В 12 т. Тифлис, 1866-1904. Т.4, 6.
- Армяно-русские отношения в XVIII веке (1760-1800): Сб. документов. Ереван, 1990. Т. 4.
- Армянская советская энциклопедия. В 12 т. Ереван, 1973-1980.1.3,6,7.
- Армянский вопрос: Энциклопедия. Ереван, 1991.
- Арутюнян П.Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века. Москва, 1954.
- Асадов Ю. Армянские офицеры на царской службе: Краткий энциклопедический справочник. М. 1999.
- Асадов Ю. Армянские офицеры на царской службе // Бекский дом: литературно-художественный альманах. М.; Пятигорск, 1998.
- Бархударян М. Арцах. Ереван, 1996.
- Бархударян М. История Алуанка. В 2 т. Тифлис, 1900.
- Бархударян С. Мелики и танутеры Гехаркуника // Вестник Матенадаран. Ереван, 1967. №8.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Сп.-б., 1869.

Каланкатуаци М. История страны Алуанк. Ереван, 1969.

Каграманян К. Северный Арцах. Ереван, 1993.

Киравосян Г.Е. Библиографические сведения о Допянах.

Историко-филологическое издание. 1969. № 1.

Лалаян Е. Произведения. // В 5 т. Ереван, 1988. Т. 2.

Лео. История Армении: В 4 т. Ереван, 1946-1947. Т. 2,3.

Манандян Я.А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. д. н.э. – XV в н.э.). Ереван, 1954.

Мкртчян Ш. Статьи о Шаумяновском районе НКР. Армянский вестник. 1991-1992.

Мкртчян Ш. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван, 1988.

Мкртчян Ш., Давтян Ш. Шуши – город трагической судьбы. Ереван, 1997.

Овсепян Г. Хахбакянк, или Прошянк в армянской истории. Вагаршапат, 1928.

Потто В.А. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. М., 1993.

Раффи. Собрание сочинений: В 10 т. Ереван, 1957- 1959. Т. 8,10.

Словарь топонимов Армении и прилегающих областей: в 4 т. Ереван, 1987. Т.1.

Тунян В.Г. Россия и армянский вопрос. Ереван, 1998.

Тер-Мкртчян Карапет (Епископ Карапет). Допяны и Мелик-Шахназаряны: Материалы об армянских меликствах. Ч. II. Св. Эчмиадзин, 1917.

Улубабян Б. История Арцаха от начала до наших дней. Ереван, 1994.

Улубабян Б. Княжества Хачена X-XV век. Ереван, 1975.

Хомизури Г. Социальные потрясения в судьбах народов (на примере Армении). М., 1997.